

РУССКАЯ РЕЧЬ

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР

ОСНОВАН В 1967 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

№ 5

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

1967

В номере

1917—1967

Изучение русской грамматики в СССР 3

ВЫДАЮЩИЕСЯ СОВЕТСКИЕ ЛИНГВИСТЫ

В. И. Борковский. Сергей Петрович Обнорский 9

ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ

В. И. Чернышев. Язык и стиль стихотворений А. В. Кольцова . . . 12

С. Г. Капралова. О слове даль в поэме А. Твардовского «За далью — даль» 29

РЕЧЬ В ПЕНИИ

В. И. Садовников. Старые нормы произношения в пении . . . 31

ГРАММАТИКА, ПРАКТИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА

А. В. Бондарко. Некоторые случаи переносного употребления времен 34

Н. С. Авилова. Варианты глаголов с заимствованной основой . . . 38

К. С. Горбачевич. Жду поезда или жду поезд? Жалованье, получка, зарплата 39

Г. Я. Солганик. Заметки о языке научно-технических журналов . . 44

ЯЗЫК ГАЗЕТЫ

В. Г. Костомаров. Разговорные элементы в языке газеты . . . 48

ТЕРМИНОЛОГИЯ

В. П. Даниленко. Конференции по терминологии 54

Старинный русский календарь 56

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

В. В. Веселитский. Положительный. Лунный «кризис» 59

М. К. Шарашова. Легенды о цветах. Иван-да-марья 63

А. А. Брагина. Фольклор против идола 65

СТАРЫЕ КНИГИ

Мысль и слово в Древней Руси 69

Л. М. Шовгенова. Азбуковники 74

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В. В. Лопатин. Зачем языковеды изучают историю языка? 77

Л. Л. Касаткин. О русских диалектах 86

ОРФОГРАФИЯ

Н. А. Еськова. Из истории русской орфографии 92

И. Ф. Протченко. Новый орфографический словарь 101

В. А. Плотникова-Робинсон. Развитие современного русского языка
(обзор) 103

КОНСУЛЬТАЦИИ

Краткий словарь произношения и ударения 109

Почта «Русской речи» 111

1917—1967

Изучение

РУССКОЙ ГРАММАТИКИ В СССР

Развитие науки о грамматическом строе современного русского языка в Советском Союзе в значительной степени было естественным продолжением сложившихся еще в дореволюционную эпоху научных направлений. У истоков этих направлений стоят три великих лингвиста — А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, И. А. Бодуэн де Куртенэ. От Потебни наша лингвистика восприняла стремление к тонкости и строгости анализа, понимание задач грамматической науки как исторически обоснованного, углубленного проникновения в сложные области грамматической семантики, познания языковых фактов в неразрывном единстве формы и значения. Влиянием фортунатовской школы определилась ориентация на форму как на главенствующий объект изучения. Наконец, блестяще обоснованный Бодуэном де Куртенэ тезис о системности языковых явлений и его принцип «диалектического синхронизма» в изучении живых языков во многом определили последующие пути и методы изучения грамматического строя современного русского языка.

В Советскую эпоху все эти направления были творчески развиты и обогащены. Грамматические системы А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, труды В. А. Богородицкого, Н. Н. Дур-

ново, Г. О. Винокура, Л. А. Булаховского и др. продвинули далеко вперед отечественную науку о языке и в свою очередь послужили живым стимулом не только для конкретного изучения языкового материала, но и для новых теоретических построений. В последнее десятилетие проблемы грамматики активно разрабатываются языковедами-структуралистами, которые в своих наиболее самостоятельных исследованиях во многом связаны с отечественными и зарубежными традициями «формальной грамматики».

При разработке проблем словообразования современного русского языка особое значение имела концепция И. А. Бодуэна де Куртенэ (и его школы), согласно которой необходимо строго различать синхронный и исторический подходы, рассматривать явления современного языка прежде всего с точки зрения их продуктивности. Ряд важнейших проблем словообразования был поднят Н. В. Крушевским в его труде «Очерк науки о языке» (Казань, 1883). Ему принадлежит едва ли не первая в русской науке попытка классификации «разновидностей морфологических элементов слова». Большое значение имели и труды М. М. Покровского, в которых частично на русском материале изучались группы произ-

водных слов, объединенных общностью значения, и характерные для них регулярные семантические переходы.

Историю изучения русского словообразования в Советскую эпоху можно разделить на три периода. В первый период (примерно до середины 40-х годов) словообразование еще не было самостоятельным объектом изучения и, как правило, не выделялось из морфологии. В грамматических курсах, преследовавших преимущественно учебные цели, словообразовательный материал либо отсутствовал вообще, либо ему уделялось очень небольшое место в виде выборочного перечня отдельных словообразовательных типов.

Правда, в конце 20-х и в 30-е годы появилось несколько исследований, посвященных некоторым конкретным вопросам словообразования. Среди них особо следует выделить статьи Г. О. Винокура «Глагол или имя?» (сб. «Русская речь». Вып. III. Л., 1928) и «О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии» («Труды Московского ин-та истории, философии и литературы». Т. V. 1939). Еще не формулируя основ своей теории, рассматривая конкретные словообразовательные типы (отглагольные имена), Г. О. Винокур показал некоторые интересные приемы анализа словообразовательных явлений, в частности — сопоставительный анализ синонимических словообразовательных типов, разных способов выражения близких значений. При этом изучаются свойства производящих основ, способствующие или препятствующие образованию слов данных синонимических рядов, выясняются стилистические свойства производных слов, указываются внеязыковые импульсы, способствующие их возникновению.

Полный перечень и характеристика аффиксальных типов русского именного словообразования впервые были даны в книге В. В. Виноградова «Современный русский язык» (вып. II, М., 1938). В ней, как и в книге «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (М.—Л., 1947), В. В. Виноградов проводит мысль о тесной связи словообразования и словоизменения.

Начало второго периода в изучении русского словообразования относится ко второй половине 40-х годов. Это было время решительного поворота в сторону интенсивных теоретических и практических разысканий. Большое значение для разработки теории словообразования имела статья Г. О. Винокура «Заметки по русскому словообразованию» («Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1946, вып. 4), в которой изложены принципы словообразовательного анализа, подчеркнута необходимость в практической работе различать факты прошлого и настоящего.

Важной вехой на пути развития теории словообразования были работы академика В. В. Виноградова, в которых обобщено все наиболее ценное, сказанное к тому времени о словообразовании в русской лингвистической науке, поставлены и решены многие теоретические вопросы, определено место словообразования в системе языка и среди других языковедческих дисциплин.

В статьях В. В. Виноградова по проблемам словообразования, опубликованных в 1951—1952 гг., показана тесная связь словообразования с грамматикой и лексикологией. Благодаря такой постановке вопроса была четко выявлена специфика словообразования как самостоятельного раздела, занимающего промежуточное положение между морфологией

и лексикологией, В. В. Виноградовым была разработана также система способов русского словообразования. Логическим завершением всех этих исследований было описание словообразования, которое дано в первом томе академической «Граматики русского языка» (М., 1952) и в курсе «Морфология русского языка», изданном МГУ (1952). Теоретически разделы о словообразовании основаны в них на работах В. В. Виноградова. До сих пор это наиболее полное описание словообразования существительных и прилагательных русского языка. Глагольное словообразование дано в этих грамматиках менее подробно. Проблема разграничения словообразовательных и собственно морфологических фактов (в особенности в связи с категориями вида и залога) остается актуальной и в настоящее время.

С середины 50-х годов начинается третий период в изучении русского словообразования. Выход в свет академической «Граматики» стимулировал не только изучение конкретных вопросов словообразования, но и более углубленную разработку и осмысление теоретических проблем. Появляются исследования, в которых словообразование изучается как система, т. е. как совокупность словообразовательных типов языка в их взаимодействии, выясняются тенденции развития этой системы.

Исследованиям последнего времени свойственно стремление выделить и разграничить собственно языковые и внеязыковые, социальные причины изменений в словообразовании, объективно изучить соотношение этих причин и найти равнодействующую, которая бы определила путь развития того или иного словообразовательного типа (работы Б. Н. Головина, Е. А. Земской, Н. М. Шанского и др.).

В изучении морфологии современного русского языка можно выделить три периода. В первый период в морфологических исследованиях господствовало формально-грамматическое направление (работы Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново, А. М. Пешковского, М. Н. Петерсона; в педагогической практике за ними следовало большинство методистов). Формальная грамматика изучала только те значения, которые имели специальное материальное выражение.

Формальное направление сыграло положительную роль в развитии науки о грамматическом строе русского языка: были изучены средства выражения грамматических отношений, определены функции флексий разных типов слов, сделаны попытки построить строгие классификации форм слов и их систем, а также самих слов на основании их формальных признаков.

В 20-е годы в трудах М. Н. Петерсона обозначился кризис этого направления, выразившийся в неорганическом совмещении формальной классификации слов с дробностью и пестротой их деления по значениям в пределах одной и той же категории. Стала очевидной противоречивость этих классификаций — формальных, с одной стороны, и лексико-семантических, с другой.

Началом второго периода в изучении морфологии можно считать появление статьи Л. В. Щербы «О частях речи в русском языке» (сб. «Русская речь». Вып. II. Л., 1928). В отличие от сторонников фортунатовского (формального) направления, стремившихся к строгому разграничению семантического и формального в слове, Л. В. Щерба, развивая теоретические положения казанской и петербургской лингвистических школ, высказал мысль о единстве

значения и формы. Если для формального направления основной точкой зрения на классификацию частей речи была грамматическая (при отнесении слова к одной из частей речи учитывалась идентичность словоизменения и роль слова в предложении), то Л. В. Щерба считал, что в основе классификации должна лежать лексико-семантическая категория, вернее, то, под какую общую семантическую категорию (предмета, действия, состояния, признака) лексическое значение слова подводится. В начале 30-х годов такая точка зрения на части речи стала господствующей. Немаловажную роль в ее утверждении сыграл «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова (вып. 1, 2, Л., 1925—1927).

Наиболее полное выражение взгляды на грамматику и в первую очередь на морфологию как на грамматическое учение о слове нашли в трудах В. В. Виноградова «Современный русский язык» и «Русский язык. Грамматическое учение о слове». Здесь дана характеристика основных морфологических категорий современного русского языка, отмечены связи процессов словоизменения и словообразования. Развивая учение Л. В. Щербы о частях речи, В. В. Виноградов включает в характеристику слов, объединяющихся внутри одной части речи, степень номинативной самостоятельности, систему грамматических форм и характер синтаксического употребления. Предложенная В. В. Виноградовым система частей речи заняла прочное место в грамматической науке. Она представлена во всех грамматических пособиях, руководствах и учебниках.

Началом третьего периода можно считать 1950 год, когда особенно интенсивно стал изучаться граммати-

ческий строй русского языка. Наиболее значительной работой в это время была академическая «Грамматика русского языка». Проблема выделения частей речи и их классификации, исследование отдельных грамматических категорий, типов словоизменения существительных и функций падежей, лексико-грамматических соотношений, характеризующих формы единственного и множественного числа существительных и т. п. — весь этот круг вопросов в 50-е годы изучается языковедами.

В последние десять лет отдельные вопросы русской морфологии разрабатывались методами структурной лингвистики. Наибольший интерес здесь представляет диссертация А. А. Зализняка «Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка» (М., 1965). Последнее десятилетие характеризуется, кроме того, развитием прикладной лингвистики (лингвистическая обработка текста для машинного перевода и лингвистическая статистика).

В развитии науки о синтаксисе современного русского языка можно наметить три периода. Первый — господство «формально-грамматического направления», развивающего учение Ф. Ф. Фортунатова о «чистой форме» как о единственном объекте грамматического исследования. Наиболее отчетливое выражение эти принципы нашли в первых двух изданиях «Русского синтаксиса в научном освещении» А. М. Пешковского (М., 1914 и 1920) и в «Очерке синтаксиса русского языка» М. Н. Петерсона (М.—Пг., 1923). Трудом, завершающим этот период, можно считать «Повторительный курс грамматики русского языка» Н. Н. Дурново (вып. 2, М., 1929).

Начало второго периода определяется выходом в свет «Синтаксиса русского языка» А. А. Шахматова, решительно отказавшегося от ориентации на форму. Исследуя синтаксический строй прежде всего с точки зрения единства языка и мышления, Шахматов выдвинул учение о предложении как о словесном выражении акта психологической коммуникации. Созданная Шахматовым новая и стройная система позволила ему дать такое полное и систематическое описание синтаксиса русского языка, которого наука не знала ранее; его учение о типах связей, о двусоставных и односоставных предложениях, о членах предложения открывало новые перспективы научных размышлений. Шахматовская система и метод оказали влияние на все грамматические работы 30-х и 40-х годов: после выхода книги А. А. Шахматова А. М. Пешковский, отказавшись от прежней формальной классификации, более чем на три четверти заново переписал свой «Русский синтаксис в научном освещении» (издание 3, М., 1928). Идеи А. А. Шахматова в разных направлениях были развиты В. В. Виноградовым, Л. А. Булаховским, А. Н. Гвоздевым и др. Работы В. А. Богородицкого, а особенно А. М. Пешковского и Л. В. Щербы привлекли внимание к звуковому строю предложения, к интонации как одной из его конструктивных черт. С проблемой интонационного членения, ритма речи тесно связана теория синтагм, разработанная в трудах Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского и др., а также выдвинутая А. М. Пешковским теория «обособления». Стали также изучаться проблемы взаимодействия в строе предложения грамматических форм и интонационных

средств и соотношения их функций. В этот период, особенно во второй половине 40-х годов, появляется много конкретных исследований: изучаются разные типы предложений, синтаксис падежей, разные виды связей.

Третий период — 50-е годы. Начало его — выход в свет синтаксических томов академической «Грамматики русского языка» (М., 1954), в которой, с одной стороны, подводился итог всему сделанному ранее, с другой — были сформулированы основы для построения новой синтаксической системы (во введении, написанном В. В. Виноградовым): последовательное противопоставление словосочетания и предложения как внутренне различных единиц, новое понимание предикативности и модальности как центральных категорий синтаксиса предложения, отказ от учения о второстепенных членах предложения, выделяемых на неграмматических основаниях.

За выходом в свет академической «Грамматики» последовало большое количество работ теоретического и конкретного характера, посвященных исследованию разных типов словосочетаний — свободных и фразеологически связанных. Внимательно изучались виды простого предложения с точки зрения их собственно грамматической структуры, в основном со стороны характера их «главных членов». Что касается вопросов внутреннего членения простого предложения, то нужно сказать, что попытки найти сколько-нибудь объективные критерии для выделения и разграничения так называемых «второстепенных членов» не увенчались успехом и постепенно утратили свою актуальность; они уступили место более объективным исследованиям

о формах связей и сцеплений слов.

Значительно продвинулось вперед изучение сложного предложения. Советские языковеды отказались от одностороннего учения о придаточном предложении как о развернутом члене главного. На смену ему пришла теория о сложном предложении как о едином целом. Учение Л. В. Щербы об одночленных и двучленных фразах нашло дальнейшее развитие в трудах Л. А. Булаховского, Э. И. Коротаевой и особенно Н. С. Поспелова. Пристальное внимание к структурным свойствам разных типов сложного предложения, к порядку расположения его частей, к соотношениям видо-временных форм сказуемых, к конструктивной роли лексических элементов, к интонации — все это позволило прийти к новому пониманию структуры и внутренних свойств сложного предложения. Появился ряд специальных работ по общим проблемам предикативности и модальности. Проблемы эти относятся не столько к изучению русского синтаксиса, сколько к теории синтаксиса вообще; русские синтаксисты внесли значительный вклад в разработку этой общетеоретической проблематики.

В Советскую эпоху внимание исследователей впервые обратилось к синтаксическому строю разговорной речи. Начало положила статья Л. П. Якубинского «О диалогической речи» (сб. «Русская речь». Вып. I. Пг., 1923). Позднее в ряде специальных работ, прежде всего Н. Ю. Шведовой, была намечена проблематика, связанная со специфическими свойствами строения «говоримой» речи.

Однако обильное привлечение новых материалов, стремление к тща-

тельности их характеристики и детальности классификации (при недостаточно отработанных методах собственно формального анализа и сопоставления его с анализом семантическим) повлекло за собой увлечение именно семантическим анализом, к тому же часто понимаемым неоправданно широко. Появилась опасность смешения фактов грамматики и лексики, языковой формы и выражаемого ею конкретного содержания. Подобные недостатки, свойственные некоторым работам так называемого «традиционного направления», в настоящее время преодолеваются.

В последние годы появились исследования по русскому синтаксису, развивающие идеи и методы структурной лингвистики. К числу работ этого типа относится книга Т. П. Ломтева «Основы синтаксиса русского языка» (М., 1958). Позднее появился ряд исследований, отчасти подчиненных задачам машинного перевода и имеющих прикладное значение, отчасти же представляющих собою самостоятельное научное значение. Наибольшего внимания здесь заслуживают работы И. А. Мельчука и Ю. Д. Апресяна.

Таким образом, за истекшее пятидесятилетие наша отечественная наука о грамматическом строе русского языка проделала большой путь. Коллективными усилиями советских языковедов изучен огромный фактический материал, который глубоко осмыслен теоретически с разных точек зрения. Это сделало возможным создание на научной основе школьных и вузовских грамматических курсов и учебников, а также заложило прочный фундамент для дальнейших исследований.

**ВЫДАЮЩИЕСЯ
СОВЕТСКИЕ
ЛИНГВИСТЫ**

Сергей Петрович ОБНОРСКИЙ

Я — человек от природы скромный. Никогда я ничего не желал и не желаю. Но всегда я тяготел к науке. К своим писаниям я всегда был очень критичным... Если чем-либо я содействовал подъему русского языкознания, я очень рад (Из письма С. П. Обнорского от 11 июня 1958 года).

Эти слова выдающегося слависта, доктора филологических наук, профессора, академика, действительно члена Академии педагогических наук, члена ряда зарубежных академий Сергея Петровича Обнорского — точная характеристика ученого, горячо любившего Родину, родной русский язык.

Письмо было написано Сергеем Петровичем в юбилейный для него 1958 год, когда научная общественность отмечала 70-летие со дня рождения ученого и С. П. Обнорский мог бы с гордостью оглянуться на пройденный путь. Однако он отказался от публичного чествования; не был выпущен в его честь и сборник статей. На протяжении всей своей жизни (умер 13 ноября 1962 года) С. П. Обнорский, неутомимый и талантливый исследователь, обогативший русское языкознание первоклассными трудами, оставался скромным человеком, любезным, простым, неизменно доброжелательным к людям. Эта скромность ученого, критическое отношение к тому, что выходило из-под его пера, не мешали ему решительно отстаивать свои научные взгляды. В то же время С. П. Обнорский с исключительной терпимостью относился к выводам других ученых, в том числе

и молодых, никогда не подавлял их своим авторитетом

Исследования С. П. Обнорского посвящены самым различным вопросам русского языкознания: исторической фонетике, морфологии и синтаксису, лексикологии, диалектологии и истории русского языка, культуре речи. Неоценимы его заслуги как лексикографа. С. П. Обнорский с 1912 года принимал участие в редактировании академического «Словаря русского языка», и эту работу вел непрерывно в течение 25 лет, до 1937 года, когда издание было приостановлено. Затем ученый в качестве члена редколлегии работал над большим 17-томным академическим «Словарем современного русского литературного языка» (первый том вышел в 1948 году) и над малым (четырёхтомным) академическим «Словарем русского языка» (первый том вышел в 1957 году). До самых последних дней жизни С. П. Обнорский читал пробные листы, давал советы и указания составителям словарей.

С. П. Обнорский был также главным редактором составленного С. И. Ожеговым однотомного «Словаря русского языка» (вышел в 1949 году), заслужившего высокую оценку у нас и за рубежом. (В составлении этого

Словаря принимали участие известный исследователь русского языка профессор Г. О. Винокур и В. А. Петросян.) Под общей редакцией С. П. Обнорского выходят также второе и третье издания Словаря С. И. Ожегова (1952, 1953).

Живо откликается ученый на выход словарей: «Русское литературное ударение и произношение. Опыт словаря-справочника». Под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (1955); «Орфографический словарь русского языка». Под редакцией С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро (1956). Этим словарям он посвящает рецензии в журналах «Русский язык в школе» (1956, № 5) и «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка» (1957, вып. 4).

С. П. Обнорскому принадлежит цикл статей по культуре речи и брошюра «Культура русского языка» (М.—Л., 1948), в которых он призывает бережно хранить чистоту и правильность нашей речи, бороться за ее выразительность, простоту. Задачу нормализации русского литературного языка исследователь считал сложной и чрезвычайно важной.

С. П. Обнорский был преимущественно историком языка. Поэтому и при решении вопросов современного русского литературного языка он большое внимание уделял судьбе лексики, морфологической и синтаксической природе, системе произношения русского языка. Так, говоря о современных орфоэпических нормах, С. П. Обнорский выясняет в ряде статей, как возникло то или иное произношение отдельных слов и сочетаний согласных, каким оно было во времена Ломоносова, Пушкина, как изменялся характер аканья на протяжении XVIII—XX веков и т. д.

Глубоко интересовали С. П. Обнорского и вопросы орфографии. Он был одним из наиболее активных участников работы по составлению свода орфографических и пунктуационных правил.

Изучая грамматический строй современного русского языка, ученый особое внимание уделял морфологической системе и своими статьями, книгами возбуждал интерес других исследователей к вопросам морфологии.

Исключительно большую роль в истории русского языкознания сыг-

рал капитальный труд С. П. Обнорского «Именное склонение в современном русском языке» (вып. 1—Единственное число. Л., 1927; вып. 2—Множественное число. Л., 1931). Здесь явления современного русского именного склонения освещены как на основе материала, извлеченного из произведений русской художественной литературы XVIII—XIX веков, так и важнейших печатных и отчасти рукописных источников диалектологического характера. Для объяснения тех или иных падежных форм, колебаний форм и ударений в них автор приводит параллели из других восточнославянских языков, выясняет, не является ли слово заимствованием из греко-латинского источника, из западноевропейских языков. Чрезвычайно важно, что ученый устанавливает диалектные границы употребления каждой рассматриваемой им именной формы, время возникновения новой формы и степень продуктивности новобразования.

Продолжением этой книги были «Очерки по морфологии русского глагола» (М., 1953), в которых содержится огромный фактический материал по употреблению глагольных форм в современном русском языке, взятом во всем многообразии его говоров. В связи с этим исследование представляет большой интерес и для историков русского языка: в различных говорах сохранились глагольные формы, характерные для более ранних периодов истории системы русского глагола. Кроме того, в труде есть и специальные исторические экскурсы.

Справедливо полагая, что факты современного русского языка не могут быть освещены без знания истории языка, С. П. Обнорский тщательно исследовал ряд важнейших памятников письменности. Уже в первые годы научной деятельности ученый печатает труды о языке древнейших памятников, причем основное внимание уделяет фонетическим явлениям. С. П. Обнорский и в дальнейшем не прекращает наблюдений над языком памятников, но проявляет особый интерес к явлениям морфологии, не оставляя без внимания фонетику, синтаксис и лексику русского языка.

Из числа этих работ отметим

статьи «„Русская Правда“ как памятник русского литературного языка» («Известия АН СССР», серия 7. Отделение общественных наук. 1934, № 10) и «Язык договоров русских с греками» (сб. «Язык и мышление», 1936, т. VI—VII) и книгу «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» (М.—Л., 1946), которая была удостоена Государственной премии I степени.

В названных исследованиях С. П. Обнорский обосновывает свою точку зрения на литературный русский язык старшей поры.

С. П. Обнорский не согласен с мнением, что русский литературный язык по своему происхождению не русский, а перенесенный на русскую почву письменный древнеболгарский язык, язык пришедшей церковнославянской книжности, подвергшийся в последующие века русскому воздействию.

Наиболее ярко самобытность русского литературного языка, русского в своей основе, отстаивается в «Очерках по истории русского литературного языка старшего периода», где проанализированы четыре памятника: краткая редакция «Русской Правды», сочинения Владимира Мономаха, «Моление» Даниила Заточника и «Слово о полку Игореве». Выводы С. П. Обнорского сделаны на основе изучения графики и всестороннего исследования языка этих произведений: фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики. С. П. Обнорский не отрицает воздействия церковнославянского (древнеболгарского) языка, но считает долю этого воздействия незначительной, причем различной в зависимости от жанра памятника и времени его сложения (в более ранних — меньше наслоений церковнославянизмов).

Концепция С. П. Обнорского встретила поддержку со стороны ряда русистов, чему способствовали успешные археологические раскопки на территории Новгорода (с 1951 года). Они дали богатый материал, свидетельствующий о широком распространении грамотности в Древней Руси, — многочисленные берестяные грамоты, большинство из которых частные письма, чуждые ино-

язычного влияния в фонетике и грамматической системе.

Не имея возможности остановиться в краткой заметке на многих работах С. П. Обнорского, посвященных другим темам (этимологии отдельных слов, словам и элементам иноязычного присхождения, ложным заимствованиям и др.), отметим ряд статей по истории отечественного языкознания: о его учителе академике А. А. Шахматове, академике Ф. Е. Корше, академике Б. М. Ляпунове, члене-корреспонденте АН СССР А. М. Селищеве, академике Л. В. Щербе. С. П. Обнорским написаны и два сохранивших свою ценность обзора, подводящих итоги изучения русского языка (один — за 25 лет; другой — за 200 лет), а также статья «Задачи Академии наук СССР в области изучения русского языка» («Вестник Академии наук СССР», 1944, № 4—5).

Многие из названных нами исследований С. П. Обнорского вошли в книгу: С. П. Обнорский. Избранные работы по русскому языку. М., Учпедгиз, 1960.

Велики заслуги С. П. Обнорского в подготовке научных и педагогических кадров. Его педагогическая деятельность началась еще в 1915 году, когда С. П. Обнорский был утвержден в звании приват-доцента Петроградского университета. С. П. Обнорский читал лекции также на Высших женских (Бестужевских) курсах, в Пермском университете, Ленинградском педагогическом институте имени Н. А. Некрасова, Московском университете. Ученики С. П. Обнорского преподают русский язык в высших учебных заведениях, в средней школе и свято хранят память о любимом учителе, который щедро делился с ними своими обширными знаниями, богатым опытом и педагогическим мастерством.

Родина высоко оценила и научные труды С. П. Обнорского и его общественную и педагогическую деятельность: он был награжден двумя орденами Ленина, медалями, удостоен Государственной премии I степени.

**Член-корреспондент АН СССР
В. И. БОРКОВСКИЙ**

В научном наследии крупного советского языковеда члена-корреспондента АН СССР Василия Ильича Чернышева большое место занимают работы о языке и стиле писателей-классиков (Крылова, Пушкина, Тургенева и др.).

Статья «Язык и стиль стихотворений А. В. Кольцова», написанная талантливым ученым-самородком (В. И. Чернышев не смог получить в дореволюционной России высшего образования), имеет большую научную и методико-педагогическую ценность.

Как и в других статьях этого типа, автор рассматривает вопросы орфографии и пунктуации, дает обзор книжных и народных элементов. Здесь содержится много интересных и тонких наблюдений над языком и стилем А. В. Кольцова. (В. И. Чернышев анализирует тексты стихотворений Кольцова по изданию А. Ф. Маркса 1892 года.)

Статья В. И. Чернышева особенно ценна тем, что в научной литературе почти вовсе нет исследований о языке Кольцова (см. «Славянское языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1960 гг.», Ч. I, II. М., 1963; а также: В. Тонков, А. В. Кольцов. Жизнь и творчество. Воронеж, 1958, где, в частности, см. главу III — «К вопросу изучения Кольцова» и «Примечания», дается библиография работ о Кольцове).

Дата написания статьи В. И. Чернышева не проставлена в рукописи, место написания — г. Ленинград. Статья публикуется впервые. Материал подготовил к печати кандидат филологических наук И. Ф. Протченко.

Редакционные примечания даны в квадратных скобках [ ], сокращения текста — в угловых <...>.

В. И. ЧЕРНЫШЕВ

ЯЗЫК И СТИЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ А. В. КОЛЬЦОВА

Орфография и пунктуация

Правописание текстов Кольцова если и можно назвать сколько-нибудь упорядоченным, то упорядоченным по совершенно необычному принципу: принципу соглашения письма весьма слабого в орфографии автора с орфографическими правилами его времени. Кольцов, например, окончание прилагательных мужского рода в родительном падеже писал по произношению на *-ова*. Издатели оставляли неприкосновенным это правописание, и поэтому в текстах его стихов мы видим множество случаев с такой орфографией, которая вообще никогда не допускалась в литературном письме: *воску ярова*, *друга милова*, *память милова*, *коня быстрова*, *из большова леса*, *чашу горькова*, *света белова*, *друга вернова*, *угла тёлова*, *прожитова счастья*, *пер-*

вова (жаль), последнева (люблю), одново меня, делать нечево и т. д., с включением числительных и местоимений с большой последовательностью. Однако встречается и орфографическое письмо с *-аго* (по старому, общепринятому тогда правописанию): *удалаго* молодца, гостя *новгородскаго*, а рядом, в том же стихотворении: суда *страшнова*, солнца *яснаго*, но это вообще очень редко, в виде исключения.

Правописание времен Кольцова допускало окончание *-ова* только в рифмах с существительными (ради наглядности рифмы), подобных: слова — *земюва*, снова — *злова* и т. п. Дальше этого оно не шло. У Кольцова мы видим нечто другое: более или менее последовательное применение, почти узаконение живого окончания прилагательных *-ова* вне потребности зрительной рифмы. Очевидно, здесь этой необычной орфографии первоиздатели стихотворений нашего поэта придали стилистическое значение. Народное, нелитературное окончание *-ова* хорошо шло к народной поэзии Кольцова, к его песням и бытовым стихотворениям из крестьянской жизни.

<...> Несомненно, что стихи, которые писал наш поэт, были для него не писаным словом, а словом живым, создаваемым и воспринимаемым на слух. При этих условиях родительный падеж прилагательных на *-ова* был для поэта слишком веским элементом, чтобы подменять его книжной, мертвой формой на *-аго*. Поэт усвоил и в писании стихов эту живую форму языка. Вероятно, при печатании он нашел поддержку и у других поэтов, всегда чутких к звукам родной речи. Белинский, никогда не смотревший на традиционную орфографию как на незыблемый закон языка, мог только поддержать данное новшество в правописании Кольцова, и оно в большинстве случаев твердо проводилось в печатании его текстов.

Таким образом, мы не можем в данном случае смотреть на орфографию Кольцова как на ошибочную: это не есть непреодолимая неграмотность, а вполне оправданный литературно-стилистический прием выразительного оформления поэтического слова. Исправление такой орфографии доказало бы грубо формалистическое понимание дела. Напротив, было бы желательно провести более тщательную сверку текстов Кольцова с сохранившимися рукописями и первопечатными изданиями, чтобы более приблизиться к автору и к его эпохе.

<...> Кольцов, несомненно, не владел во всех тонкостях пунктуацией своего времени. В некоторых местах он не смог установить пунктуацию, определяющую смысловые и синтаксические особенности текста. Не сделали этого и первоиздатели текста, то есть не провели в нем последовательной, строго определенной расстановки знаков препинания. Они только исправляли на разные манеры, по личным вкусам и соображениям тексты Кольцова, когда их приходилось печатать. Поэтому пунктуация текстов нашего поэта оказалась весьма непоследовательной и вызывающей нередкие не-

доумения. Она представляет ряд наслоений, идущих от разных лиц и литературных эпох, таких наслоений, в которых трудно установить основные, руководящие принципы пунктуации, дающие правильное истолкование текста автора и понятные с точки зрения обычаев общепринятого письма. Например, у Кольцова часто применяемым знаком деления речи было тире. Он ставил его в тех случаях, когда поэтическая речь требовала заметной паузы. Поэт не учитывал того, совпадает эта пауза с синтаксическим делением речи и необходимым знаком препинания или совсем противоречит этому делению и обычно не обозначается никакими знаками препинания. При печатании текстов Кольцова издатели старались сохранить его своеобразную пунктуацию (правильно сознавая, что она имеет смысл и ценность), с одной стороны; с другой стороны, они хотели дать место и своим, общепринятым знакам препинания. Таким образом, где, например, у Кольцова стояло тире вместо запятой, они сохраняли тире поэта и прибавляли к нему свою запятую; или же не исправляли авторского текста там, где у него без нужды сталкивались эти два знака препинания. Поэтому в текстах Кольцова очень часто видим вместе оба эти знака препинания, затемняющие текст, вместо одного, уясняющего поэтическую речь.

Уже в первой печатной песне нашего издания «Если встречу с тобой...» мы находим в пяти строках пять случаев применения этого двойного знака вместо одного — общепринятой запятой:

Если встречу с тобой,
Иль увижу тебя,—
Что за трепет-огонь
Разольется в душе!

При этом в одном случае запятая и тире стоят там, где не нужно ставить никакого знака:

А лобзаньям твоим,
А восторгам твоим,—
На земле, у людей
Выраженья им нет!

Здесь совершенно ясно, что Кольцов поставил тире, знак ритмический, фонетический, а при печатании текста к нему подставили чисто механически запятую, подражая пунктуации трех предыдущих строк.

⟨...⟩ Мы не будем указывать случаи неполадки текстов Кольцова с разными знаками препинания. Скажем два слова о запятых. Они ставятся постоянно, когда автор желает подчеркнуть второстепенный член предложения. Вот текст одного из самых известных стихотворений «Лес» [«Что, дремучий лес...»]. В нем необычные запятые:

Только, в непогодь,
Воешь жалобу
На безвременье.

Это опять знаки условные, риторические. Так ставятся запятые обычно:

В ночь, под бурей, я коня седлал...

(«Измена суженой»)

Есть также запятые, совсем недопустимые:

Пойдешь за ней на улицу,
Затеешь речь сторонкою,—
Так, нет, куда! — сидит, молчит...

(«Пора любви»)

Запятая после *так* обесмысливает текст. Она могла бы стоять тогда, когда *так* означает 'да', согласие. Здесь же *так* — в неделимом устойчивом выражении. Трудно допустить, чтобы эту запятую поставил сам А. В. Кольцов, столь чуткий к живому членению речи. Видимо, тексты его обрабатывали не сильные в пунктуации люди. [В последующих изданиях стихотворений А. В. Кольцова пунктуация уточнялась, приводилась в соответствие с авторским текстом. В частности, в издании «Библиотека поэта» (Л., 1958) упоминаемая здесь запятая после *так* отсутствует]. <...>

Книжные элементы

В «Песнях» и бытовых стихотворениях Кольцова с самого начала их создания изредка встречаются книжные формы слов, например, в существительных: *любовию* чистую, *любовию* верною, ласкаться *любовию*, *други*, *крылами* (обычно у Кольцова *крылья*), *скиптром* (вместо *скипетром*), *страстию* пылать, *песнию* (при *песнь*), в *несчастии*, в *счастии*, по *раздолию*, из *облак*; в прилагательных: родительный падеж женского рода — враги *басурманския*, *Украины вольныя* сыны, силы *вражие*; в глаголах: *внемлю*, *внемлет*, *мрут*.

Особо укажу немногие книжные, усеченные формы имен прилагательных в отличие от нечленных, народных: *широку* степь, *любовны* думы, леса *молчаливы*, отличаемые лишь стилистически, как не свойственные народной поэзии. <...> Книжное нечленное окончание при известном подборе слов имеем в формах составного сказуемого:

Если взглянешь, душа,—
Я горю и дрожу,
И *бесчувствен и нем*
Пред тобою стою!

(«Если встречу с тобой...»)

Где много слов про наслаждение,
Там для него душа *мертва*...

(«Ночлег чумаков», вариант)

В стихотворениях Кольцова встречаем, хотя редко, в виде исключения, книжные местоимения: *сей* — в *сем* бокале («Ро-

веснику», вариант), *сей* мир в *сей* стране («Длегия»), *сей* блеск таланта («Дюканж! ты чародей...»); *всяк* — *всяк* провиденью доверий («Утешение»), вперед *всяк* дерзостно глядел («На новый 1842 год»).

Итак, с местоимением *сей* мы имеем только один твердо установленный факт употребления: из этого мы видим, как разборчив был Кольцов в употреблении книжных слов своего времени. Любопытные показания дают формы причастий на *-щий*, *-вший*. Эти книжные формы у Кольцова редки: в «Песнях» их почти нет; в отвлеченных стихотворениях они малочисленны, наперечет. <...>Кольцов берет большей частью такие причастия, которые не имеют прямого глагольного значения, но или заменяют имена прилагательные: *враждующая* судьба (враждебная), *страждущая* душа (больная); или имеют значение существительных: *будущее*; или в большинстве случаев употреблены в переносном значении: *цветущая* жизнь, *карающая* судьба, *дремлющая* скала, *погухшие* очи, *уснувшая* волна и т. д. С прямым значением даны только четыре причастия: *блестящие* звезды, притворился *спящим*, *гибнущая* душа, *поющих* друзей (о птицах).

Наконец, мы имеем в поэзии Кольцова ряд чисто книжных синтаксических оборотов: *Вперял на деву* страстны очи («Путник»). Для того времени это был новый книжный синтаксический оборот; *Счастлив, счастлив тобою я!* («Мой друг, мой ангел милый; вариант); *Унылый путник, запоздалый* Один среди глухих степей, *Плетусь к ночлегу* («Путник»); *То тихо отклонив она меня руками* Невидима была («Наяда»). В данном тексте запятых, выделяющих деепричастный оборот, нет, так как границы словосочетаний здесь нарушены: подлежащее стоит внутри деепричастного оборота: *Вспоминает ли порою, Чья любовь к нему до гроба?* («Люди добрые, скажите»).

Такие обороты показывают в Кольцове автора, свободно владеющего литературной речью. И слова книжные в поэзии Кольцова очень нередки, так как он хорошо овладел литературным языком своего времени, а в его эпоху книжный язык был гораздо архаичнее и стоял дальше от народного, чем к концу XIX века. В поэзии Жуковского, Пушкина еще широко применялись церковные неполногласные формы слов: *град*, *брег*, *глас*, *глава*, а также церковнославянские по фонетическим признакам или по образованию слова: *мощь*, *страждут*, *воспомню* и т. п. Впрочем, у Кольцова слова данного ряда относительно редки и обычно встречаются в стихотворениях, которые не входят в цикл его песен. Вне этого цикла подобных славянизмов у Кольцова не так мало и влияние книжного языка в его поэзии оказывается довольно заметным, как показывают следующие примеры: со плеч, прохлаждаются (по-народному: проклажаются), сокрылась, сокроется, сокрылась, сокрывайтесь, главою, главу, ветер, глас, огонь, хладным, хладее, хладную, шумит страна, младую, младая, непрестанный, пребудет, озлащает, вежды, берега, подъемлет, предо мной.

Иное дело славянизмы, которые употребляют и теперь в свободных сочетаниях или в выражениях: среди дня, средь волн, омрачает, племенем, страна, влачусь, пленюсь, обратилось, развеял в прах и т. п.

Замечательно, что Кольцов избегал подобных слов. Так, в рукописи стихотворения «Размолвка» было: «Что огонь любви», в печати оказалось: «Любови *огонь*». Больше, конечно, старых книжных слов в лексике Кольцова. Таковы, например: лобзанья, благовонный, пленил, очи, наслаждаться, увы!, трепет, забвенье, ратовать, доблесть, уста, взоры, вкушать, вкусить, кров, ланиты, стенанья, внимай, съединят, упованье, година, пастырь (священник), упоитель, твердь, обаянье, иступленье, чело, ополчился, ниц, дуновенье, снаidet, благоговейно и т. п.

Затем имеем ряд литературно-книжных оборотов. Таковы сочетания с глаголами: Любить не намерена; пой без лести (о поэте); Пребудет памятна всегда; Я с уст прелестной Счастливое забвенье пил; И юным пламенем вся кровь Зажглась без упованья; Кипя душою, Горишь и гаснешь в тишине; Забудь любовь и плен сетей И огненные страсти...; Я дух изящностью питал; На прежнем небе ликовать; Не насладившись днем Прекрасной жизни, досыта не упившись Очаровательным дыханием весны; Порою он приводит в умиленье, Порой в восторг и иступленье.

(...) Почти во всех приведенных примерах мы видим поэтические метафоры, частью традиционные, частью авторские, что, конечно, весьма трудно разграничить по обширности материала и недостатку необходимых словарных пособий.

Значительное число книжных оборотов у Кольцова найдем в сочетаниях определения или эпитета (не народного) с существительным: на земную грудь, юность золотую, в сердечном упоеньи, лживой радостью мирскою (обманчивой, непостоянной). Иногда соединяются оба способа изображения, т. е. и сочетания существительных и определения-эпитеты при них: земных страстей безумное волнение.

В языке Кольцова оказываются также чисто литературные словоупотребления и со стороны семантики:

Ах, обнял он
Так *холодно*;
Так *сухо* речь повел со мной...

(«Два прощания»)

Друзья-счастливы
На бедность *холодно* глядят...

(«Бедный призрак»)

Здесь видим явные галлицизмы, которые наш поэт мог усвоить только из литературного языка.

Не буду указывать книжных слов и выражений в «Думах» Кольцова, где они вполне естественны и более или менее необходимы. Нам важно их присутствие в песнях и бытовых стихо-

творениях Кольцова, где он употребляет их не как простолюдин, а как автор, усвоивший их с литературным языком своего времени.

К литературной лексике Кольцова пужно отнести и встречающиеся у него разнообразные устойчивые выражения, которых нет в народном языке и которые автор мог усвоить только из литературных текстов и языка образованных людей, например: что виной (какая причина); со мною прощу без чипов; кто дал право ему и т. п.

К книжной стороне языка Кольцова необходимо отнести и некоторые случаи искусственного, неправильного словорасположения, необходимого в условиях построения стиха. Таких случаев у нашего поэта не так много, как, например, у Державина, очень свободного в этом отношении, но они у него есть, как есть изредка у современников Кольцова: Крылова, Жуковского, Пушкина и других. Укажем: «*День забвенья ли придет, Душа чувство изживет*» (нормально *ли* должно стоять при глаголе *придет*); «*Резвись; друзей в кругу простом Вновь вкусишь наслажденье*» («Ровеснику», вариант; вместо *в простом кругу друзей*).

Только усвоением книжно-литературного языка можно объяснить встречающиеся в стихотворениях Кольцова иностранные слова. Они у него вообще редки. Кольцов почти не пользуется ими в своих песнях и стихотворениях, связанных с народной жизнью. Они сосредоточены в «*Думах*» поэта: лампада, стихии мира, эдем, в хаосе, вакханка (в сравнении), идеи, стихия, художник, драма, история. Затем иностранные слова встречаются почти исключительно в стихотворениях литературного стиля: модный, браво, бал, дьявольский, каморы, зефир, слепой фортуны, филомелы глас, Парнас, поэт, элегия, бокалы, Наяда, гений, муки ада, кумир, демон, гармония, гармонический, булат, артист, мины (выражения лица), адамант.

Почти все это слова, которые были известны и в то время всем грамотным людям и не Кольцов ввел их в русский литературный язык. Конечно, в приведенном нами списке слов этого ряда значительная часть слов издавна принадлежит всему русскому языку и совсем не ощущается как нечто чужое, например, слова церковного происхождения: лампада, дьявол, ад, кумир, демон, а также общеизвестные слова из научной и бытовой терминологии: история, мода, бал — слова, знакомые и малокультурной мещанской среде, в которой вращался наш поэт; среди них украинские слова: атаман, камора, хлопцы (польское). За такими исключениями все же остаются слова, которые показывают, что Кольцов вполне сознательно усвоил некоторые недоступные его общественному окружению слова и понятия высшей литературной и философской культуры.

⟨...⟩Некогда академик А. И. Соболевский в искусно обоснованной и прекрасно изложенной статье о поэзии Кольцова доказывал, что эта поэзия идет от старой русской народной песни. Это поло-

жение, в частности верное, в общем одностороннее; оно не показывает нам в с е г о Кольцова. С «Песнями» Кольцова такой взгляд легко согласовать, но другая и значительная часть его творчества никак не объясняется народной песней со стороны содержания, стиля и языка. Безусловно оригинальны бытовые стихотворения Кольцова: «Песня пахаря», «Размышление поселянина», «Крестьянская пирушка», «Урожай», «Женитьба Павла», «Косарь», «Хуторок», «Ночлег чумаков». Здесь Кольцов никому и ничему не подражал, да и нечему было в то время подражать! Многие и в лирике Кольцова, даже в его «Песнях», было слишком ново, выразительно, художественно, сильно, и потому не могло возникнуть путем подражания. Напомню стихотворения и «Песни»: «Не шуми ты, рожь», «Молодая жница», «Лес», «Горькая доля», Песни Лихача Кудрявича [«Первая песня...» и «Вторая песня...»], «Пора любви», «Измена суженой», «В поле ветер веет», «Бегство», «Путь», «В непогоду ветер», «Тоска по воле», «Говорил мне друг, прощаючись», «Дума сокола», «Так и рвется душа», «Разлука» («На заре туманной юности»), «Не скажу никому», «Перепутье», «Расчет с жизнью», «Я был у ней», «Приди ко мне», «К ней», «Наяда», «Цветок», «На новый 1842 год». Здесь поэзия Кольцова превышает народную песню по глубине мысли, по силе и нежности чувства, по яркости художественных образов, по оригинальной литературной композиции. Здесь, наконец, не те люди, которых знает народная лирическая песня.

Среди «добрых молодцев» своего времени Кольцов прозорливыми очами поэта увидел и понял не только терпеливых страдальцев, но и непримиримых борцов со старым тяжелым укладом жизни, который угнетал и его самого. Кольцов осознал, что жизнь творится не счастьем или, по его выражению, «таланом», а усилиями воли и мысли, действием сознательного и свободного человека. Такого человека и показывают нам в той или другой мере его стихотворения. Страдающие (как и счастливые) изображаются нашим автором не как образцы и примеры для подражания, а как произведения тяжелой общественной жизни, вызывающие сочувствие и размышление. Его герой иного духа. Он хочет «жизнью тешиться, с злою долей переведаться»; его не страшат ни бури природы, ни бури жизни; он чувствует себя сильнее лешего и русалки; он не просит о счастье свою долю, а упрекает ее и приказывает ей; он требует службы и от «силы пододонной» (духов ада, чертей); его душа рвется из молодой груди, хочет воли и другой жизни. Несомненно, с глубоким сочувствием поэта изображен разудалый молодец, которому тяжка крестьянская жизнь и он готов переменить ее на разбойничью («Удалец»).

В первоначальном варианте «Косаря» молодец говорит: «Не плачь, милая; Твоего отца Не зарежу я...». Значит, возможность кровавой мести допускалась поэтом, и если бы автор хотел снять в изложении все следы личного гнева, то он не оставил бы будущего тестя с названием «старый хрен». С редким литературным мастер-

ством и необыкновенным сочувствием к пострадавшему отстранено все криминальное и выявлено все личное в истории поджигателя, мстителя богачу и представителю власти (старосте) за отнятую любимую и любящую девушку в стихотворении «Деревенская беда». Заманчивыми чертами нарисована личность и жизнь похитителя боярской дочери («Бегство»), который прямо не называется, но по всем признакам оказывается атаманом разбойничьей шайки. Господами положения, по Кольцову, оказываются не купцы, не рыболовы и подобные им люди, действующие на сцене жизни, а какие-то неведомые молодцы, скрывающиеся за ее кулисами («Хуторок»). Эти молодцы в состоянии (без божьей помощи) разбить ту жизнь, которая им не нравится (ср. «Расчет с жизнью»). У них не связаны крылья, им не заказаны никакие пути, прежде всего — путь борьбы (ср. «Дума сокола»).

Героиня народной песни бесправна и покорна. Как рабыня, она осуществляет свою волю хитростью, обманом: «Я *украдуся*, нагуляюся». Она говорит: «А я матушки не боюсь; я от батюшки отогуся». Это шадовливое дитя.

Героиня стихотворений Кольцова, живущая под гнетом того же векового деспотизма и бесправия, лично несколько свободнее; она может отдаваться своему чувству, может любить и не любить. Она может выбирать себе поклонника. Ее отношения к молодому человеку не стихийны, а произвольны. Если можно так выразиться: удельный вес девушки в песне Кольцова выше, чем в народной песне. Здесь наш поэт заметил и художественно выразил нечто новое, нарождающееся: явление, которое должно было иметь большое значение в будущем. Не забудем, что герои песен Кольцова — неграмотные, забытые крепостные крестьяне 30-х годов прошлого века, считавшиеся образцом кротости и терпения, надежнейшей опорой царского и чиновничьего самодержавия. А. В. Кольцов заметил и показал в них большую оппозиционную силу и прямо революционные настроения.

Из всего, что мы говорили, совершенно ясно, что поэзия Кольцова не могла вырасти на одной только, хотя изящной, но скудной почве народной песни. Эта песня заключена в узкие рамки народной идеологии, стилистики и языка, а Кольцову нужен был весь русский язык и прежде всего язык литературный. Это он понимал с самого начала, когда только брался за перо. Сохранившиеся в рукописях и никогда не печатавшиеся при жизни поэта его первоначальные стихотворческие опыты (литературно довольно слабые) показывают стремление овладеть русским стихом со стороны содержания и формы. Он пишет литературным языком, хотя иногда старомодным и неуклюжим. Он дает своим опытам чисто литературные заглавия: «Песнь утру», «Ирисе», «Семинаристу, писавшему эпиграмму», «Акrostих», «Рычарь (Баллада)», «Эпитафия». Из 22 стихотворений этого времени 19 написаны с рифмами. Это замечательно для начала, потому что в дальнейших путях своего литературного развития Кольцов или совсем освобождается от

рифмы, или очень ограничивает ее применение. Конечно, в опытах Кольцова есть нелепые рифмы: *с восток — поток*, среди *природ — восход*, *назвать — владать*; есть несколько рифм слабых: *обет — сметь*, *глаза — краса*, *дар — алтарь*, *страшен — опасен*. Остальные почти все вполне удовлетворительны.

⟨...⟩ Несомненно, что русский литературный язык, особенно для Кольцова непокорный, поэт взял с бою: упорным трудом чтения, изучения и упражнений. Он умел учиться; он хорошо понимал задачи и методы своего литературного образования; он согласовал свое самообучение с нуждами и целями своего поэтического творчества. В этих работах, в этих планах народная песня не имела решающего значения. В песнях, пословицах живет далекая, отжившая старина, а Кольцов искал для своей поэзии современного, нового, до него не выраженного, и его «Песня» не повторяет народную.

Народные элементы

Переходя к народным элементам в языке Кольцова, мы должны обратить внимание на то, что наш поэт довольно сдержанно пользовался хорошо известными ему материалами русского фольклора. Он, например, знал много народных пословиц, поговорок: в его записях известен целый их сборник, а следы этого знания сохранились только в немногих стихотворениях: «Пушкай дом его — Чаша полная!» (пословичное устойчивое выражение «Дом — полная чаша» — о богатом человеке, у которого много всякого имущества); «Ходи, гляди да мучайся, Толкуй с башкой порожнею...» («Толкуй с башкой порожнею» — пословичное выражение о бесполезности разговора с бестолковым человеком. Более известно в выражении: «Толкуй Захар с пьяной бабой» — о разговоре лиц, которые не могут понимать друг друга); в заглавии стихотворения «Всякому свой талан» (выражение в виде пословицы); «Если нет (радости, счастья) — у моря Сядем да дождемся» (пословица «Сиди у моря да жди погоды» означает слабую надежду); «На дворе, по траве — Хоть шаром покати» (поговорка означает, что у хозяина пустой двор, дом); «Говорят родимые: Поживется — слюбится» (пословица: «Стерпится — слюбится» — так говорят о браке с немилым человеком); «В непогоду — не до плаванья, За большим в нужде не гонятся» (трудно сказать: что это? Народная пословица или меткое изречение самого автора?).

Русская песня обычно начинается со сравнения, которое развивается в дальнейшем изложении. У Кольцова мы имеем только один такой случай:

Вянет травка осенью
И желтеет;
Сохнет с грусти молодец
И страдает.

В стихотворении «Путь» Кольцов говорит:

Или доля моя
Сиротой родилась!
Иль со счастьем слепым
Без ума разошлась!

Нигде, ни в какой песне мы не найдем этого «слепого счастья»: Фортуны, божества древних римлян, изображаемого с повязкой на глазах.

Лексическое и стилистическое сходство песен Кольцова с народными песнями объясняется не только влиянием последних на творчество Кольцова, но также и, кажется, больше общим основным источником тех и других. Песня Кольцова, как и народная песня, идет от жизни народа и выражается ее языком.

Обращу внимание на постоянно употребляемые русские формы существительных с *ч* вместо славянских с *щ*: *мочь* — «доколь мочь и сила», «где ж теперь твоя *мочь* зеленая?»; особо в устойчивых сочетаниях: «что есть *мочи* трудись», «нет *мочи* (силы) скинуть бремя» (в думе «Вопрос»); (ср. народное: *мочи* нет — «болеи, нездоровится»); *помочь* — «Я пошел к людям за *помочью*»; *нёмочь* — «Так точно *нёмочь* старца скучна». Книжные формы *мощь*, *помощь*, *нёмощь* в стихотворениях Кольцова не встречаются. При постоянном употреблении полногласных форм литературного языка выделяются чисто народные: *пблымя* — «Красным *пблымем* Заря вспыхнула» (этимологически — *поломя*), *волочился* — «Кой-где зиму *волочился*» (т. е. проводил в разъездах); *молоньей* (молнией) — «Молоньей, коса, Засверкай кругом»; *черед* — «Нельзя никак — жди *Череду*». Фонетическая приставка — тоже явление народной речи: «Косой *вострою* Не подрежу ль я» («Косарь»); «Наточу ее (косу) *Востро-на-востро*» (там же, вариант).

Укажу чисто народные формы в склонении существительных: Я затеплю свечу воску ярова, без разбору, песку со дна не выкинет, жди череду, что есть духу, без просыпу, смыслу нету, в цвету, соколья (множественное число), по соседям, до время, с время, выше *темя* гор, збрю красную (ср. книжную форму *зарю*). Гораздо больше таких форм в словообразовании: *непогодь*, *дб земли*, *земь*, за добычью.

Многочисленны у Кольцова формы уменьшительно-ласкательных имен существительных. Они отражают обычную разговорную речь русского народа, в текстах ясно согласованы с содержанием и никогда не производят впечатления излишней слащавости.

Такие ласкательные имена прежде всего имеют место в ласковых личных обращениях: *полюбишь ли, девушка*; *не плачь, Грунюшка*; *ах, душа ль моя ты душенька!*; *забушуй же, непогодушка*, *разгуляйся, Волга-матушка!*; *милый купчик-душа!*; *что ты спишь, мужичок?*; *дай мне вестку, моя пташечка*; *ах, вы душеньки-подруженьки*; *где ты, зорька моя?* и т. п. Они представляют предметы, о которых говорят с любовью, сочувствием, сожалением, особенно в отношениях любовных, семейных, трудовых: *сироточка*, *детинка*,

пашенка, зернышко, кормилица ржица, хлебец, горенка, старинушка (старина), думушка, ветерок, малинушка, детинушка, голушка, зорюшка, кручинушка, волюшка, дружочек, горюшко, гашечки, касаточки, цветочки, времячко, волоска не тронем, лесок и т. п. Несомненно, что Кольцов пользуется существительными этого ряда из литературного языка и народного, улавливая весьма тонкие оттенки в обращении словообразовательных форм языка и закрепляя их в своей поэзии. У Кольцова, например, только в «Опытах» встречаются формы: *личико, глазки*; затем лишь один раз, в стихотворении 1840 года, он допускает слово *ручкой*; он много раз говорит о *глазах, руках*, но мы нигде не найдем их в уменьшительно-ласкательных образованиях: *глазки, ручки*; у него есть *щеки* (не *щечки*), есть *плеча* и *плечи* (не *плечики*); *головка* встречается в виде исключения в речи купца.

⟨...⟩В литературном языке, живом и книжном, мы постоянно наблюдаем: *глазки, ручки, ножки, губки, щечки, личико, плечико, головка*. Здесь запрещения Кольцова совпадают с текстами народных песен. В них ⟨...⟩ скорее найдем: *рученьки, поженьки, глазоньки, головушка*. Кольцов понимал и чувствовал, что к стилю его поэзии, изображающей деревню и провинцию, не идет литературный закон столичных городов.

У Кольцова в силу провинциального происхождения его стихотворений встречаются народные словоупотребления, неизвестные в литературном языке: *ржипа, вестка*. Также заметно преобладают народные уменьшительные с суффиксами *-ушк-, -юшк-*: *детинушка, думушка, зорюшка* и т. п. Отмечу еще *ковыль* (по женскому роду): *ковыль белую*.

В склонении прилагательных замечательны своеобразные падежные окончания: *лаской девичей, слезой девичей*; по *щучью* веленю. Ср. «И грудь *лебяжая* вздыхала» («Красавица»). Такая форма в родительном падеже дает: *груди лебяжей*.

Кольцов широко применяет в своих стихах нечленные формы прилагательных-определений, именно эти старые формы, а не искусственно усеченные, которые употреблялись в литературном языке его времени, особенно ⟨...⟩ при «постоянных» эпитетах: *бел-ясен день, сыр дремучий бор*; среди *бела дня, добра молодца, ясна сокола*; *светлу горенку, добру молодцу*; *молодецка удаль, зла беда, бела грудь, зелена трава*; *дальню сторону, зимню ночь*; *темны леса, черны глаза, ясны очи, горячи слезы*.

Согласно народному словоупотреблению Кольцов в ряде случаев дает имена прилагательные вместо и в значении существительных: «Но не грех ли мне Будет от бога Обижать людей за их *доброе?*» (имущество); «Молодая жена... Разносила гостям Чашу *горькова*» (зеленого хлебного вина, водки); «И щемит, и ноет, Болит *регивое*» (сердце); «Смочил платок *Горочими*» (слезами); «Я поеду к отцу, Поклонюся *родной*» (матери); «На заре туманной юности Всей душой любил я *милую*» (возлюбленную, предмет любви, страсти); «Люди добрые, не скройте: Где мой *милый?*»; «Раз-

рываюсь, грудь моя! Буду *суженым* не я» (мужем; из причастия).

Из народных форм сравнительной степени указуя: *горчее, тягельше, простей* (в «Опытах»); в именах числительных народные формы счета: *сам-друг* (т. е. сам другой, вместе со мною нас двое), *сам-третей* (в народных говорах иногда: *сам-трёт*).

В местоимениях замечательны формы<...>:

И пришла она, незваная,

К бусурману-хану лютому,

К *своему* недругу заклятому.

(«Русская песня»)

Иль боится он

В чужих людях быть,

С судьбой-мачехой

Сам-собою жить?

(«Дума сокола»)

Лесом шла *себе*

По малинушку.

(«Молодая жница»)

По-народному употребляется *оно* в значении ‘это’:

Хоть не так *оно* — не выгодно,
Но, положим, — делать нечего...

(«Перепутье»)

В глаголах также обнаруживается чисто народная основа в языке стихотворений поэта. Только народным языком можно объяснить неопределенную форму *найтить*, которая встречается даже в рифме: *найтить* — *полюбить*; также *владать* ‘владеть’ (в рифме: назвать — владать); совершенно недопустимое для литературного языка *хочут* вместо *хотят*; также *перебег*, т. е. ‘перебежал’; только южные русские говоры допускают личные формы глаголов с основой на губные согласные без смягчающего -л-: *дремит* (дремлет), *сыпится* (сыплется); более народному, чем литературному языку свойственно условное повелительное наклонение: «Сгори он в пожаре Презренных страстей, Она [толпа], как вакханка, Его зацелует»; чисто народное словопотребление: *пуцай* вместо *пусть*, *вишь* вместо *видишь* (вводное слово): «я еду — *вишь* — Не надолго»; *давай, пошел* (в значении вспомогательного глагола): «И *давай* пахать Землю плугами»; «Петь мы песни *давай*»; «И *пошел* с рыбаком Купец песни играть»; народная форма спряжения *мучайся* вместо *мучься* при литературной *мучьте*, *не мучь*: «Ходи, гляди, да *мучайся*» («Пора любви»); «Наказал господь, так *мучайся*» («Всякому свой талан»); «*Мучьте* жаждой любви» («Глаза»).

По южнорусскому происхождению Кольцов, вероятно, не вполне освободился от народного произношения третьего лица глаголов с мягким окончанием -ть: *идётъ, идутьъ*. Ясный след такого произношения сохранился в некоторых рифмах стихотворений поэта<...>.

Созвучие получается только при чтении глаголов третьего лица с мягкими окончаниями:

Там, где терем тот *стоит*,
Я люблю всегда *ходить*...

(«Терем»)

Вещун-сердце *говорит*:
«Жить тебе, детинке, *жить*
Не с женою молодою...»

(Там же)

Я с ним хотел здесь счастье *встретить*,
Но он мне на земле *не светит*.

(«Путник», вариант)

Здесь, как и в других случаях, факты, обнаруживающие родной говор поэта, слишком очевидны, чтобы придавать им иное объяснение, например, относить к простой неисправности в рифмах, которые, действительно, встречаются у Кольцова, рифмующего, например, слова: жить — зарыт («Послание молодой вдове»), нет — поглядеть («Путь»), но такие случаи у Кольцова мы находим гораздо реже: я могу указать еще только: жить — стыд («Опыт»), но там же: улетит — жить.

<...> Частица *-ся* в глаголах и деепричастиях вместо *-сь* соответствует живому народному говору поэта: затоскуюся, тащися, сполчилась, пролилася, полюбуюся, принялися, хотелось, вострепнувшись, рвалася, качаяся и под.

По-народному у Кольцова нередко употребляются образования многократного вида: «Ничего не знал — не *ведывал*..., В хороводе песни *игрывал*» (*играть песни* — не петь! — южнорусское!); «Как одно я только *думывал*»; «*Живал* в больших я городах, *Бывал* на ваших хуторах» («Ночлег чумаков», вариант).

Для характеристики языка Кольцова особенно поучительно его отношение к деепричастиям и причастиям.

У Кольцова, как и в народных песнях и в живом народном языке, нередко встречаются старые русские деепричастия на *-чи*: не смóтрючи, сидючи, прощаючись, улыбаючись, припеваючи <...>. Литературные деепричастные формы у Кольцова: наморщась, разгóрившись казной, полюбивши, не смотря в лицо, улыбаясь; прощаясь, трясясь на мяче, простершись на траве, шутя, пошевели (вместо *пошевелив*) и под. — редки в песнях и встречаются главным образом в стихотворениях литературного стиля. Так, в стихотворении «Ночь» имеем: *Не смотря, улыбаясь* (в изложении от лица автора). Деепричастие *не смотрячи* дается в рассказе девушки («Два прощания»); *улыбаючись* находим в лирическом изложении «доли бедняка» от лица самого такого бедняка.

Для страдательных причастий *-нный, -тый*, одинаково принятых и в народном, и в литературном языке, у Кольцова, конечно, нет никаких ограничений в употреблении: незванный гость (прилагательное), связан клятвой, и калитка заперта, столы набранные (прилагательное), кур, гусей много жареных (прилагательное),

медом събыченым (прилагательное) колос срезанный, трава подшошная, окном растворенным, чумак раздетый и под. Страдательные причастия на *-мый* очень редки: «Но я *любим, любим* тобою!».

Есть у Кольцова и старые русские причастия на *-чий*, сохранившиеся в народном языке лучше, чем в литературном, где они приобрели значение прилагательных: *дремучий* лес; (степь) птичками *летучими, певучими* полным-полна; кровь *горячую*; рать *могучая; падучей* звездой; *жгучий* поцелуй и т. п.

<...> Народное употребление предлогов видим в следующих случаях: с вместо *от* (Любовь — огонь, с огня — пожар; с природы так лукав); *по-над* (По-над Доном сад цветет...); *промеж* себя («Пора любви»).

Народные союзы и союзные сочетания у Кольцова находим в следующих примерах: *али* 'или' — «Али речь моя не по сердцу? Али батюшка спесивится?»; *как* 'когда' — «Как здоров да молод, — Без веселья весел»; *лиха беда* 'лишь бы, нужно только' — «Лиха беда в землю Кормилицу ржицу Мужичку закинуть, — А там бог уродит...»; *что* 'как будто' — «Понахмурилась, что задумалась»; *что* 'как' — «Что взгляну, То вздохну»; «Грудь белая волнуется, Что реченька глубокая»: *что* 'которые': «И тех нет уже дней, Что летели стрелой».

<...> У Кольцова много областных, местных слов, иногда таких, которые в литературном языке совсем неизвестны, например: молвишь, светлица, затеплю свечу, лажу борону, скирды, старую погудкой (напевом), мой згад (мое мнение — этимологически: сгад); подсобит (поможет) <...>.

У Кольцова имеется много народных устойчивых сочетаний с включением в них особой лексики и семантики, подобных следующим: «лямку тяну»; «Задной головою Ничего не знают» (за одной головою, за хозяином, не знают забот о хозяйстве); «сбить с двора невесток» (ср. у Кантемира: сбить с двора — 'выгнать, удалить силою'); «не с-проста ума» (наше *неспроста* произошло, очевидно, из этого выражения); «не возьму я в толк» (не пойму); «из земли родится» (является вдруг, неожиданно); «Не под шапку горе Голове кудрявой» (не подходит, не пригодно); «любит их забота» (не оставляет, отягощает); «Придет, сядет рядом, Об руку, с тобою Пойдет и поедет» (взявшись за руку); «из рук вон плохо»; «Отбили хлеб у мельника» (лишили заработка); «горе мыкать»; «Мы пойдем с ней рука-об руку» <...>. Между прочим, слово *купец* у Кольцова имеет народное значение — 'торговец вообще, особенно скупающий у крестьян сырье для промышленников и оптовой торговли'; *бояре, бояр* — название помещиков (по-старому).

В противоположение латинско-греческим божествам, заполняющим стихи его эпохи, Кольцов выдвигает русскую мифологию, которую представляют давние создания первобытной веры и фантазии: рогатый *леший*, страшный и косматый (которого боится лесник, поселившийся на территории этого лешего); *улырь* (которого не знают ни русский центр, ни север, но, очевидно, знали на

юге, родине Кольцова); *леший* и *ведьма* завывают во время бури; *домовой* наводит чистоту в клетях опустившегося мужика и не хранит его лошадей; *лукавый* (чёрт) в ночной темноте сбивает путника с дороги; *русалки* не только играют в своем кругу, но и топят человека. Все эти давно покинутые боги древней Руси не любят человека, вредят ему всеми возможными способами. Они составляют страшное царство, пребывающее где-то под землей, *поддонную* силу.

Кольцов, человек нового времени, представляет в своей поэзии людей, которые уже не боятся этой когда-то грозной силы. Но есть, осталась еще одна великая, непреодолимая сила, управляющая жизнью каждого, в условиях крепостного быта в деревне, господства богатых и имеющих власть в городе. Это *доля*, *судьба*, *время*, дающие *талан*, успех, удачу, благополучие или обрекающие на несчастье, *безвременье*. *Доля* дается случаем, определяется при рождении, и кто родился в *несчастный день*, в *бесталанный час*, тому трудно жить на свете; от нападок злой беды

Не уйти на лыжах:
В чистом поле найдет,
В темном лесе сыщет.

(«Вторая песня Лихача Кудрявича»)

Иная картина при благоволящей судьбе:

Вспомни *время* свое:
Как катилось оно
По полям и лугам
Золотую рекою!..
И как двери *ему*
Растворили везде,
И в почетном углу
Было место твое!

(«Что ты спишь, мужичок?..»)

Здесь ясно олицетворенное *время* (счастье), божество, покровительствующее человеку. *Ему* отворяют двери, а тому, кому оно покровительствует, дают почетное место. Кольцов еще, как когда-то певец «Слова о полку Игореве», мог обратиться с мольбой к явлениям природы:

Молил я солнце, чтоб оно
Свои лучи на грудь неверной,
Как лаву жгучую, лило
И выжгло б сердце лицемерной.
Молил я ночь, чтобы она
К ее очам не допускала
Отрады сладостного сна —
И горьких слез с них не стирала.
Неслись ли *тучи*, их *молил*,
Чтоб мраком жизнь ее покрыли;
Гремели ль *громы*, их *просил*,
Чтобы изменницу сразили.

(«Когда моей подруги взор...»)

Так сильно жили в нашем поэте отголоски древних народных чувств и верований!

С другой стороны, он прекрасно знает быт современного, окружающего его крестьянина и мещанина с его понятиями и верованиями в области и с к а н и я личного счастья. Тут многое определяется народными приметами, которые несколько признает и сам поэт, как признавал и великий Пушкин. Кольцова смуцал и заяц, перебежавший дорогу, и конь, спотыкающийся на пути, как предвестие несчастья. Возвратившись домой, юный поэт не находит «бесценного друга», любимой девушки, и по этому поводу говорит:

Не даром же конь мой
Споткнулся не раз,
Не даром же сердце
Вещало печаль!..

(«На отъезд Д. А. Кашкина в Одессу»)

Если судьба неумолима и неотвратима для личности, то есть люди, которые могут изменить ее жестокие приговоры. Это колдуны, знахари, которые волшебством, заклинаниями могут создать счастье: колдун-злодей наговорами может нагнать ненасытную тоску; мастер по заговорам может привлечь к молодцу сердце любимой девушки («Пора любви»). В данном стихотворении Кольцов умно и реалистично устраняет необходимость посредника и его «присухи нашептанной»: девушка сама оценила преданного поклонника; весеннее пробуждение природы вызвало ее чувство и сломило детскую сдержанность и упорство.

По чудным картинам природы, по художественности и верности изображения переживаний молодца и девушки «Пора любви» — одно из лучших произведений Кольцова. Это мастерски, изящно написанная миниатюрная повесть, показывающая всю прелесть поэзии Кольцова, между прочим, и в отношении языка. Он вполне народный и вместе с тем безукоризненно укладывается в образцовую литературную речь. Здесь нет ничего стилистически негармоничного. Напротив: все народные слова, эпитеты, обороты служат только для яркого, картинного изображения предметов и явлений природы и жизни. Они дают все средства для осуществления прекрасно задуманного плана маленького романа из мещанской жизни с вступлением, повествованием и заключением. Девушка представлена очаровательной в ее внутренней жизни. Повествование о молодце дается в несколько сниженном литературном стиле. Построение и изображение везде, во всем плане стихотворения выражены отборным, различаемым по стилю языком: более упрощенным в бытовой части рассказа и более строгим в местах чисто литературных.

О СЛОВЕ ДАЛЬ

В ПОЭМЕ

А. ТВАРДОВСКОГО

«ЗА ДАЛЮ—ДАЛЬ»

В поэме А. Твардовского «За далью—даль» слово *даль* встречается очень часто, но это не говорит о бедности языка произведения, а, наоборот, свидетельствует о его богатстве. Почему? Оказывается, что это слово употребляется в поэме в разных значениях.

А там Байкал, за тою далью —
В полсутки обогнуть едва ль,—
А за Байкалом —
Забайкалье,
А там еще другая даль.

Здесь слово *даль* имеет значение 'далеко расположенного, отдаленного места' («Словарь русского языка» в 4-х томах). Так оно обычно употребляется в разговорном языке. А вот в следующих строчках:

Не уступая добровольно
Ни этой дали, этой шири,
Что новый край за ней простер.

даль имеет несколько иное, но тоже пространственное значение 'простор, ширь' (см. там же).

Это же слово получает в поэме и переносное значение 'даль жизни, веков, историческая даль' («Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах):

...А мы тем часом
Свою в виду держали даль,
И прогремела грозным гласом
В годину битвы наша сталь.

Каждое новое употребление этого слова в поэме определено тем, что оно приобретает дополнительные оттенки значения:

Такая даль — твое задание,
Твоя надежда или цель
или:

И транссибирской магистралью,
Кратчайшим, может быть, путем
Связала с нашей главной далью
Мой трудный день и легкий дом.

Особенно рельефно значение слова *даль* выявляется при употреблении его с синонимами и с антонимами, например:

Иная *даль*, иная *зона*.
Оно — и край,
И середина,
И наша *близь*, и наша *даль*.

Слово *даль* часто употребляется с уточняющими прилагательными: новая даль, главная даль, желанная даль, завидная даль, обратная даль и др., а также с глаголами: держали даль, несет за далью даль и др.

Это слово встречается в выражении *такая даль* в значении 'очень далеко' («Словарь русского языка»):

Еще такая даль до Волги,
А там-то и начнется даль.

В этих двух строчках слово *даль* употреблено дважды в разных значениях: в составе указанного выражения и в значении 'простор, ширь'.

В поэме есть слова, производные от *даль*: прилагательное *дальний*, часто употребляющееся с существительным *дорога*, а также наречия *вдаль*, *вдали*:

Она свой голос подает
И мне в своей дороге дальней.

И меж полей в изгибах плавных
Текущих вдаль — семь тысяч рек.

Сибирь! Не что-то там вдали
Во мгле моей дороги длинной...

В поэме слово *даль* становится ведущим, стержневым, вокруг него группируются остальные слова и в первую очередь близкие по значению, обозначающие пространственные и временные понятия. К ним относятся прежде всего слова *дорога* и *путь*, тоже употребляющиеся в

прямом и переносном значениях и потому несущие большую смысловую нагрузку. Ср., например, прямое значение — значение путешествия:

Я видел, может быть, полсвета
И вслед за веком жить спешил,
А между тем дороги этой
За столько лет не совершил.

Переносное значение — жизненный путь:

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу — света и тепла.

А вот примеры со словом *путь*:

Один в пути —
Какой он житель!

Здесь оно употребляется в значении конкретной дороги, которую совершает солдат, ищущий свой полк. А в строке:

Что труден путь и жизнь сложна
на первое место выдвигается переносное значение — сознательной дороги в жизни. И *дорога* и *путь* по частоте употребления занимают одно из первых мест в поэме, а по значению тесно примыкают к слову *даль*.

Временные понятия (пора, срок, веки, даты, эпоха, година, время, час, день, сутки, год, век, полвека, столетья и др.) тоже группируются вокруг слова *даль*.

Характерно употребление слов *час*, *день*, *век*, *год* в значении, отмеченном словарями для высокого, торжественного стиля — определенного срока, знаменательной (трагической или радостной) даты.

И все при нем в том добром часе.

Твой горький день вступил в права.

Что в зрелый век с собой принес...

Это не случайно. Здесь есть косвенная связь с той масштабностью, которая создается группой *даль — дорога — путь*. Слова, обозначающие время, часто сопутствуют слову *даль*, например:

И те, что в этот час в тени
Или в лучах закатных, дали.
Все та же *даль*.
Но *годы* те ли!

И если даже слова *даль* поблизости нет, оно как бы звучит в подтексте, например:

Я с юных лет иду и еду...

Масштабность поддерживается данными словами тем, что они часто употребляются во множественном числе, получая при этом усиленные значения, например:

Урал! Завет веков и вместе —
Предвестье будущих времен.

Он в столетьях не померкнет...

Масштабность также передается словами из разговорной речи, например, употреблением слова *век* в значении 'очень долгое время, вечность' («Словарь русского языка»):

Весь век бежавшая вода,
Не собиралась кончить миром...

Таким образом, слово *даль*, на которое падает основная смысловая и идейная нагрузка, стоит в центре поэмы. Оно как бы возглавляет группу понятий, которые становятся опорными, «ключевыми» в раскрытии содержания и идеи всего произведения. Не случайно, слово *даль* дважды повторяется в названии поэмы, которое не только является основным мотивом всего произведения, но и выходит за его пределы, становится крылатым выражением.

Кандидат филологических наук
С. Г. КАПРАЛОВА

В. И. САДОВНИКОВ

СТАРЫЕ НОРМЫ ПРОИЗНОШЕНИЯ В ПЕНИИ

В 1958 году в Государственном музыкальном издательстве (Москва) вышла в свет книга профессора Музыкального педагогического института им. Гнесиных В. И. Садовникова «Орфоэпия в пении». Книга эта, «написанная в помощь вокалистам и всем желающим разобраться в вопросах орфоэпии применительно к певческим требованиям», была основана в лингвистической своей части на работах профессора Р. И. Аванесова и профессора А. А. Реформатского. Автор был занят в последние годы своей жизни подготовкой второго дополненного и улучшенного издания. Оно передано издательству «Просвещение». Раздел из этой подготовленной к печати книги и публикуется в нашем журнале.

По старому дореволюционному правописанию личное местоимение 3-го лица женского рода во множественном числе писалось с окончанием на так называемую букву *ять*, звучащую как *е* (онѣ), в отличие от местоимения мужского рода множественного числа (они). После реформы правописания в 1917 году указанное местоимение во множественном числе для мужского и женского родов различия не имеет, т. е. пишется и произносится *они*. Но есть такие случаи, когда, невзирая на новую орфографию, необходимо сохранять произношение *оне*. Например, в романсе Рахманинова на стихи Пушкина:

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной,
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальней.

Слова *мне* и *оне* рифмуются, и потому, если певец, руководствуясь новой орфографией, произносит *они* вместо *оне*, то он уничтожает рифму. Такой же

случай находим во второй картине оперы Чайковского «Пиковая дама», в арии Лизы:

Откуда эти слёзы,
Зачем оне...
Мои девичьи грёзы,
Вы изменили мне...

Такую же форму женского рода множественного числа имело слово *один—одне*.

В стихотворении «Зимняя дорога» Пушкин рифмует слово *мне* со словом *одне*:

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаютя одне.

Но иногда не только по требованию рифмы надо произносить *оне*. Эта старая форма обозначения множественного числа данного местоимения несет например, смысловую нагрузку в стихотворении В. Гюго «Оне отвечали» (в переводе Мей), на которое Рахманинов написал одноименный романс. Стихотворение построено в виде диалога: мужчины — *они* спрашивают, а женщины — *оне* отвечают. Отсутствие этого различия в романсе (см. «Избранные романсы» Рахманинова издания 1947 года) надо считать результатом какого-то недоразумения или недосмотра.

Укажем еще один случай отступления от новых норм для сохранения рифмы — в «Песне о блохе» Мусоргского:

И самой королеве,
И фрейлинам ей
От блох не стало мочи,
Не стало и житья.

Старая форма местоимения женского рода единственного числа родительного падежа была *ей*.

В русском литературном языке XVIII и первой половины XIX столетия заметно сильное влияние славянского книжного языка и разговорной речи. Славянизмы часто встречаются у Пушкина и других поэтов того времени. Так, например, в страдательных причастиях *упоенный*, *пробуждённый*, *раскалённый* и других на месте *ѣ* произносилось *е*, т. е. *упоенный*, *пробужденный*, *раскаленный*. В стихотворении Пушкина «Пробуждение» (романс Римского-Корсакова) в строфе

и по утру,
вновь упоенный,
пускай умру
непробужденный

указанные причастия следует произносить по-славянски. В других случаях

такое произношение вызывается требованием рифмы. Например, в стихотворении Пушкина «Анчар» (ария для баса Римского-Корсакова), слово *раскалённый* рифмуется со словом *вселенной*, а слово *потек* со словом *человек*, поэтому исполнитель должен произносить не *раскалённый* или *потёк*, как иногда приходилось слышать, а *раскаленный*, *потек*. Таких случаев в классической литературе можно найти много; следует упомянуть об этой произносительной особенности, чтобы обратить на нее внимание исполнителей.

Особое место занимает вопрос о характерной или «жанровой» орфоэпии. Мы имеем в виду исполнение таких, например, партий, как партии Ерочки и Скулы (опера Бородина «Князь Игорь»), Варлаама и Мисаила (опера Мусоргского «Борис Годунов»), Папсия (опера Чайковского «Чародейка»), Афанасия Ивановича (опера Мусоргского «Сорочинская ярмарка») и т. п.

Дело в том, что в «жанровой» орфоэпии более, чем где-либо, возможно без ущерба для пения произношение по речевым нормам, благодаря чему создается особое жанровое произношение того или иного персонажа. Однако этим произношением исполнителям надо пользоваться разумно и последовательно. Возьмем речитатив Ерочки в опере Бородина «Князь Игорь». Здесь композитор сделал все, чтобы средствами музыкального искусства выразить речевую интонацию действующих лиц: на ударные гласные падают относительно длинные ноты, написанные на сильных частях ритма-фразы; на все заударные и предударные, следовательно, редуцированные гласные, даны короткие длительности. В таких партиях для исполнителей есть соблазн «комиковать» не только свое поведение на сцене, но и свое произношение. По мнению, например, известного орфоэписта А. А. Реформатского, странно, когда в театре Ерочка то окает, то якает. Ясно, что исполнитель, стремясь выявить «простонародность», старается «комиковать» произношение, отчего и происходит нелепость окающих реплик Ерочки наряду с преувеличенно якающими: «К *Володимиру*, князю Галицкому»; а в последнем акте тот же Ерочка произносит: *блязять, в ляса*.

Мусоргский в своих операх стремился облегчить задачи исполнения: интонацию речи он достаточно совершенно воплотил в музыкальные образы. Окающее произношение Варлаама (в сцене «Корчма» — опера «Борис Годунов») вполне согласуется с его монашеским обликом. Но нелепо мешать оканье с яканьем или аканьем в одной и той же партии. По наблюдениям А. А. Реформатского, один из видных артистов в партии Юродивого (опера «Борис Годунов») допускает большие несообразности в произношении. Стараясь передать характерность изображаемого персонажа, он произносит по-церковнославянски на *о*, например: *богородица, копеечка* и т. п., но рядом с этим окает: *неправда, мамалися...* Тут надо что-нибудь одно: или последовательно окать согласно церковнославянской манере, или петь согласно московским нормам произношения.

Из всего сказанного следует, что жанровым или характерным произношением в пении пользоваться можно, но исполнитель каждый раз должен задавать себе вопрос — нужно ли это для большей выразительности партии, украшает ли это ее?

НЕКОТОРЫЕ СЛУЧАИ ПЕРЕНОСНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ВРЕМЕН

При переносном употреблении времен их грамматическое значение *расходится со значением контекста* (например, контекст указывает на прошлое, а форма имеет значение настоящего). В учении о русском глаголе хорошо известны такие виды переносного употребления времен, как настоящее историческое, настоящее и прошедшее при обозначении действий в будущем. В этой статье мы рассмотрим две разновидности, до сих пор не описанные в научной литературе.

НАСТОЯЩЕЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ

Так можно назвать употребление формы настоящего несовершенного для эмоционально-экспрессивной актуализации факта прошлого. Например: «Полиция, не разобрав смысла, представила письмо государю, который сгоряча также его не понял... Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина!» (Пушкин. Дневники); «— Как он жил, как жил, господи ты боже мой! Равнодушная жена в Москве, а он здесь или в Пизе, и пишет ей уничтожительные письма, вымалливает свидания!» (Казаков. Проклятый север).

Факту прошлого придается в высказывании принципиальное значение. Он уже не рассматривается как прошедший, а как бы извлекается из прошлого и переносится в плоскость настоящего. Действие предлагается на рассмотрение, демонстрируется. Прошедшее событие переживается и оценивается в настоящем. Подобное употребление форм настоящего времени близко к употреблению инфинитива в таких случаях: «— Столько чувства, столько жизненной силы, столько богатств душевных, — и зарыться на всю жизнь в уединенье! убежать от людей, от друзей!» (Достоевский. Дядюшкин сон).

«Настоящее эмоциональной актуализации» обычно выступает в следующем контексте: определенной ситуации противопоставляется факт (нередко неожиданный), который вызывает удивление или возмущение говорящего. Такое противопоставление выражается при помощи союза *а* или сочетаний *и вдруг*, *а тут вдруг*, *и вот* и т. п. Рассмотрим отдельные разновидности такого контекста.

1. Данный факт противоречит действиям, представленным как важные и значимые. Например: «Двенадцать лет трудился он над этой задачей, двенадцать лет писал он второй том „Мертвых душ“, писал, переписывал, переделывал и все не считал оконченным... [развертывается чрезвычайная по своей значимости ситуация, подчеркивается (повторением — *двенадцать*

лет, рядом — писал, переписывал, переделывал) интенсивность и масштабность событий, растет эмоциональная напряженность высказывания, но на этом „рубеже“, близком к кульминационной точке, уже ожидается какое-то исключительное событие, которое вступит в противоречие со всем сказанным ранее.— А. Б.] И вот [начинается план эмоциональной актуализации.— А. Б.] он сам сжигает их и, сжегши, умирает. Все это полно страшного, огромного смысла» (Письмо И. С. Аксакова И. С. Тургеневу, 26 февраля 1852). Если бы здесь были употреблены формы прошедшего времени (*сжег, умер*), то выражение последних событий стало бы в один ряд со всем тем, что им предшествовало. При сохранении логического смысла высказывания был бы утрачен эффект эмоциональной актуализации.

2. Данный факт как необычный и неожиданный противопоставляется ситуации, представленной как постоянная и закономерная. Например: «Исконное крестьянское население всегда отличается мирными инстинктами, а тут вдруг является какая-то старуха, которая возвела в ремесло отравление односельчан» (Мамин-Сибиряк. Отрава); «[Наталья Степановна]... Сюрприз какой! Владеем землей чуть ли не триста лет, и вдруг нам за являю т, что земля не наша!» (Чехов. Предложение).

3. Действие противопоставляется общей характеристике субъекта. Например: «— А страшно было, ангел мой?.. Какой-нибудь кержак из Самосадки и вдруг обедает за одним столом с французским королем» (Мамин-Сибиряк. Три конца); «— Кто это такой? — сказала генеральша.— Смотритель, мамаша! — отвечала Полина.— Какая дерзость: вдруг явля е т с я, з н а к о м и т с я... Очень мне нужно!» (Писемский. Тысяча душ). Поступки, о которых идет речь, противоречат характеристике субъекта, в этих случаях — его незначительности в глазах говорящего.

4. В плане «эмоционального настоящего» выступает не только данный факт, но и та ситуация, которой он противопоставлен. Например: «— Извини, сестра, но так нельзя... Я п р е д с т а в л я ю тебе губернатора, а ты ему руки не пода е ш ь! Ты его сконфузила, несчастного!» (Чехов. Тайный советник). В следующем примере противостоят друг другу целые ряды событий. «Да, да, оглянитесь на самого себя! Степан Артемович с п а с а е т вашу дочь, ж е р т в у е т здоровьем, надолго л о ж и т с я в постель, а вы тем временем п и ш е т е на него какую-то статью в газету, п о д б и в а е т е против него учителей» (Тендряков. За бегущим днем).

Рассматриваемое употребление настоящего времени в известном отношении близко к настоящему историческому (*Иду я вчера...* и т. п.): форма настоящего времени обозначает действие, относящееся к прошлому. Однако «настоящее эмоциональной актуализации» отличается от настоящего исторического: данный факт выступает «в принципиальном плане», а не как одно из звеньев в цепи сменяющих друг друга событий. При переносе действия из прошлого в настоящее изменяется взгляд на действие, его оценка, событие встает перед говорящим, переживается им и передается в настоящем обобщенно-оценочного характера. Такие обороты встречаются преимущественно в восклицательных предложениях.

БУДУЩЕЕ НЕСОВЕРШЕННОЕ В КОНТЕКСТЕ ОБОБЩЕННОГО НАСТОЯЩЕГО

Имеется в виду употребление следующего типа: «В подгородных и населенных местах птица обычно осторожнее, и даже опытного охотнику не всегда удается выманить из чащобы осторожного петушка. Долго буд е т он перекликаться с охотником, пересархивать и дразнить его, на выстрел, однако, не подл е а я» (Соколов-Микитов. По охотничьим тропам); «В горсти ярких морских камней не сразу заметишь маленькую скромную жемчужину, но чем больше буд е ш ь приглядываться к ней, сравнивая с дешевой нарядностью окружения, тем лучше поймешь, почему жемчуг есть жемчуг» (Солоухин. Владимирские проселки).

Действия, выражаемые в этих предложениях формами будущего несовершенного, относятся к обобщенному плану настоящего (показательна

возможность замены их настоящим временем). Однако собственное грамматическое значение рассматриваемых форм — значение будущего — при этом не исчезает. Сохранение грамматического значения формы времени при ее переносном употреблении, проявление этого значения в каком-либо оттенке — общая черта всех видов переносного употребления времен.

Рассмотрим некоторые варианты:

1. Значение будущего может найти выражение в модальном оттенке готовности. Например: «Андрей Лаврентьевич — домовитый, рачительный командир... Он не поленится забраться под танк, облазает все землянки... битый час будет заниматься с отделением новичков...» (Попель. Танки повернули на запад); «Купцы наши — чистые варвары... Первым делом ему нужно гнилой товар продать, — три года будет врать, бо-житься, плакать — подсовывать гнильё, покуда и свежее у него не сгниёт» (А. Толстой. Петр Первый). В характеристике постоянных свойств субъекта отмененные действия наделены модальным оттенком готовности, точнее, уверенности говорящего в постоянной готовности субъекта совершать эти действия (ср.: *готов заниматься, готов врать* и т. д.). Этот оттенок усиливается лексическим выражением длительности действия (*битый час, три года*). При замене форм будущего несовершенного настоящим временем общий смысл высказывания сохраняется, но оттенок готовности исчезает (ср., например: *битый час занимается с отделением новичков*).

2. С формой будущего может быть связан модальный оттенок уверенности в том, что обычное, типичное действие обязательно должно (или не должно) совершиться. Например: «В литературе, как и в жизни, нужно помнить одно правило, что человек будет тысячу раз рассказывать в том, что говорил много, но никогда, что мало» (Писемский. Тысяча душ). Смысл контекста таков: так бывает всегда и так обязательно должно быть (в том числе и в будущем). Таким образом, сфера будущего здесь не исключается из широкого плана общности. Включение действия в план обобщенного настоящего подтверждается возможностью замены: *человек тысячу раз рассказывает*. Однако при такой замене, естественно, исчезает и указанный модальный оттенок, и связь обобщенного настоящего с будущим. «Вернувшись из далекого путешествия, обязательно будешь хвастаться, рассказывать диковинные вещи» (Солоухин. Владимирские проселки). Если в этом примере вместо будущего употребить настоящее время (*хвастаешься, рассказываешь*), то оттенок уверенности будет выражен лишь словом *обязательно*, но не глагольной формой.

3. Форма будущего несовершенного может участвовать в выражении условно-уступительных отношений с оттенком ирреальности. Например: «[Толстая барыня]... Я, например, в дороге спать не могу, — хоть убейте, а не засну... Я одну, другую, третью ночь не буду спать, а все-таки не засну» (А. Толстой. Плоды просвещения); «Разве ж один охотник, да еще с одностовкой, может убить матерую волчицу? Нет. Месяц будет ходить, а не убьет» (Троепольский. У Крутого яра). В рамках плана обобщенного настоящего высказывается допущение: пусть даже действие будет длиться долго (здесь проявляется значение формы будущего несовершенного) — все же цель не может быть достигнута. Допущение связано с оттенком ирреальности. Примечательна возможность истолкования смысла таких высказываний в предложениях, содержащих формы сослагательного наклонения: *пусть даже одну, другую, третью ночь не спала бы...* (или: *если бы даже...*).

4. Возможно выражение в контексте модального оттенка вынужденной необходимости, отнесенной к широкому плану настоящего, но не исключаяющей и сферы будущего. Например: «— Чем же питаются цука? — Она больше мышами харчуетса... Поля кругом, мыша прорва, который попадет в воду — конец. — Жди, коба попадет. — Будеши ждате, если жрате нечего» (Солоухин. Владимирские проселки). Наличие оттенка вынужденной необходимости и его отнесенность к плану обобщенного настоящего подтверждается возможностью замены: *будеши ждате → пригодится ждате*.

Этот вариант употребления будущего несовершенного связан с употреблением формы 2-го лица единственного числа в обобщенно-личном значении.

В рассматриваемых нами случаях расхождение между грамматической формой и контекстом заключается в том, что форма обладает значением будущего, а контекст указывает на обобщенное настоящее. Конфликт разрешается своеобразным компромиссом: отнесенность действия к плану обобщенного настоящего не исключает также и сферы будущего. Отношение к будущему передается через тот или иной модальный оттенок.

Возможности переносного употребления форм будущего несовершенного не ограничиваются рассмотренными выше случаями. Передаваемое контекстом значение обычности, обобщенности может быть отнесено к плану прошлого. Например: «...Вряд ли и считать-то умел, но зато лакомиться, фантить — мастер! Целое утро будет сидеть и не пошевельнись, только завей ему волосы» (Писемский. Фанфарон); «...Перед самым сенокосом в селе начиналась короткая, но энергичная пора... Называлась она навозной. Тогда не будешь различать, откуда приносит цветами, а откуда наносит пашекой, тогда все заглущит и одолеет и один будет господствовать целую неделю иной по силе и крепости, иной по самой окраске своей непередаваемый аромат» (Солоухин. Капля росы).

Особой разновидностью эмоционально-экспрессивного и вместе с тем переносного употребления форм будущего несовершенного являются случаи следующего типа: «А с вами я вообще не желаю разговаривать... Еще секретарши будут мне указывать!..» (Меттер. Обида); «...Огромный будочник... гаркнул: „Всякая сволочь по ночам будет беспокоить!“» (Гиляровский. Москва и москвичи); «— Христа ради взял его, а он будет с сукиными сынами якшаться...» (Шолохов. Аленкино сердце). Возмущение говорящего вызывает несовместимость субъекта, заслуживающего, с точки зрения говорящего, лишь пренебрежения, и действия, на которое этот субъект посягает (*секретарша, а указывает; всякая сволочь, а беспокоит; взял Христа ради, а якшается*). Основываясь на каком-то факте и выражая свое эмоциональное отношение к нему, говорящий придает этому факту обобщенное значение.

Такое употребление форм будущего несовершенного близко к «настоящему эмоциональной актуализации». И здесь факт, вызвавший эмоциональную оценку говорящего, демонстрируется в «принципиальной плоскости». Это относится не только к приведенным выше примерам, но и к следующему варианту эмоционально-экспрессивного употребления форм будущего времени: «— Ты не гори дуэе! Не гори! Он будет камнями шибать ся, а ему молчи?...» (Шолохов. Тихой Дон); «— Как же, из-под наших гончих он травить будет! За лисицу хватает!.. А этого хочешь? — говорил охотник, указывая на кинжал и, вероятно, воображая, что он все еще говорит со своим врагом» (Л. Толстой. Война и мир). Здесь подчеркивается несовместимость действия, вызвавшего возмущение говорящего, и того действия, которое ему навязывается против его воли (*он будет камнями шибаться, а ему молчи?*); или же действие субъекта противопоставляется непосредственная реакция говорящего (*он травит будет!.. а этого хочешь?*). В таком употреблении проявляется особый оттенок «злой воли», приписываемой говорящим его противнику. Резкая экспрессивность придает подобным оборотам ярко выраженный разговорный характер.

Рассмотренные случаи переносного употребления времен показывают сложный механизм взаимодействия глагольной формы и контекста, характеризуют выразительные возможности русского глагола.

Кандидат филологических наук
А. В. БОНДАРКО

ВАРИАНТЫ ГЛАГОЛОВ С ЗАИМСТВОВАННОЙ ОСНОВОЙ

Глаголами с заимствованной основой называются глаголы, пришедшие в русский язык из языков иностранных и оформленные различными русифицированными суффиксами, например, *атаковать*, *экзаменовать* (-ова-); *формировать*, *регистрировать* (-ирова-); *конкретизировать*, *революционизировать* (-изирова-) и под. Обычно это слова со специальным (научным, техническим) или общеотвлеченным значением. В русский язык они пришли главным образом из французского и немецкого, реже из английского, голландского и итальянского языков. В раннюю пору много заимствований шло через польское посредство. Наконец, большую долю этих глаголов в современном языке составляют образования от заимствованных именных основ (существительных и прилагательных).

В русском языке эти глаголы получили разное оформление. Заимствованные через посредство польского языка имели суффикс -ова-, аналогичный польскому -owa-. Пришедшие из немецкого и французского получили суффиксы -ирова-, -изирова-, -изова-. Постепенно все эти суффиксы утвердились в заимствованных, благодаря чему и глаголы, образованные в русском языке от заимствованных именных основ, стали оформляться этими суффиксами.

Основной поток иноязычных слов хлынул в русский язык в связи с деятельностью Петра I по перестройке Русского государства. Первоначально заимствования были стихийными (в результате чего появилось множество лишних слов, впоследствии ушедших из языка). В связи с этим оформление глаголов на русской почве часто носило случайный характер. А это приводило к появлению различных суффиксальных вариантов заимствованных глаголов.

Так, в Петровскую эпоху находим варианты *атаковать* и *атакировать*, *болотовать* и *баллотировать*, *комплектовать* и *комплектировать*, *экзаменовать* и *экзамицировать*. Множество глаголов, оформленных по образцу польских — суффиксом -ова-, не удержалось в языке, например: *апробовать*, *визитовать*, *декларовать*, *диспутовать*, *капитуловать*, *корреспондовать*, *лаковать*, *манifestовать*, *проектовать*, *ратифицировать*, *регистровать*, *реформовать*, *транспортировать*, *эскортовать* и др. Они были вытеснены образованиями с суффиксом -ирова-.

Интересно, что глагол *регистровать* был заимствован, очевидно, в XVIII веке из немецкого *registrieren* или латинского *registro*, так как польского соответствия он не имел. Однако влияние польского языка в то время было так велико и суффикс -ова- был так продуктивен для глаголов с иноязычной основой, что мы не находим в эту раннюю пору варианта с суффиксом -ирова- (*регистрировать*), который появляется значительно позднее, в конце XIX века, а фиксируется словарями только в современном языке.

Для этого раннего периода заимствования иноязычных слов характерны главным образом слова, относящиеся к военной административной и дипломатической лексике. Интересен, например, глагол *крейсировать*, который в Петровскую эпоху употреблялся в вариантах: *крейсеровать* (пример образования глагола по соотношению с заимствованным существительным *крейсер*) — «Близ Стекгольмских берегов [адмирал] крейсеровал» («Ведомости времен Петра Великого», 1719); *крейсовать* (из голландского *kruisen*) — «Корабли крейсуют в устье порта» (там же); *кромасировать* (очевидно, от того же голландского глагола *kruisen*) — «Торговые суда кромасируют перед Маэстерландом» (там же).

Позднее утвердился глагол *крейсировать*, образованный от именной основы *крейс-* с помощью продуктивного суффикса -ирова-: «Крейсировать в Ботлическом заливе» (Храповицкий. Дневник. 1788).

Глаголы *командовать* (польский *komandować*, французский *commander*) и *командировать* (немецкий *kommandieren*) могли быть для Петровской эпохи словообразовательными вариантами, т. е. иметь одно значение: «Поехал в Сканию командовать армиею» («Ведомости...», 1719) и «Будет его величество тою армиею сам командировать» (там же). Еще в конце XVIII века находим глагол *командировать* в значении 'отдавать команду': «Три залфа без стрельбы душевной командировано голосом» (Нащокин. Записки). Впоследствии глагол *командовать* сохранился в значении 'отдавать команду', а глагол *командировать* 'посылать со служебным поручением'. Глаголы *ратификовать* (польский *ratyfikować*) и *нотификовать* (польский *notyfikować*) позднее вытеснены глаголами *ратифицировать* (немецкий *ratifizieren*) и *нотифицировать* (немецкий *notifizieren*). Ср.: «Нотификовал он им письмо о свершении своего брака» («Ведомости...», 1719) и современный *нотифицировать*; «Шах ратификовать будет» (Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху) и современный *ратифицировать*. Отмечавшиеся в Петровскую эпоху *фортификаковать* (польский *fortyfikować*) и *фортифицировать* (немецкий *fortifizieren*) позднее вышли из употребления.

Интересен глагол с отвлеченным значением *культивировать* (французский *cultiver*). Он появился в русском языке поздно, одним из первых его употребил В. И. Даль: «Говорят даже „культивировать“ вместо „обрабатывать, возделывать“...» («Толковый словарь», статья «Культура»). Здесь глагол *культивировать* имеет узкое значение агрономического термина. Позднее он употребляется расширительно, ср.: «Эти качества молодежи надо беречь и культивировать» (М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании молодежи). Интересно, что первая попытка выразить процесс воздействия культурой при помощи глагола в общезначимом значении была сделана еще А. Кантемиром, который употребил (а может быть, изобрел) глагол *культурировать*: «...Которую склонность интерес здешний требует куль-

ЖДУ Поезда или ЖДУ Поезд?

В самом деле, как же правильно: *ждать поезда* (парохода, самолета, трамвая, автобуса) или *ждать поезд* (пароход, самолет, трамвай, автобус)?

Современные словари отвечают на этот вопрос так: для глагола *ждать* в значении 'рассчитывать на появление, приход кого-чего-либо или на наступление, совершение чего-либо' допустимо управление как родительным, так и винительным падежом. Однако это общее указание распространяется только на некоторые существительные (в частности, обозначающие средства транспорта).

Наблюдения над языком современных писателей показывают, что сейчас употребляются обе формы, например: «Одно из двух: либо вы-

гружаться и двигаться пешком, либо ждать ремонтного поезда...», «Ждать ремонтный поезд — это значит потерять восемь — десять часов...» (Бораненков. Гроза над Десной); «Спали на скамейках проезжие люди, уставшие ждать парохода на пристани» (Померанцев. Однажды в молодости); «На шоссе осталась большая толпа ждать следующий теплоход» (Балтер. Проездом); «Нужно было идти пешком или ждать трамвая» (Каверин. Два капитана); «Скорее всего они ждут автобус» (Лебеденко. Однажды на курорте). Двойное управление у глагола *ждать* появилось сравнительно недавно. Из общедно-разговорной речи новая форма (винительный падеж) постепенно переходит в произведение молодых писателей, журналистов. Ср., например: «Таскали на учениях катушки с кабелем — ждали этот день» (Тендряков. Свидание с Нефертити); «Ждать покорно беду — нет, это, извините, не в моем характере» (Полозов. Хождение за три моря); «Тут

теровать» («Извлечение из писем и депеш», 1741). Позднее находим употребление варианта *культивировать* в том же значении: «Культивировать мысль детей» (журнал «Дело», 1871, № 5). В языке закрепился вариант *культивировать*. Подобные изменения позднее претерпел и глагол *цензурировать* (польский *cenzirować*), употреблявшийся и в варианте *цензуриовать* (немецкий *zensieren*): «Цензуриовать какой-то роман» (Пирогов. Дневник старого врача), а также: «Альманах, уже процензурованный, был задержан», (Панаева. Воспоминания); более ранняя форма *цензуровать*, очевидно, образованная на русской почве по соотношению с существительным *цензор*: «Могут быть цензурованы наша цензура» (Пушкин. Письмо М. П. Погодину, 1827); «Письмо к Вам, которое он просит прежде процензуровать мне самому» (Гоголь. Письмо А. О. Смирновой, 1845). Этот вариант в употребление не вошел.

Глаголы, относящиеся к общеотвлеченной лексике, заимствовались в XIX веке как из французского, так и из немецкого языков. Отсюда варианты их суффиксального оформления. Так, из французского языка некоторые глаголы заимствовались с суффиксом *-ирова-*, а их однокоренные варианты, заимствованные из немецкого, оформлялись суффиксом *-фицирова-*. Таковы глаголы: *модифицировать* (французский *modifier*) (Даль) и *модифицировать* (немецкий *modifizieren*): «Эти опыты Вебер... модифицировал» («Современник», 1847, № 11); *мистифицировать* (французский *mistifier*) (Даль) и *мистифицировать* (немецкий *mistifizieren*) (там же); ср. также ранний окказионализм П. А. Вяземского, очевидно, образованный на русской почве: «Жуковский слишком уж мистицизирует» (Письмо А. И. Тургеневу, 1819); *классифицировать* (французский *classifier*) (Даль) и *классифицировать* («Словарь русского языка, сост. 2-м отделением АН»); ранний вариант — *классировать* (французский *classer*): «Вопрос... о дуэлях, который я для графа классировал» (Храповицкий. Дневник, 1787).

никакой председатель не поможет, если вы указ ждете» (Проскурин. Горькие травы); «Я с особым интересом ждал встречу полутяжеловесов» (Феофанов. Репортаж о мужественных).

В языке XIX века глагол *ждать* сочетался с существительными только в родительном падеже: «С часу на час ждали парохода с остиндской почтой» (Гончаров. Фрегат Паллада); «Зимы ждала-ждала природа» (Пушкин. Евгений Онегин); «Иду удобного случая» (Лермонтов. Княжна Мери); «По году весточки ждешь» (Некрасов. Дедушка); «Я с нетерпением жду утра и дня» (Чехов. Скучная история).

Этот вариант предпочитают и советские писатели старшего поколения: «Приказа последнего ждет капитан» (Маршак. Баллада о двух островах); «Ждем подкрепления с моря» (Вишневский. Мы из Кройштадта); «Люба ждет назначенного срока» (Исаковский. Любушка).

Именно эта «классическая» и стилистически несомненно более правильная форма свойственна большинству других слов, с которыми сочетается глагол *ждать*. Литературной нормой современного языка служит: *ждать писем* (случая, решения, приказания, приговора, ответа, распоряжения), а не *ждать письма* (случай, решение... и т. п.).

Это особенно заметно при сочетании глагола *ждать* с отвлеченными существительными во множественном числе: *ждать распоряжений, приказаний*, но никак не *ждать распоряжений, приказаний*. Ведь если существительное не имеет определения, может возникнуть смешение с формой родительного падежа этого же слова.

Не следует также употреблять форму винительного падежа в тех случаях, когда глагол *ждать* имеет смысловой оттенок «надеяться на что-либо». Правильно: *ждать помощи* (милости, награды), а не *ждать помощь* (милость, награду).

Некоторые глаголы не смогли сразу утвердиться в русском языке, найти свое словообразовательное обличье. Так, например, современный глагол *конкретизировать* появился в русском языке из немецкого *konkretisieren* совсем недавно (впервые отмечается в «Толковом словаре» под редакцией Д. Н. Ушакова). В XIX веке находим различные словообразовательные варианты этого глагола: *конкретовать* (французский *concréter*) — «„Смех и горе“ сконкретованы прекрасно» (Лесков. Письмо П. К. Шебальскому); *конкресцировать* (на русской почве образован от основы французского прилагательного *concrésible*) — в форме отглагольного существительного находим у Герцена: «Конкресцирование абстрактных идей в сфере пластики» («Былое и думы»); *конкретировать* (французский *concréter*) — «Идея... конкретируется только в явлении» (Белинский. Русские журналы).

Находим также варианты основ при одном суффиксе. Так, глагол *объективировать* в XIX веке имел вариант *объективировать* в значении 'иметь объектом, целью' в точном соответствии с французским *avoir pour objet*. Он образован от существительного *объект*, ср. его употребление Белинским: «Лермонтов... объективировал современное общество» (Письмо В. П. Боткину). В то же время находим вариант *объективировать*, образованный, очевидно, от основы прилагательного *объективный*: «Сперва замышляет идею, потом идеально объективирует ее» («Энциклопедический Лексикон Плюшара», 1838, т. XII).

Варианты глаголов с суффиксами *-ова-* и *-изирова-* (*-изова-*) были многочисленны. Так, в области научной лексики старый вариант *магнитовать* (польский *magnetować*) («Российский Целларнус», 1771. Прибавление) заменился впоследствии вариантом *магнетизировать* (французский *magnétiser*, немецкий *magnetisieren*). Этот вариант уже в переносном значении употреблен в конце XIX века Писемским: «Калинович... магнетизировал ее глазами» («Тысяча душ»); отмечались варианты *кристалловать* (образован

ЖАЛОВАНЬЕ, ПОЛУЧКА, ЗАРПЛАТА?

Корней Иванович Чуковский, в любимейшей читателям книге «Живой как жизнь» замечает: «Изгнано слово *жалованье*, которое заменилось *зарплатой*, ибо в *жалованье* с давних времен сохранялся оттенок унижительной милости».

Однако есть и другие мнения о месте этого слова в системе современного языка. «Совсем недавно, — пишет исследователь В. М. Никитин, — возобновилась часть лексики, отошедшей было в область архаизмов. Сюда относятся такие слова,

как *министр*, *министерство*, *экзамен*, *жалованье...*» («Ученые записки Рязанского пед. ин-та». Вып. 6, 1948). В некоторых современных толковых словарях русского языка слово *жалованье* дается без стилистической пометы, что, как известно, предполагает возможность использования его в любой речевой ситуации. Так ли это на самом деле?

Жалованье — старинное слово. Еще в XVIII веке оно приобрело значение 'плата за труд, выдаваемая в определенные сроки'. Например: «А я на нынешний год тебе еще жалованья четыре алтына прибавил» (Сумароков, Лихоимец). В XIX веке слово *жалованье* было, как говорят языковеды, доминантой, т. е. главным, опорным словом, синонимического ряда, обозначающего понятие 'повременная плата за труд'. В то время оно не имело стилистической окраски.

Иначе сложилась судьба слова

от существительного *кристалл*) («Словарь 1847 года»; Даль) и *кристаллизовать* (французский *cristalliser*): «Они.. легко кристаллизуются» («Труды голяго экономического общества», 1811). С развитием продуктивности и укреплением суффикса *-изирова-* (*-изова-*) образования с суффиксом *-ова-* вышли из употребления. При наличии вариантов с суффиксом *-ирова-* и *-изирова-* тоже побеждал последний. Так, например, глагол *революционизировать* (образован от основы имени прилагательного *революционный*) вытеснил глагол *революционировать* (французский *révolutionner*), ср.: «Он стал революционировать „Колокол“» (Герден. Былое и думы) и «революционизированное общество» (Суворин. Дневник, 1899).

Неупорядоченность и суффиксальная вариативность глаголов с заимствованной основой в русском языке характерны для XVIII и XIX веков. В XVIII веке борьба шла между суффиксом *-ова-* и менее употребительным тогда *-ирова-*. Позднее, когда стал активно употребляться суффикс *-изирова-*, а суффикс *-ирова-* стал уже привычным, конкурировать стали эти два суффикса: *конкретизировать* и *конкретировать*; *революционизировать* и *революционировать*. В некоторых случаях над *-ирова-* брал верх менее распространенный суффикс *-ицирова-*, ср.: *ноцифировать* и *ноцифицировать*.

В настоящее время суффиксальное оформление глаголов с заимствованной основой унифицировалось. В современном литературном языке совсем почти не встречается вариантов глаголов с суффиксами *-ова-* и *-ирова-* и с суффиксами *-ирова-* и *-изирова-* (*-изова-*), образованных от одного корня и имеющих одно значение.

Следует сказать о глаголах с суффиксами *-изирова-* и *-изова-*. Все эти глаголы потенциально взаимозаменяемы, т. е. можно употребить как глагол с суффиксом *-изирова-*, так и его вариант с суффиксом *-изова-* (ср. *конкретизировать* и *конкретизовать* и под.). Поэтому в данном случае речь идет, очевидно, о варианте суффикса, а не глагола, т. е. можно сказать, что

жалованье в советское время. Из года в год употребление его явно шло на убыль. Возможно, в этом действительно сыграла роль ассоциация с исходным значением слова 'награда за услуги в знак расположения; пожалованье'. Это, естественно, противоречило новому укладу общественной жизни.

Могут возразить, что слово *жалованье* встречается и у современных писателей. Да, судя по данным картотеки словарного сектора Института русского языка АН СССР, его употребляли А. И. Толстой, Злобин, Шишков, Раковский, Задорнов, Лебедевко и многие другие писатели. Однако, как правило, слово *жалованье* употребляется при описании прошлого героев — людей старшего поколения. Ср., например, использование этого слова для создания психологического образа персонажей в повести Ващенко «Большие пожары»: «Они с матерью теперь

каждый день говорили об этом [поезде в Сибирь.— К. Г.], шептались по ночам — Лида слышала. Их привлекало то, что там зарплата гораздо выше (иногда они говорили жалованье), и отец уже давно хотел быть хозяином себе). Впрочем, при описании жизни за границей слово *жалованье* и сейчас используется нейтрально. Например: «21 декабря в аргентинской столице и ее пригородах началась всеобщая 48-часовая забастовка врачей и обслуживающего персонала больниц и поликлиник. Они требуют увеличения жалованья» («Известия», 23 декабря 1964).

Слово *получка* в значении 'заработная плата' появилось в конце XIX века и преимущественно употреблялось, как тогда говорили, в «простонародном» языке. Надо сказать, что и сейчас, несмотря на довольно широкое «хождение», слово сохраняет эту окраску и в совре-

суффикс *-изирова-* потенциально имеет при себе вариант *-изова-*. Что касается словообразовательных вариантов с суффиксами *-ова-* и *-ирова-*, то их в современном языке осталось всего несколько. Таковы, например: цементовать и цементировать, глазуровать и глазировать, пеленговать и пеленгировать, титровать и титрировать. Глаголы *пробовать* и *пробировать*, *формовать* и *формировать* имеют разное значение и словообразовательными вариантами уже не являются. Обладают разными значениями и, таким образом, не являются вариантами следующие однокоренные глаголы с суффиксами *-ирова-*, *-изирова-* и *-фицирова-*: гармонировать и гармонизировать, активировать и активизировать, экранировать и экранизировать, радировать и радиофицировать, газировать, газовать и газифицировать, электризовать и электрифицировать.

Для современного языка более характерна вариативность не суффиксов, а основ заимствованных глаголов. Так, находим при ранних заимствованных глаголах более поздние образования от заимствованных имен: *аннектировать* (немецкий *annektieren*) и *аннексировать* (образован по соотношению с существительным *аннексия*); *дискутировать* (немецкий *diskutieren*) и *дискуссировать* (от существительного *дискуссия*); *дренировать* (французский *drainer*, английский *to drain*) и *дренажировать* (от существительного *дренаж*); *рефлектировать* (немецкий *reflektieren*) и *рефлексировать* (от существительного *рефлексия*); *флектировать* (немецкий *flektieren*) и *флексировать* (от существительного *флексия*). Этот процесс вызван характерным для современного языка стремлением к унификации глагольных и именных основ, к ликвидации чередований, порожденных одновременным заимствованием однокоренных имен и глаголов.

Кандидат филологических наук
Н. С. АВИЛОВА

менной художественной литературе обычно используется для создания определенного стилистического колорита. Вот несколько примеров: «Получил рабочий субботнюю получку, вышел с завода и почел: а! затылок.— Маловато!» (Катаев, Горюх в степку); «Лева рассвирепел... — А ну-ка, забирай получку и топай на отдых!» (Оффин, Граждане пассажиры); «— Я ему сейчас, скажу, паразиту. Я корочки хотел купить с полочки, понял?» (Роцин, Мой учитель Гриня Нанин).

Слово *получка* следует употреблять только в обиходно-разговорной речи. Поэтому стилистически не оправдано использование его в сочетании *праздник первой полочки*, которое с недавних пор «выпущено цветом» расцвело в наших газетах.

Таким образом, ни слово *жалованье*, ни слово *получка* не упот-

ребляются сейчас в нейтральном стиле русского литературного языка. Опорным в языке наших дней, не считая официального выражения *заработная плата*, стало слово *зарплата*, оно (впервые зафиксировано в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) еще в 20—30-е годы быстро вошло в разные стили речи. Например: «Ясно, что это повышение зарплаты должно идти именно на базе организации производства...» (Ф. Э. Дзержинский, Избранные статьи и речи); «Зарплаты его [Скутаревского.— К. Г.] хватало лишь на удовлетворение насущных потребностей» (Леонид Скутаревский); «Завтра им за два месяца вперед выдадим зарплату» (Авдеев, Гурты на дорогах).

Кандидат филологических наук
К. С. ГОРБАЧЕВИЧ

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ

В этой статье мы рассматриваем журналы Стройиздата (№ 7 и 8 за 1966 г.): «Бюллетень строительной техники» (далее — Бюлл. строит. техн.), «Строитель» (Строит.), «Жилищное строительство» (Жил. стр.), «Архитектура СССР» (Арх. СССР), «Монтажные и специализированные работы в строительстве» (Монт. и спец. работы) и другие.

Когда пишут о языке научно-технических журналов, обычно отмечают его сухость, бедность, засилие канцеляризов и т. п. Этим отрицательным качествам противопоставляются желаемые: легкость, изящество, простота слога.

Однако, если учесть факт стилистической дифференциации литературного языка (функциональные стили), то многие критические замечания окажутся неправомерными. Ведь понятия эстетичности, выразительности и т. п. существенно меняются применительно к каждому стилю.

Одно из основных требований к языку научно-технической литературы — его максимальная информационная насыщенность, а следовательно, сжатость изложения, отсутствие какого бы то ни было украшательства. Это особенно важно сейчас, когда резко возрос поток научной информации. И именно в этом смысле можно говорить об эстетичности научно-технической литературы. Ведь здесь задача пишущего сводится к одному: наиболее точно передать результаты исследования, эксперимента, теоретического рассуждения.

Эту же тенденцию обнаруживает и редакторская правка: «...Редактор научного текста, как это ни парадоксально, меньше всего следит за красотой, выразительностью, образностью, доходчивостью и другими априорными качествами слога» (сб. «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966, стр. 192).

О стремлении к экономным средствам выражения свидетельствуют и некоторые процессы, наблюдаемые в языке научно-технических журналов. Это выражается в широкой распространенности (предпочтении) емких синтаксических конструкций: причастных оборотов (а не придаточных определительных), цепочек родительных падежей, отглагольных существительных. Причем за редким исключением все это не воспринимается как недостаток слога. Например: «В итоге, проведенные натурные исследования служат для выявления оптимальной пространственной организации универсальных спортивно-зрелищных залов большой вместимости» (Жил. стр., № 7). Здесь и во многих других примерах отглагольному существительному с относящейся к нему цепочкой родительных падежей отдается предпочтение как более компактной конструкции (ср.: «...Служат для того, чтобы выявить оптимальную пространственную организацию»). По этой же причине отглагольные существительные нередко используются даже там, где их употребление противоречит нормам «гладкого» письма: «При рациональном использовании рельефа местности, т. е. при выравнивании рельефа только на территориях, предназначенных для размещения зданий, проездов и площадок, по оставлению естественного рельефа в местах озеленения (если не требуются специальные работы по обеспечению водоотвода) можно сократить земляные работы до минимума» (Жил. стр., № 7).

В описанном процессе, помимо стилистической традиции (стремление к сжатым формам выражения), большую роль играет другая, более общая тенденция — резкое ослабление глагольности по сравнению с номинатив-

постью, преобладание имени над глаголом. На эту же особенность языка американской научно-технической литературы указывает и С. И. Кауфман (см.: «Некоторые особенности стиля американской технической литературы». Автореферат кандидатской диссертации. М., 1960, стр. 12).

Глаголы конкретного физического действия очень редки в научно-технической литературе. Среди сказуемых преобладают глаголы, частично потерявшие лексическое значение, с выветрившейся до некоторой степени семантикой, с ослабленной предикативностью (требовать, позволять, определять, обуславливать, обеспечивать, связывать, вызывать, приводить к... и др.). Это связано с тем, что основное назначение языка научной прозы — анализ, установление связей между различными понятиями, а не описания. Глаголы с ослабленной семантикой в этих условиях по существу выполняют формальную функцию соединения понятий, т. е. выступают в роли связок.

«Удобное расположение и связь жилых и подсобных помещений или полная изоляция некоторых из них при различных бытовых процессах в значительной степени обуславливают удобство проживания семьи, создают комфорт квартиры» (Жил. стр., № 7). Такие «связки» позволяют терминировать речь, давать наименования процессов и действий отвлеченно, в субстантивированном виде (а значит, более компактно) и одновременно соединять их.

Очень близко к этой особенности синтаксиса научной речи стоит широкое распространение глагольно-именных описательных выражений («расщепленных сказуемых»). «Повышение точности сборки форм и касет и чистоты их поверхности после механической обработки приводит к повышению качества изделий» (не «повышает», а «приводит к повышению»). Жил. стр., № 7). В «расщеплении» сказуемого проявляется та же тенденция к терминованию речи, ведь глагольная часть словосочетания выполняет в основном грамматическую функцию и поэтому лишена образительности, непосредственной соотнесенности с действием.

Как уже было отмечено, максимальная информационная насыщенность краткость — важнейшие черты научно-технической литературы. Поэтому любая языковая избыточность воспринимается здесь как стилевой недостаток (к сожалению, не очень редкий). Можно даже отметить типичные нарушения такого рода.

1. Слишком частое употребление слов *вопрос*, *задача*, конструкций со вспомогательным глаголом *является*. Например: «Серьезное внимание следует уделять вопросу утомляемости работников» (Строит., № 7); «Проблема трудового воспитания, с точки зрения психологического воздействия на обучающегося, является весьма серьезной, непосредственно связанной с задачей повышения производительности труда рабочих» (Строит., № 7). Ср.: «Проблема... непосредственно связана... с повышением...» (*задача* — лишнее слово).

Частую необоснованно и употребление слова *случай*: «В случае если этого сделать не удастся...» (Жил. стр., № 7); «В случаях применения труб...» (Бюлл. строит. техн., № 7); «Имеются даже случаи, когда...» (Арх. СССР, № 7).

2. Употребление глаголов и причастий, констатирующих то, что и так понятно из содержания предложения: «Были проведены исследования, которые заключались в выборе марки порошковой проволоки...» (Монт. и спец. работы, № 8. Ср.: «Исследовались марки порошковой проволоки...»); «Результаты испытаний приведены в табл. 3. Из приведенной таблицы следует...» (Жил. стр., № 7). Ср.: «Испытания (см. табл. 3) показали...».

Сюда же можно отнести и обороты с причастиями: «проявляемая излишняя осторожность», «проведенные эксперименты показали...», «порученное задание», а также установившиеся, но семантически избыточные обороты типа: «В своем выступлении... отметил».

3. Фразы, вообще не несущие конкретной информации.

«Культуры в строительном производстве нельзя добиться в результате какой-либо разовой кампании; она достигается путем систематического и неуклонного внедрения элементов, составляющих ее сущность» (Строит., № 7). Получилось, что культуры следует добиваться внедрением... культуры. Или: «Отдельные руководители строек еще не придают этому вопросу особого значения и не ставят перед собой больших задач в этой области» (Строит., № 7).

Помимо информационной насыщенности, язык научно-технической литературы характеризуется стилиевой однородностью. Он почти полностью исключает индивидуальные особенности слога, эмоциональность, образительность, всякое отклонение от общепринятого стандарта изложения. Максимальная точность (прежде всего терминологическая), экономность и ясность изложения — вот идеал научной прозы. Изредка встречающиеся обороты с местоимениями *мы*, *я* и соответствующими личными глагольными формами не имеют связи с реальной личностью пишущего и используются для перехода от одной мысли к другой.

В морфологии и синтаксисе однородность научно-технического стиля выражается в строгой нормативности, следовании определенному порядку изложения. Здесь, как правило, предпочитается «спокойный» прямой порядок слов, избегаются усложненные конструкции, инверсии, уменьшительные суффиксы, т. е. все, что так или иначе связано с эмоциональностью изложения или затрудняет восприятие.

Все иностилевые включения воспринимаются в научно-технической литературе как недостаток. Среди наиболее типичных ошибок такого рода можно отметить следующие:

1. Неоправданное использование канцеляризов (обычно употребляющихся в деловом стиле): «В настоящее время является актуальным выявление области эффективного применения конструкций из высокопрочных бетонов» («Бетон и железобетон», № 8); «И все же в местной практике проектирования строительства массовых типов жилища имеются существенные недостатки. Главными из них следует считать неучет местных природно-климатических и других особенностей» (Жил. стр., № 8). Канцеляризм неприемлем в языке научно-технической литературы прежде всего потому, что он чужды ему по стилистической окраске. Кроме того, использование их ведет нередко к словесной избыточности.

2. Употребление слов, имеющих окраску разговорности:

«Увеличение количества и мощности транспорта создало совершенно ненормальные условия для проживания значительной части населения» (Жил. стр., № 7). Здесь в одном предложении находим словосочетание *совершенно ненормальные*, характерное для разговорной речи, и канцеляризм *проживание*.

По мере развития научного стиля постепенно появился фонд терминов, специальных оборотов профессионального характера, речевых формул (клише). Например, в литературе по строительству: «Ходовая часть крана решена в виде двух многоопорных гусеничных тележек»; «В сфере обслуживания... на перспективу будет занято до 40%»; «Славить объекты с хорошим и отличным качеством»; ср. также неологизмы *складировать*, *комнатность* по аналогии с *этажность*; формирование нового отыменного предлога *в условиях* (в условиях массового применения, в условиях тайги, Сибири, дельты и т. п.). Это прогрессивный процесс ведущий к стандартизации, унификации языка научно-технической литературы, облегчающий задачи пишущего.

Ограниченность фонда лексико-фразеологических средств, требование стилиевой однородности заставили расширить границы сочетаемости некоторых слов и оборотов и, как следствие этого, привели к частичной потере ими лексического значения. Так, глагол *выполнять* в рамках научного сти-

ля приобрел почти неограниченную сочетаемость: выполнять задание, норму, работу, операцию, облицовку, оштукатуривание, отверстия в железобетонных плитах перекрытий, монтаж, острожку, шины, электроприхватку, гром и т. д. Особенно характерно соединение слова *выполнять* с отглагольными существительными, показывающее превращение его в глагол-связку.

Глагол *внедрять* в результате частого употребления упростился грамматически (отпала необходимость в дополнениях в винительном или предложном падеже) и расширил значение, стал синонимом к глаголам *применять*, *использовать*: «...Для многокомнатных квартир следует смелее внедрять приемы планировок, позволяющие расположить ванную поблизости от спальни...» (Жил. стр., № 7). Однако употребление некоторых глаголов расширилось неоправданно. Это привело к выветриванию семантики слова, его «девальвации». Так, глагол *решать* в сочетании с отглагольными существительными оказывается избыточным, например: «С помощью киносъемки решаются проектирование рациональных трудовых процессов и схем организации труда, изучение и обобщение передовых методов и приемов труда, разделение труда в звене и синхронизация операций, определение оптимального состава бригад и звеньев, выявление технологических потерь и непроизводительных затрат рабочего времени» (Строит., № 7).

Чередко не несут семантической нагрузки предложные словосочетания в практике, в условиях (последнее, как уже отмечалось, превращается в новый отыменный предлог): «Однако в практике строительства трубопроводов возможны случаи, когда требуется применить на отдельных участках трассы трубы с несущей способностью, превышающей ГОСТ 6482—63» (Бюлл. строит. техн., № 7). В этом предложении, помимо сочетания *в практике*, избыточен и оборот со словом *случай* (ср.: «Однако при строительстве трубопроводов на некоторых участках трассы иногда необходимы трубы с несущей способностью...»). «В условиях проводимого эксперимента руководители строительных организаций и предприятий получили право материально поощрять работников...» («Экономика строительства», № 7).

Встречающиеся иногда в языке журналов нарушения грамматических норм (певерное употребление предлогов, нарушения связей управления, согласования и др.) не обусловлены спецификой стиля и потому нами не отмечены.

Как показывает анализ, недостатки в языке научно-технических журналов связаны с нарушением некоторых закономерностей научного стиля (информационная насыщенность, стилевая однородность, стандартизованность и экономность изложения, нормативность).

Оценка языка научной прозы может основываться лишь на знании его внутрискладовых норм. Поэтому вряд ли можно согласиться с В. Максимовым и В. Теленбаумом («Литературная газета», 30 сентября 1961), которые предлагают заменить «варварский жаргон» судопроизводства «ясным, простым и доступным народу» языком. «Мы создали самый демократический суд в мире. Так не пора ли навсегда расстаться и с тем канцелярско-бюрократическим жаргоном, которым пользовались в суде еще со времен царя Гороха?» Думается, такая реформа не вызвана необходимостью. Авторы не учитывают существования в языке объективно сложившихся речевых стилей.

Чтобы исключить любительство в оценках, необходимо глубокое изучение и описание функциональных стилей (в частности научно-технического): исследование закономерностей словоупотребления, тенденций и характера использования морфологических форм и конструкций.

Кандидат филологических наук
Г. Я. СОЛГАНИК

РАЗГОВОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЯЗЫКЕ ГАЗЕТЫ

Кандидат филологических наук
В. Г. КОСТОМАРОВ

Одной из важнейших черт развития русского языка надо признать меняющееся соотношение и взаимодействие между книжной и разговорной речью. Тяготение к народной разговорности всегда было отличительным признаком и могучим регулятором прогресса нашего языка. Великие русские писатели от Пушкина до Горького видели источник обогащения и совершенствования именно в живой разговорности, а не в старых книгах, не в иностранных заимствованиях и в словесных изобретениях, хотя, разумеется, признавали плодотворность и этих влияний. Академик Л. В. Щерба считал, что все изменения русского литературного языка «куются и накаплиются в кузнице разговорной речи».

Исследования последних лет убеждают в том, что русский язык переживает сейчас очередной и весьма активный период возросшего влияния разговорных стилей на стили книжной речи. Причина этого, несомненно, в активизации общественно-политической жизни, ее демократизации, отказе от всякого догматизма. Некоторые формы книжного выражения, особенно в сфере деловой и научной речи, оказались общественно скомпрометированными [вспомним «канцелярит» К. И. Чуковского!], что потребовало поиска новых и, по возможности, «живых», выразительных средств. Все эти процессы особенно рельефно проявляются в языке современной газеты: как в настроениях и языковых идеалах журналистов, так и в их повседневной практике.

Манера книжного изложения стала производить отрицательное впечатление, а использование разговорной речи — признаваться тем средством, которое может оживить книжность, сообщить ей задушевно-простой, и убедительно-искренний тон и ритм. Этот вывод теоретически соответствует историческим традициям и особенностям времени.

Книжная речь, исходно связанная с письменной, все чаще звучит сейчас в устной форме — по радио и телевидению, в кино и на массовых публичных лекциях. Единая форма осуществления содействует сближению книжности и разговорности. Сама разговорная речь с развитием технических средств передачи утратила связь исключительно с камерной обстановкой, приобрела потенциальную возможность массовости. Весь уклад современной жизни сближает житейский разговор и обсуждение «высоких материй»: язык массовой письменной газеты и массового устного радио вообще начинает совпадать.

При этом книжная основа подвергается все более сильному влиянию разговорности, стимулированному единством содержания и облегченному единством формы.

Противопоставленность разговорной (первоначально и обычно устной) и книжной (первоначально письменной, но сейчас одинаково и письменной и устной) речи как систем базируется исторически на внеязыковых причинах, связанных прежде всего с содержательной стороной речи. Нужды общественной коммуникации таковы, что, скажем, об исследованиях философских проблем, о расчетах реактивных самолетов люди несравненно больше пишут, чем говорят. И аналогично: о стирке белья, о семейных взаимоотношениях несравненно больше говорят, чем пишут. Соответственно в языке создавались и дифференцировались средства выражения. Разумеется, в совпадающей тематике они едины или почти едины, поскольку часто разнятся (и при совпадающей тематике!) тоном, экспрессивно-эмоциональным подходом [ср. ряды типа: в аэропорту — в аэропорте; пара носок — пара носков; малодушничает, подхалимничает — малодушествует, подхалимствует; купил жилетку, браслетку, картошку — купил жилет, браслет, картофель; прикинули будущий доход — приблизительно сосчитали; он, понятно, был там — он, конечно, был там; где ему понять — он никак не может понять и т. д., и т. д.].

Однако достаточность каждой из этих двух систем относительна, поскольку они и не приспособлены для выражения совпадающей тематики. Именно поэтому язык выработал известные запасы элементов, имеющих только в одной из систем. В пределах разговорной речи, обслуживающей нужды повседневного быта, нет, например, эквивалентов сугубо книжным: актуальный, альтруист, бытие, декларировать, жизнеощущение, идеал, кардинальный, лапидарный, наличествовать, облечь, парадокс и т. д. В границах же книжной речи нет эквивалентов разговорным: авось, взпуски, горемыка, досужий, завзятый, кубарем, маяться, напролет, отсебятина, паинька, распинаться и т. д.

Любопытно, что имеющиеся к таким словам синонимы, как правило, сами принадлежат к той же стилевой системе: актуальный — злободневный (оба книжные), взпуски — наперегонки (оба разговорные). Это и понятно: содержание, обслуживаемое другой системой, именно таких понятий и не требует. Разумеется, принципиально «перевод» любого слова в другую систему возможен — с естественными изменениями не только в окраске, но и в смысле! — при помощи фразеологизмов или описаний: альтруист — человек, которому себя не жалко для других; авось — вверимся случайной удаче и т. д.

Действуя в одной системе и обнаруживая ее недостаточность, мы, как правило, не «переводим» нужное нам слово, а «заимствуем» его. Мы правомерно вставляем в наш разговор книжное слово, когда у него нет разговорного двойника, и наоборот. Теоретически это должно наблюдаться, когда появляется новая тема для данной речевой сферы, и должно вестись, в конечном счете, к изменению стилистической принадлежности и окраски взятого слова. Практически в нашей жизни это происходит постоянно, ибо роль той или иной темы в социальном об-

щении постепенно меняется: в связи с механизацией и общественной организацией быта тема «стирка» все больше обслуживается книжной речью, а тема «реактивные самолеты» (с введением их в повседневный быт) все чаще решается в разговорном ключе.

Прежде чем перейти к конкретным наблюдениям над тем, как осуществляется обращение к разговорным элементам в языке нынешних газет, необходимо сделать еще одно замечание.

Для современной журналистики в силу ряда факторов очень характерно стремление к живописательности, образности и даже образности. Естественно, журналисты равняются на язык художественной литературы, для которого сплав разговорной и книжной речи всегда был основополагающей чертой, вытекающей из специфики самого явления. Синтез разностилевых элементов в художественной литературе выступает как одно из средств создания образа, результат определенного художественно-образительного замысла. Исследования показывают, что фотографическое воспроизведение повседневной разговорной речи в русской художественной литературе вообще не встречается. Иными словами, языковые особенности, наблюдаемые в художественных текстах и признаваемые разговорными, являются не следствием непосредственного и неприкосновенного перенесения элементов разговорной речи в язык художественной литературы, а сложным отражением реальных процессов разговорной речи, своеобразным их художественно-языковым эквивалентом. Можно априорно утверждать, что в большинстве газетных жанров (кроме очерка и фельетона) привлечение разговорных элементов не связывается с выполнением творческого замысла, а объясняется иными причинами.

Бросятся в глаза многочисленные случаи фотографического воспроизведения разговорной речи на газетных полосах. Так, в заметке «Вздремнуть захотелось» («Известия», 14 апреля 1967) дается, видимо, буквальный (или талантливо сочиненный) протокол допроса нарушителя «правил хождения (!) по железнодорожным путям: „Значит, я провозжал на поезд брата. Ну, стало быть, выпили на дорогу. Ну, само собой, еще выпили. Зашли, как полагается, в вагон. Он, понятно, отъезжающий, а я, само собой, провожающий. Не помню, целовались или нет. Поезд тронулся. Значит, поехали. Едем. Мне, конечно, это вроде и ни к чему — завтра на завод надо: я ведь крановщиком на машиностроительном... Выходит, я пошел обратно по шпалам. Шел, шел, как полагается, и споткнулся, что ли. Словом, прилет на шпалы и уснул. Чуть погодя он на меня в аккурат и наехал. Я, само собой, не помню, когда он на меня наехал, потому как спал, но слышу кто-то меня толкает... Открыл глаза, смотрю: что-то черное надо мной стоит и шипит“». Легко заметить, что никакого особого образительного или характеристического «задания» автор перед собой не ставил. Его целью было написать развлекательнее, привлечь к заметке внимание читателей хотя бы необычностью языка.

Мотивом свободной передачи разговорной речи служит, видимо, то же чувство, которое заставляет человека нарочито исковеркать, неверно произнести какое-нибудь слово в дружеском застолье. Нехит-

рый и неприятельский прием, он все-таки обладает силой воздействия, создает разрядку, развлекает.

Открыв в фотোগрафическом воспроизведении разговорной речи средство раскрашивания текста, работники прессы сделали и следующий естественный шаг: они стали воспроизводить речевые неправильности. Так А. Сосунов в «Неделе» [1966, № 3 — «Шумят таежные боры»] последовательно передает рассказ старика-ханты о выдре, живущей у него в доме: «Третьем годе на той стороне сора [сор — по-хантыйски 'озеро'. — В. К.] махоньким щенком нашел. Однако росомаха нору зорил и его таскал, да меня испугался и бросал. Лежит на песке и тихонько свистит, только-только, видать, глаза открыл. Взял его, домой вез. Сначала ухой поил, потом рыба маленько вареный давать стал. Так вот и вырос. Теперь большой, сам куда хочет гуляет, а раньше все за мной бегал. Как потеряет, так и свистит. Нынче весной долго дома не был, куда-то далеко плавал, наверное, бабу искал. Уж летом пришел. Теперь опять вместе живем... Зверь шибко умный да понятливый. Спим одной шкуре. Со мной бор ходит, ягоду ест. Сор у обла-се [облас — 'лодка'. — В. К.] вместе плаваем. Я сети ставлю, а он рыбу промышляет: две-три съест, а четвертый мне тащит... Чужого человека бонтса. Как кто придет, сразу сор убегает. Его и не найдешь, не знаючи...».

Если здесь повествование приближается к художественно осмысленному, то во многих других случаях воспроизводимые неправильности выглядят весьма искусственно. В «лирическом репортаже» Е. Гай «С Новым годом» [«Литературная газета», 6 января 1966] читаем [реплика героев]: «Это же черт знает что! Татьяна меня попросила... — А я, например, против всякой модерняги. — Ха! Если тебе хочется посмотреть... выйди на улицу и смотри!». В очерке А. Пушкиря «Утес над Амуром» [«Известия», 1 августа 1966] находим: «Почитатели реки остаются дежурить даже на ночь, чтобы не упустить миг, когда „ухнет“. И вот трогается Амур... Люди все стоят, радуются: „Во как фугует!“...».

Особым газетным жанром следует признать письма читателей в редакцию, которые все чаще печатаются без каких-либо языковых поправок. Об этом свидетельствует обследование, проведенное в газете «Известия» осенью 1965 года сотрудниками сектора культуры речи Института русского языка АН СССР Л. К. Максимовой и Г. П. Бондарук; в некоторых случаях в опубликованном тексте была усилена «разговорность» или даже ненормативность оригинала. В настоящее время многие публикуемые в газетах письма можно считать точным отражением реальной речи, в том числе и малограмотной. Видимо, у всех в памяти письмо Вити Царевского «Мой папа пьет», опубликованное «Известиями» [16 июня 1965], и отклики на него [19 июня 1965]. Не менее точное воспроизведение живой речи — в широком обсуждении статьи «С сигаретой через скакалочку» в «Известиях» [см. хотя бы номер от 20 ноября 1965].

Из приведенных примеров можно сделать, по крайней мере, два вывода. Во-первых, газеты последних лет стали шире обсуждать темы, связанные с бытом, семьей, повседневными происшествиями, торгов-

лей, отдыхом, т. е. темы, обычно обслуживаемые разговорными стилями речи. Это оправдало и сделало необходимым привлечение в газетный язык слов и построений живой речи, причем в их естественной, никак не трансформированной форме. Во-вторых, в силу того контраста, который невольно возникает при сопоставлении разговорных элементов с привычно книжными словами и построениями языка газеты, они были сразу осмыслены как сильное средство создания экспрессии, в которой вообще остро нуждается газетная речь. Разговорные элементы (и даже их крайняя, жаргонно-ненормативная часть) начали превращаться в сознании работников прессы в изобразительное средство, причем не как строительный материал, дающий эффект лишь при определенном целевом использовании, а сами по себе, безотносительно к сюжетному, образному или тематическому заданию, непосредственно и в «чистом виде». И этому сильно способствовала оглядка на язык художественной литературы, разумеется, не подкрепленная глубоким анализом, а ограничивающаяся констатацией: разговорные элементы и ненормативные явления там есть, и речь признается яркой, выразительной ...

Однако нельзя не заметить, что любой разговорный элемент становится средством выразительности и экспрессии лишь в окружении других, неразговорных элементов. К тому же бросается в глаза, что разные разговорные элементы дают разный по силе эффект.

Таким образом, возникает необходимость отказаться от «фотографирования» разговорной речи и сформулировать принципы отбора.

Препарирование устно-разговорного материала в газете не нашло еще конкретных приемов и путей. Более или менее установившимися можно считать наиболее элементарные приемы, мало отличающиеся от приведенных примеров «свободного воспроизведения». Важно, впрочем, отметить, что журналисты все решительнее отказываются от повсеместно распространенных ранее условных диалогов как чуть ли не единственного способа отражения разговорности в газете и завычивания отдельных разговорных словечек в сопровождении формул типа «как говорится».

Наибольшее распространение получила замена обычного для книжной речи слова его разговорным или даже просторечным синонимом: «Институт с прав л я е т новоселье» [заголовок. «Медицинская газета», 1 ноября 1966]; любопытно, что в первой фразе этой корреспонденции читаем: «Институт.. п р а з д н у е т новоселье»; «Весна. Все чаще ртутный столб большого г р а д у с н и к а на воротах Моссовета задерживается на нуле» («Известия», 14 марта 1967); «Пять вечеров к р я д у голубые экраны телевизоров в Европе небезуспешно конкурировали с самыми модными театрами...» («Известия», 6 февраля 1967); «П о ч е м киловатт в тайге!» [заголовок. «Известия», 12 ноября 1966] и т. д.

Смысл таких замен в одном: разговорное слово кажется выразительнее настолько, что своей отраженной экспрессией делает живой, «проходной» всю фразу, построенную по обычным канонам. Языковым следствием этого приема при достаточно частом повторении можно

считать нейтрализацию стилистической окраски самого слова, как это произошло, например, с сугубо разговорными: *загодя, нынче*.

Осваивается более сложный способ использования разговорных элементов — построения по аналогии. Отталкиваясь от разговорных конструкций типа: «Площадь Пушкина — будете выходить!», «Поликлиника. Где она тут!», журналисты создают длинный ряд конструкций типа: «Цехком. Каким ему быть!», «Пластмассы! Они уже победно шествуют в промышленности.» и т. д. Исследователи отмечают длинный ряд структур современного газетного языка, индуцированных оборотами разговорной речи: различными присоединительными конструкциями, многочисленными эллипсисами, повторами, построениями с частицами и междометиями, безглагольно-побудительными оборотами и т. д. [см.: Н. Ю. Шведова, *Активные процессы в современном русском синтаксисе. (Словосочетание)*. М., 1966 — особенно приложение «О проникновении разговорных форм предложения в письменную речь»; Е. А. Иванчикова, *О развитии синтаксиса русского языка в советскую эпоху.* — В сб.: «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966]. Конструкции разговорной речи дают богатый материал для аналогичных структур при создании заголовков — специфической и малоисследованной области газетного языка.

Здесь все чаще «приходится иметь дело со становлением самого газетного жанра в его специфическом наборе средств выражения и в лучшем случае с некоторыми общими тенденциями, определяющими появление материально различных, но функционально сходных конструкций в языке газеты и в живой речи непринужденного общения» [О. А. Лаптева, *Изучение русской разговорной речи в отечественном языкознании последних лет.* — «Вопросы языкознания», 1967, № 1].

Одобрив наметившуюся тенденцию широко использовать элементы разговорной речи в газетном языке, лингвисты должны глубже исследовать процессы, протекающие сейчас в практике работы советской печати, оценивать их и помогать журналистам сознательно руководить ими. Хорошо и прогрессивно то, что связывается со специфической газетных жанров: не просто переносится из разговорной речи, а органически перерабатывается в соответствии с нуждами газеты.

При обдуманном и уместном использовании элементы разговорной речи придают газете характер непринужденной беседы, сообщают ей задушевность и убедительность. Газета успешнее выполняет свои функции коллективного организатора и массового пропагандиста, содержание ее легче воспринимается и сильнее воздействует на читателей. При немотивированном употреблении разговорных элементов газета теряет свою специфику, серьезность, официальность, а вместе и... доверие читателей. Трудно в этой связи не напомнить, что западные «бульварные» газеты пишутся даже жаргонным языком, что связывается с подчеркнуто бытовым содержанием или подчеркнуто бытовым освещением всех излагаемых новостей и мнений.

Широкий поток разговорности льется сейчас на газетные полосы. Он несет с собой живость, выразительность, задушевную простоту. Задача ученого и журналиста направить его по нужному руслу.

КОНФЕРЕНЦИИ ПО ТЕРМИНОЛОГИИ

В конце мая — начале июня 1967 года прошли две научные конференции по терминологии, что свидетельствует о заметном оживлении работы в этой области, вызванном необходимостью разрешить многие дискуссионные вопросы, связанные с терминологией.

Первая конференция состоялась 24—26 мая в Москве и была посвящена проблемам государственной стандартизации научно-технической, планово-учетной и экономической терминологии. Организатором ее был Всесоюзный научно-исследовательский институт технической информации, классификации и кодирования (ВНИИКИ). По тематике прочитанных докладов, по представительству ученых и практиков-терминологов конференцию, безусловно, можно считать значительным событием.

Многие важные задачи развития народного хозяйства трудно решить без организации в общегосударственном масштабе работ по стандартизации научной, технической и технико-экономической терминологии. Стандартизацию терминологии надо проводить широко: и в общетеоретических, и в прикладных науках. Сначала необходима строгая классификация научных понятий, а затем — создание на этой основе системы терминов.

Обо всем этом говорилось в докладе директора ВНИИКИ Л. Ю. Белахова, открывшего конференцию. Более 20 докладов было посвящено вопросам конкретных отраслевых терминологий.

Достаточно подробно были рассмотрены и общие принципы стандартизации терминов, а также некоторые лингвистические проблемы построения терминологических систем.

Упорядочение и стандартизация терминологии — задача, которую следует решать объединенными усилиями филологов и ученых-специалистов в различных областях науки и техники. Эта мысль была лейтмотивом большинства выступлений Московского совещания терминологов.

На второй конференции (Ленинград, 30 мая — 2 июня) обсуждались лингвистические проблемы научно-технической терминологии.

Конференция была организована и проходила при активном участии Научного совета по лексикологии и лексикографии, Комитета научно-технической терминологии, Института русского языка и ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. Совещание переросло рамки всесоюзного, так как на него приехали и выступили с докладами языковеды из Чехословакии, ГДР, Вьетнама, Румынии.

Открывший конференцию член-корреспондент АН СССР С. Г. Бархударов подчеркнул то важное значение, которое в наши дни придается проблемам терминологии.

Вводный доклад академика В. С. Кулебакина и Я. А. Климовицкого «Развитие в СССР работ по построению научно-технической терминологии и советская терминологическая школа» обстоятельно представил научные и практические основы работы по созданию и упорядочению терминологических систем, которыми руководствуется Комитет научно-технической терминологии АН СССР (КНТТ). Разработка этих основ принадлежит создателям КНТТ академику С. А. Чаплыгину и Д. С. Лотте. Ими разработаны также принципы и методы построения терминологии, подход к ней как к системе терминов, соответствующей системе понятий данной области науки и техники.

Много для развития советской терминологической школы сделали и виднейшие наши языковеды, постоянно принимавшие участие в работе КНТТ, Г. О. Винокур, С. П. Обнор-

ский, А. А. Реформатский, С. И. Ожегов и др.

Интересен был и доклад Т. Л. Кандаки (КНТТ), в котором говорилось о важных теоретических аспектах работы по упорядочению научно-технической терминологии: вопросе о соотношении «системы понятий», «терминологии» и «системы действительных значений», проблеме сравнительного изучения «естественно сложившихся терминологий» и «терминологий упорядоченных», принципах для оценки терминов и критериях при их отборе.

В центре внимания конференции были доклады по собственно лингвистическим проблемам научно-технической терминологии, прочитанные ленинградскими языковедами Е. Н. Толикиной («Лингвистические аспекты изучения термина») и Л. Л. Кутиной («Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем»). Наиболее дискуссионной, а потому и самой интересной оказалась проблема соотношения терминологии и общелитературного языка (или даже шире — общенационального языка). По мнению Е. Н. Толикиной, термины органически входят в общезыковую лексическую систему. Между терминологическими системами и общеупотребительной лексикой существует постоянное двустороннее «взаимодей-

ствие»: слова общего языка проникают в терминологию, а термины пополняют словарный состав языка.

А как происходит процесс образования научных терминологических систем? Этому был посвящен доклад Л. Л. Кутиной. Становясь термином, слово общего языка получает новую функцию, оно вступает в сферу новых связей, регулируемых соотношением понятий в системе данной науки. Однако на первых порах слово сохраняет связь с общелитературным языком. Постепенно связь эта утрачивается, и слово становится «полноправным» термином.

Терминологические системы постоянно получают импульсы из общего языка и от этого нередко теряют свою чистоту и строгость. Поэтому, заключает Л. Л. Кутина, можно утверждать, что основные семасиологические характеристики терминов (моносемия, отсутствие синонимии и др.) существуют как ведущая тенденция и никогда не реализуются полностью.

Результаты работ конференции представляют несомненный интерес как в теоретическом, так и в практическом плане.

Материалы Ленинградской конференции будут опубликованы.

Кандидат филологических наук
В. П. ДАНИЛЕНКО

**В следующем номере
«РУССКОЙ РЕЧИ»
читайте статьи о языке и стиле
Шаустовского и Тендрякова**

СТАРИННЫЙ РУССКИЙ КАЛЕНДАРЬ

СЕНТЯБРЬ

В римском календаре сентябрь был седьмым месяцем, так как у римлян год начинался с марта. Латинское название *september* образовано от числительного *septem* 'семь'. Этот месяц был седьмым и на Руси до середины XIV века, до того времени, когда празднование Нового года было перенесено с марта на сентябрь. Сентябрьский Новый год продолжали отмечать вплоть до реформ Петра I (1 января лишь с 1700 года). В древнерусском летосчислении различают годы мартовские и сентябрьские, отсюда иногда несоответствие на один год в летописных датировках: одни летописи придерживались мартовских, другие — сентябрьских годов. В русский язык название *сентябрь* попало через посредство греческого *σ·επ·τήμ·βριος* и встречалось в памятниках письменности в различных орфографических вариантах: септябрь, септябрь, себтябрь, септямбрь, септеврии, септемврии, септемьвръ, септябрь, сьмтябрь и т. п. Современная форма *сентябрь* встречается лишь с XIV века.

При заимствовании греческого *σ·επ·τήμ·βριος* славяне в соответствии с действовавшими тогда в их языке звуковыми законами превратили сочетание *ep* перед согласным *β* в носовый гласный *e*, впоследствии перешедший в чистый (не носовой) звук [а], перед которым согласный был мягкий (такой гласный *a* в древнерусском языке обозначался буквами *ѧ, ꙗ, ю, а* в современном русском языке передается буквой *я*). Так возникла форма *септябрь*, но под влиянием греческого написания в русском заимствовании было восстановлено написание согласного *m*: септямбрь. Очень часто, однако, в русских памятниках этот согласный писался над строкой: *сеп^mтябрь*, из такого сокращенного написания родилось неправильное чтение *семтябрь*, которое закрепилось даже на письме. Группа согласных *мпг* подверглась упрощению: непризносимый согласный *n* перестали писать, а в сочетании *мг* губной согласный *m* превратился в переднеязычный и зубной согласный *n*. Итак, *семтябрь* — *септябрь* — *септябрь*. Такое объяснение истории слова *сентябрь* в русском языке предложил академик А. И. Соболевский в «Лекциях по истории русского языка» (М., 1907); он считал неверным другое объяснение, согласно которому *n* в данном слове образовалось из *m* вследствие ошибочного прочтения. Возможно, что в изменении *m* в *n* какую-то роль сыграло и звуковое сближение со словом *осень*.

Четвероевангелие 1144 года сохранило древнерусское дохристианское название сентября: «Мѣць сьмтябрь, рекомыи рюень» («Месяц сентябрь, называемый рюень»). Из других памятников известно написание *рюинъ*; в Толковом словаре В. И. Даля это слово приводится в двух формах *рюень* и *рюень*; в сербскохорватском *рујан*, а рождественное чешское říjen относится к октябрю. В. И. Даль связывал это наименование сентября с глаголом *реветь*, который в древнерусском языке также имел формы *рюти* и *рути*. Такое объяснение тем более правдоподобно, что известно также народное название сентября *ревун* (от глагола *реветь*).

По этому же признаку и август получил свое старое название — *зарев*. Ср. чешское *zaří* 'сентябрь'. В Словаре В. И. Даля отмечается диалектное архангельское и олонечкое наименование августа *рѣв* 'пора течки скота, август месяц', которое помогает обнаружить внутреннюю форму слова *рюень*.

Возможно, тот же образ присутствует в другом старинном русском названии сентября — *вресень*. Именно оно приводится в «Словаре на шести языках, изданном в пользу учащегося российского юношества» Г. А. Полетики (СПб., 1763). Наименование *вресень* или *врѣсень* обнаруживает явные следы церковнославянского языка: неполногласное сочетание *-ре-*, соответствующее исконно русскому *-ере-*. (Подобное же соотношение в словах *среда* — *среда*, *брег* — *берег*, *древо* — *дерево* и т. п.). Коренной древнерусский облик это название сохранило в украинском языке, где *вѣресень* до сих пор обозначает 'сентябрь'. То же значение имеют белорусское *вѣрасень* и польское *wrzesień*. Можно думать, что наименование месяца образовалось от слов *вереск* (или *верезг*) и *верещать* (или *верезжать*), которые обозначают сильный крик, шум, плач и т. п.

Есть, однако, и другое объяснение: предполагают, что существительное *вресень* — *вересень* образовано от общеславянского названия медоносного растения, которое по-русски звучит *верес* или *вѣреск*. Мед, добытый пчелами из этого растения, ценился особенно высоко, а цветет *верес* — *вереск* в конце лета, особенно в сентябре. От названия этого же растения происходят старинные литовское и латышское наименования сентября (см. об этом: М. Кочерган. З історії українських назв місяців.— «Мовознавство», 1967, № 1). Кстати, именно древние пчеловоды дали южно названия *липец*, *липень*, известные всем славянам еще шире, чем *вресень* — *вересень*.

Для начала сентября в русском языке известно название *бабье лето*. Для украинского же языка словосочетание *бабське* (*бабине*) *літо* когда-то было в ходу как обозначение сентября (в западноукраинских календарях).

Откуда возникло такое странное название, относящееся, строго говоря, уже к началу осени? В августе заканчивалось *лето*, а с ним и основные полевые работы, но для женщин-крестьянок начинались их многочисленные домашние хлопоты, связанные с окончанием работ в поле. На начало сентября, кроме того, падал и так называемый *Бабий праздник* — Рождество Богородицы (8 сентября). Настоящее похолодание наступало обычно также несколько позже; начало сентября было продолжением теплой поры года — лета. Итак, *бабьим летом* называлась пора, средняя между летом и осенью.

В теплые дни сентября по воздуху летает особенно много паутины — летяги, тенетника, летучего паутинника. Эта паутина тоже получила название *бабье лето*, возможно, под влиянием случайного созвучия глагола *летать* и существительного *лето*. Сейчас старое народное выражение *бабье лето* утратило первоначальный смысл и стало употребляться как синоним выражения *золотая осень*. Для бабьего лета известен также синоним *марфино лето*.

С наступлением небольшого похолодания, осенних утреников исчезают мухи, отсюда шутовское название сентября — *мушинные похороны* (оно приводится Далем под словом *осень*).

Известно также старое народное название сентября — *осенины*. Именно в этом месяце погода начинает хмуриться. В связи с этим весьма уместно вспомнить каламбур Пушкина об императоре Августе, который «смотрит сентябрем».

ОКТАБРЬ

Будучи восьмым месяцем в римском календаре, октябрь получил латинское название *october* от числительного *octo* 'восемь' по-гречески *ὀκτώβλιος*. В древнерусском языке это название имело очень неустойчивое оформление: *октоврий* (с изменением сочетания *кт* в *хт*, подобно тому, как для местоимения *кто* известно нелитературное произношение *хто*), *октовриц*, *октоврь*, *октомьриц*, *октомьбрь*, *октомврий*, *октяврь*, *октябрь*, *октямьбрь*, *октябрь*. Лишь формы *октоврь* и *октоврий* соответствовали греческой, в остальных же формах происходило изменение под влиянием названий *сентябрь*, *ноябрь* и *декабрь*, которые оканчивались на элемент *-абрь* (*-ябрь*). Действительно, названия четырех последних месяцев (по Словарю В. И. Даля — сентябрьская треть года) имеет одинаковый исход основы *-абрь* (*-ябрь*). Этот конечный элемент оду-

пался как своеобразный суффикс, образующий названия месяцев. С его помощью было образовано название фантастического месяца *мартобря* в «Записках сумасшедшего» Н. В. Гоголя. От Гоголя выражение *в мартобре* вошло и в Словарь В. И. Даля для обозначения небывалого и несбыточного. По этому же образцу поэт Андрей Вознесенский создал свой неологизм *осенебри* (т. е. *осенябри*) от слова *осень*. Эти существительные не употребляются в форме именительного падежа единственного числа и воспринимаются как сложные слова, в которых последний элемент присоединяется с помощью соединительных гласных, обычных для сложных слов.

По Четвероевангелию 1144 года, старым названием октября было *листопад*, для которого В. И. Даль приводит значение всех трех осенних месяцев: 'сентябрь', 'октябрь', 'ноябрь', отмечая, что ноябрю это наименование было дано на юге, где листопад, или листомыт, наступает позже. Сентябрь же называли листопадом на севере России. Интересно слово женского рода *листопадъ*, которым называл осень вообще. Слово *листопад* встречается в сербскохорватском языке как название октября, а в языках украинском, белорусском, польском и чешском — как наименование ноября. Как название ноября оно упомянуто и в «Словаре на шести языках», а для октября здесь приводится старинное слово *паздерник*, которое когда-то было известно украинскому языку и до сих пор сохранилось в польском *październik*. Образовано оно от слова *pázdę*, *pázdęrie* 'костра, кострика — жесткая кожа и деревянистые волокна льна и конопля, остающиеся как отброс после их трепания и чесания'. От слова *кострика* образовано и современное белорусское название октября — *кастрычнік*. Именно в это время шла обработка льна и конопля в старинном крестьянском быту. Осмысление наименования как 'месяц, сдирающий листву' возникло позже, когда слово *pázdę* вышло из употребления. Название октябрьского ветра *pázdęrník* также было переосмысленно, как можно судить по толкованию В. И. Даля: 'холодный, северный ветер, пазирающий, оголяющий деревья'; 'ветер северо-восточный, особенно осенний, самый холодный' (последнее значение в архангельских говорах). В. И. Даль отмечает старинное название октября *грудень*, которое в других источниках встречается со значением 'ноябрь' или 'декабрь'.

В Тульской и Орловской губерниях употреблялся также народный термин *грязник* 'октябрь'. Известны старинные пословицы: «Грязник ни колеса, ни полоза не любит»; «Мни и топчи льны с половины грязника» (ср.: *паздерник*). Октябрьские заморозки, а также первый снег, покрывающий землю, дали октябрю имя *засимье*. В октябре, по окончании важнейших сельскохозяйственных работ, начинались сельские свадьбы после праздника Покрова, поэтому этот месяц именовался также *свадебником*, или просто *свадьбами*. Интересно, что название религиозного праздника Покрова, отмечавшегося в начале октября, было осмыслено как явление природное: «Покров землю покроет (где листом, где снежком)».

25 октября (по новому стилю 7 ноября) 1917 года произошло явление всемирно-исторического значения — Великая Октябрьская социалистическая революция, или просто — Октябрь. Благодаря этому возникло новое значение: *Октябрь* 'начало новой эры в истории человечества'. Оно появилось во всех языках земного шара, а в некоторые языки для его выражения было заимствовано из русского языка само слово *Октябрь*. Например, в монгольском языке для названия октября месяца используется старое словосочетание *аравдугаар сар*, которое буквально значит 'десятый месяц'. Правда, наряду с ним употребляется и заимствованное из русского языка *октябрь*. Но для обозначения Октябрьской революции монголы пользуются словосочетанием *Октябрийн хувьсгал*.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ

Положительный герой, положительное предложение... Достаточно сопоставить эти два словосочетания, чтобы стали заметны различия в значении слова *положительный*. Положительный герой литературного произведения, как и положительный герой в жизни,— это человек, характер и поступки которого заслуживают одобрения. В данном случае слово *положительный* имеет оценку качества, свойства кого- или чего-либо.

Положительные предложения (или, допустим, положительные доказательства) не передают оценки явления. Положительными мы называем такие доказательства, которые основаны на опыте, точных, убедительных данных. Это же относится и к положительным предложениям. Они содержат что-либо утвердительное, конструктивное,двигающее проблему вперед.

Конечно, употребление слова *положительный* в современной речи гораздо разнообразнее и не исчерпывается приведенными случаями (см. полный очерк значений слова в четырехтомном академическом «Словаре русского языка»). Однако и эти примеры весьма показательны. Именно они показывают основной семантический «водораздел» в слове. С одной стороны — обозначение благоприятного исхода: получить положительный ответ на просьбу, положительная оценка работы, положительные условия жизни, положительная сторона дела; с другой — утверждение, констатация, представление чего-либо: внести, выдвинуть положительные предложения (помогающие решить вопрос, конструктивные предложения); представить положительные доказательства существования чего-либо (явные, очевидные, подтвержденные точными данными доказательства). Сюда же относятся устаревшие сейчас выражения типа: положительное право, положительные законы, положительная философия.

Слово *положительный* представляет собой оригинальное образование в русском языке; достаточно сказать, что в других славянских языках ему соответствуют заимствования от латинского *positivus*. Возникло оно еще в начале XVIII века, в пору растущей продуктивности суффикса *-тельн-*, на основе русского глагола *положить*. Этот распространенный глагол мог иметь значения: конкретно-пространственное ‘поместить, положить’ и отвлеченное ‘поставить, установить’. За словом *положительный* почти сразу же закрепляется второе значение — ‘установленный, введенный’. Для формирования первоначальных семантических свойств слова в XVIII — начале XIX века немаловажной была соотнесенность его с латинским прилагательным *positivus*, а затем и французским *positif*. Некоторые значения слова *положительный*, сложившиеся в этот период, совпадают со значениями указанных иноязычных

слов и несут следы живого параллелизма в развитии языков.

Именно в это время возникают такие характерные для слова *положительный* выражения, как *положительная степень* (в дальнейшем *положительная степень*); погулярные в литературе XVIII века термины *положительный закон*, *положительное право* — как установления, введенные людьми, в противоположность *естественному закону*, *праву*, данным как бы от природы. Например, в очерке А. Н. Радищева «Опыт о законодательстве» находим: «Закон положительный не истребляет, не долженствует истреблять... закон естественного».

До середины XIX века складываются и другие употребительные сейчас сочетания: для обозначения научных понятий (положительное, отрицательное электричество), а также благоприятного ответа, отзыва. В «Толковом словаре» В. И. Даля последнее значение определено как «...изъявляющий согласие, ответ «да»». Вместе с тем, начиная с середины прошлого столетия и вплоть до настоящего времени, в слове происходят изменения, приводящие подчас к ощутимым переменам в содержании отдельных сочетаний и их употребительности.

Общей тенденцией в развитии слова за последнее столетие можно считать постепенное увеличение благоприятного, «плюсового» момента в его семантике. На разных этапах это принимало разные формы. Например, во второй половине прошлого века распространяющееся «плюсовое» значение сталкивалось с прежним «определенный, решительный, ясный» (сохранившимся и сейчас, но в сокращенном и отчасти преобразованном виде — ср. сочетания *при положительном исходе*

здесь воды и положительное невезение). Поэтому такие сочетания, как *положительный ответ*, оказывались в известный период двусмысленными (Даль, например, дает два значения: «определятельный и ясный» и «изъявляющий согласие»). Сейчас в связи с редукцией старого значения такого двойного осмысления уже нет, и приведенное сочетание имеет, безусловно, лишь одно значение «благоприятный» (ответ).

Отходит в прошлое и употребление слова в сочетаниях, обозначающих научные понятия, свойства и качества, связанные с утверждением, определенностью чего-либо и т. д. Это, в частности, привело к устареванию в наше время таких названий, как: *положительный закон*, *положительное право*, *положительная философия* (ср. позднее *позитивная философия*, *позитивизм*), *положительные знания* и т. д.

Положительный было вытеснено из многих таких контекстов другими словами, например: *точный*, *естественный*, *фактический* (ср. *положительные науки и точные науки* о таких отраслях знания, как математика, физика).

Здесь снова возникает смысловая двуплановость. Во многих случаях «плюсовое» осмысление, вторгаясь в структуру слов с «утвердительным», «доказательным» значением, обуславливает возможность двойного их понимания. *Положительные доказательства* — это, конечно, факты, точные аргументы в пользу чего-либо, но вместе с тем это и «хорошие, благоприятные доказательства»; то же самое можно сказать и о *положительных результатах*. Сочетание *положительный человек* в силу тех же обстоятельств означа-

ет теперь не только 'основательный', но и все больше 'хороший человек'.

Однако наиболее заметную черту в развитии слова *положительный* за последние десятилетия составляет своеобразное переплетение в нем разных смысловых оттенков, что приводит по существу к образованию нового значения. Речь идет о соединении свойственного слову еще с XVIII века значения 'утверждающий, конструктивный' и указанного выше «плюсового» осмысления. Появляются многочисленные случаи типа *положительные действия, играть положительную роль*: «...Все больше людей осознают положительную роль, которую играет Советский Союз на международной арене» (из газет). Можно сказать, что эта роль положительна и в том, что она действенна, конструктивна, благоприятна для дела. Таких примеров становится все больше. Прежнее «утверждающее» значение слова при этом углубляется, сближаясь по смыслу с такими современными понятиями, как *конструктивный, позитивный* и др. Например: «...Действия считались бы конкретным и положительным доказательством ис-

кренного стремления к миру» (из газет).

Параллелизм со словом *позитивный*, употребление которого в периодической печати за последнее время расширилось, играет здесь особую роль. Пока он имеет контекстуальный характер, т. е. слова *положительный* и *позитивный* совпадают не всегда, а лишь в отдельных сочетаниях и контекстах: «...Сыграть позитивную роль в решении ряда проблем» (из газет) (ср. выше аналогичный пример с *положительный*). В слове *позитивный* резко представлен конструктивный момент. Поэтому в некоторых газетно-книжных контекстах, где именно этот оттенок слова выступает на первый план, *позитивный* предпочтительнее (ср.: полоса позитивного сотрудничества), но и в нем заметен «плюсовой» момент, который усиливается, возможно, в результате параллелизма со словом *положительный*. См. контексты, где оба слова употреблены в сходных ситуациях: «...Встречи были полезными и позитивными с точки зрения улучшения культурных отношений»; «Положительная, или позитивная, сторона этой истории».

ЛУННЫЙ «КРИЗИС»

«Влияет ли луна на жизнь человека?» — вопрос, достойный себодородного астролога. Однако сейчас мы меньше всего хотели бы воскрешать домыслы звездочетов. И если приходится о них вспоминать, то лишь потому, что это тесно связано с

происхождением и первичным значением слова *кризис*.

Оно восходит к греческому и латинскому — *κρίσις*, *crisis*, которые означали 'решение, решающий поворот в деле' и употреблялись преимущественно в судопроизводстве. В средние века, помимо общего значения резкой перемены в чем-либо, слово утвердилось в европейских языках и использовалось главным образом астрологами в смысле 'перемена (к лучшему или худшему)

в течении болезни под влиянием луны». Отзвуки этого значения сохранились в языках (например, во французском и английском) вплоть до XVII века.

Первое употребление слова в русском языке отражает эти (правда, даже к тому времени уже устарелые) верования о воздействии на земных жителей нашего естественного спутника. В научно-популярном произведении французского писателя и ученого Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» (1686) один из персонажей в шутку спрашивает: «Если, как полагают, луна и ее воображаемые жители влияют на состояние нашего здоровья, то, может быть, и мы, обитатели земли, способны оказывать обратное воздействие на луну?». Писатель Антиох Кантемир, переводя в 1740 году указанное сочинение на русский язык, передал это место так: «Мы можем претендовать, чтоб посылать луне инфлуэнции и давать кризис тамошним больным». Он же сопровождает слово *кризис* (*кризис* в первоначальном написании) примечанием, определив его исходное и наиболее распространенное в дальнейшем значение: «Слово греческое, собственно 'суд', но у докторов значит внезапную премену болезни».

Правда, следует сказать, что в истории русской литературы этот пример из переводного произведения почти единственный, где слово выступает в значении, столь распространенном в предшествующие века в других языках. В русском слово *кризис* с самого начала (т. е. со второй половины XVIII века) получает общее значение, сохранившееся и сейчас, — 'резкая, решаю-

щая перемена в чем-либо'. Так оно употребляется в письмах писателя Д. И. Фоявизина; А. В. Храповицкий, личный секретарь Екатерины II, записывал в дневнике в 1789 году о тогдашнем международном положении: «Теперь мы в кризисе: или мир, или тройная война»; в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина находим: «Любовь есть кризис, решительная мипута жизни, с трепетом ожидаемая сердцем».

Одновременно слово сохраняет значение 'перелом в течении болезни' (конечно, уже без былых астрологических поверий). В первой половине XIX века это значение расширяется. Слово *кризис* получает способность обозначать переломы в экономической и политической жизни общества. В 30-е годы XIX века в журналистике находим уже такие свойственные языку нового времени сочетания, как: коммерческие кризисы, кризисы в книжной торговле, литература в состоянии кризиса.

Тогда же происходит смысловое сближение слова *кризис* со словом *перелом*, частичная соотносительность этих слов сохраняется и в дальнейшем вплоть до наших дней (ср. сейчас: перелом в болезни, перелом в делах). А с середины XIX века становятся обычными такие вполне современные сочетания: общественный (социальный) кризис, политический кризис, экономический кризис и др. Конечно, они не связаны с прежними лунными «кризисами», о которых нам напоминают лишь редкие примеры из старых книг.

Кандидат филологических наук
В. В. ВЕСЕЛИТСКИЙ

• легенды о цветах • легенды о цветах •

«Ну что ж, с умным человеком и помолчать приятно. Оба попыхивают трубочками и смотрят в огонь.

Но вот Жданов что-то бормочет себе в усы.

— Ась? — переспрашивает старик.

— Я говорю, — бурчит Жданов, не подымая головы и поглядывая в пол, — ты не знаешь ли, какие цветы есть на земле?

— Цветы?

— Цветы.

— Это к чему же цветы? — недоумевает дядя Терень.

— Так. Любопытство.

— Цветы! — усмехается дядя Терень.

— Ишь ты, цветы... Мил человек, да я ведь тринадцать лет ни единого цвета не видел.

— Вот и я — хоть и видел, а ни к чему было, и я не упомянул.

— Цветы, — крутит головой дядя

общеупотребительное, для фиалки трехцветной общеупотребительным стало название анютины глазки, иваном-да-марьей это растение называют только жители южных и западных районов нашей страны.

Семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» описывает иван-да-марью как «однолетнее растение с двойной окраской соцветий: желтые цветки выделяются на фоне фиолетово-синих лепестков». Эта цветовая двойственность послужила поводом для различных поэтических ассоциаций. М. Пришвин пишет: «Наклоняюсь к голубому цветку и с удивлением узнаю в нем Ивана: это один Иван остался от прежнего двойного цветка, всем известного ивана-да-марья. По правде говоря, Иван не настоящий цветок. Он сложен из очень

Иван-да-марья

Терень, а сам спешно соображает: „Зачем это Жданову понадобились цветы? Не зря спрошено, не таков человек“. Цветы, — говорит он меж тем, — цветы всякие есть. Вот есть цветок роза. Так и звание у нее — королева цветов. Еще фиалка, иван-да-марья тоже есть. Это наш цветок, деревенский». Так вспоминают цветы два сильных, мужественных человека, проживших нелегкую жизнь, охотник Жданов и дядя Терень в рассказе Бориса Горбатова «Большая вода».

Название цветка иван-да-марья встречается везде, где говорят по-русски. Оно относится обычно к двум растениям: марьянику дубравному и фиалке трехцветной, или анютиным глазкам. По-латински эти растения называются: *melantrichium nemorosum* и *viola tricolor*. За марьяником дубравным название иван-да-марья закрепилось как

мелких кудрявых листиков, и только цвет его фиолетовый, за это его и называют цветком. Настоящий цветок с пестиками и тычинками — только желтая Марья. Это от Марьи упали на эту осеннюю землю семена, чтобы в новом году опять покрыть землю Иванами и Марьями... Провожая глазами голубой цветок поздней осени, я говорю потихоньку: Иван, Иван, где теперь твоя Марья?» (М. Пришвин. Календарь природы. Осень).

Этот мотив звучит в народных легендах, которые рассказывают, что иван-да-марья — это превратившиеся в цветок брат и сестра, которые, не зная о своем родстве, полюбили друг друга.

Исследователь украинского песенного творчества Н. И. Костомаров приводит такую легенду.

В городе на рынке казаки гуляли, на хозяйку молодую покрикивали,

• легенды о цветах • легенды о цветах •

чтобы она паливала им меду-вина. Не хотела хозяйка с ними разговаривать: бедными они ей показались. И говорит один из казаков: «Хоть на мне изорванный жупан, да у меня целый кувшин денег». «О! — оживилась хозяйка. — Если у тебя денег кувшин, я за тебя отдам девицу, а девицу не какую-нибудь, работницу, приличную барышню. Как она заговорит, словно в колокола зазвонит, а как она засмеется, словно Дунай разольется...».

Понравилась молодая работница казаку. Обвенчались они. Вот и стал муж у молодой жены спрашивать, какого она рода. «Я из Киева, Войтенкова, а по батюшке Ивановна». И помрачнел муж: «Какой теперь свет настал, что брат сестры не узнал! И я из Киева, Войтенков, по батюшке Иванович... Пойдем, сестра, по лугам, развеемся цветами. Ты будешь желтый цвет, а я буду синий. Будут люди цветы рвать — нас с тобою вспоминать» (Н. И. Костомаров. Историческое значение южнорусского песенного творчества. — «Беседа», 1872, № 6).

Такие же легенды известны и в других областях России. На Смоленщине рассказывают о брате и сестре, которые были сиротами, росли в разных домах. Когда они встретились, полюбили друг друга. Но обвенчаться не смогли, в церкви им объявили, что они брат и сестра. В. Скороход сообщает другую легенду, по которой брат и сестра, Иван и Марья, поссорились. Ссора перешла в драку. Брат одолел сестру и задушил ее. Увидев посиневшую от удущья сестру, брат пожелтел от ужаса и горя и тут же умер. На этом месте и вырос цветок иван-да-марья («Вестник знания», 1936, № 7).

Конечно, эти легенды не объясняют, как произошло название

цветка, однако, как говорил о мифах Аристотель, «хотя они всего-навсего живые рассказы, но благодаря им узнаешь истину». Это полностью относится и к легендам, которые указывают на связь названия цветка с именами Иван и Марья. «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского тоже указывает на связь названия иван-да-марья с именем Иван. Возможно, что происхождение этого названия связано с исчезнувшими древними обрядами. Изучая поэтические воззрения славян на природу, А. Н. Афанасьев, собиратель и исследователь русского фольклора, высказал предположение, что название иван-да-марья идет от древнейшего предания о боте-громовнике и деве-громовнице, которых в христианскую эпоху заменили Иоанн креститель и дева Мария (А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1—3. М., 1865—1869).

Н. И. Анненков, автор известных работ по народным названиям растений, пишет, что никто уже не помнит об обычае олицетворять Купало, но пара купальских олицетворенных существ (Иван и Купала, Иван и Марья) дала начало названиям растений (Н. И. Анненков. Ботанический словарь. М., 1878).

К сожалению, славянская мифология, и русская в частности, изучена недостаточно. Многие легенды неизвестны, многие уже забыты, так как изменился взгляд на природу. Языковые исследования в мифологии важны: они помогают установить связь того или иного слова с историческими условиями его возникновения.

М. К. ШАРАШОВА,
аспирантка МГПИ им. В. И. Ленина

~~~~~

**В следующем номере читайте
статью профессора А. А. Реформатского
«О речи в устах артиста»**

ФОЛКНИК

Крикуны, шептуны, дерзунчики, битлазы или битлы — это все представители так называемой ритмической музыки. Наиболее популярные крикуны получают наименование — *идол*, а их почитателей называют *идолопоклонниками*: «...Мы рассказали о новых музыкальных идолах современной молодежи буржуазных стран — крикунах» («Советская культура», 25 января 1964); «Газеты вновь помещают фото Джонни Холлидея — французского орущего идола № 1... Джонни вместе с идолопоклонниками устроил кулачную расправу...» («Советская культура», 30 января 1964).

Но обратимся к другому названию крикунов — *поп-певцы* и *поп-сингеры*. *Поп* — сокращенно *популярный* (англ. *pop* — от *popular* 'народный, общедоступный, популярный' восходит к латинскому *popularis* 'народный'). Можно подумать, что значение *поп-певец* эквивалентно *народный певец*. Между тем это не так. *Поп* входит в сочетании со многими словами: *поп-певец* (*поп-сингер*), *поп-искусство* (*поп-арт*), *поп-музыка*, *поп-культура* — и имеет значение 'массовый, общедоступный'. Так, английский писатель Б. Пристли пишет: «Те нормы и вкусы, которые молодежь, быть может, выносит из школ и колледжей, не выдерживают натиска „массового искусства“... Поп-певцы оказываются интереснее серьезных музыкантов...» («Литературная газета», 10 августа 1965).

Бессодержательность и пустота поп-искусства вызывает у некоторых критиков весьма любопытные ассоциации: «Не думайте, однако, что словечко *поп* происходит от слова *популярный*. В Соединенных Штатах едят *поп-корм* — жареную кукурузу, теперь появилось *поп-арт* — жареное искусство

ПРОТИВ

ИДОЛА

ство», — пишет американский критик Дор Эштон («Правда», 24 февраля 1963).

Поставить в один ряд *pop-art* и *pop-corn* — это значит действительно подчеркнуть пустоту и недолговечность произведений нового искусства. Но, конечно, такое «объединение» произвольно и основано на явлении омофонии (созвучия). *Pop* в *pop-corn* — звукоподражание: короткий взрывной звук *pop* (*pop*) возникает, когда жарят кукурузу и зерна ее лопаются от жара.

Но есть и несколько иная этимология: «Термин „поп-арт“ был изобретен хранителем музея Гутенгейма критиком Лоуренсом Элоузем в 1956 году. Поводом для этого послужила картина одного американского художника, который вывел на своем полотне слово „поп“. Что это означает — трудно сказать. В обыденной речи „поп“ — это массовая, дешевая продукция, несущая за себе печать штампа, вульгарности. Таким образом, термин „поп-арт“ означал в сокращенном виде „популярное искусство“. Но прямых указаний на это нет...» («Коммунист», 1966, № 12).

И все же *pop* воспринимается как сокращение прилагательного *popularный* (массовый). В современных языках развивается интернациональная тенденция сокращения слов, как бы конденсация значения целого в части. Это относится и к созданию новой терминологии в искусстве: «Вслед за абстракционизмом — сейчас меткие на язык западные журналисты именуют его „аб-искусством“ — появилось „популярное искусство“, иными словами „поп-арт“, за ним возникло „оп- (оптическое) искусство“ и т. д. и т. п.» («Советская культура», 16 декабря 1965).

Pop — не только живопись, музыка, искусство, *pop* — это уже особая культура. В газете «Советская культура» (23 июня 1966) была опубликована статья американского писателя Стэна Стайнера «В универмаге поп-культуры». Журнал «Коммунист», цитируя «Newsweek» (от 25 апреля 1966) писал: «...В настоящее время от 10 до 15 процентов всех модных изделий относятся к поп, а в одежде для молодежи

стиль намеренной вульгарности господствует».

Все больше и больше возникает сочетаний с определительной частью *pop*: «В поп-искусстве вслед за поп-культурой и поп-живописью появилась поп-музыка. Затем логически должна была появиться и поп-литература... И, действительно, поп-литература, вернее поп-книга, появилась. Единение слова и предмета — „гвоздь“ всякой поп-книги. К страницам книг прикрепляются женские заколки, билеты метрополитена и т. д.» («Советская культура», 16 декабря 1965).

Все новые и новые сочетания с *pop* закрепляют значение этого усеченного слова: *pop* «массовый, вульгарный, сверхмодный, нарочито простой или упрощенный». В русском языке словечко *pop* как бы раскрывает специфику определяемого: искусства, музыки, книги — слов, значение которых с общепринятой точки зрения искажается. Ср.: «...Антиискусство или поп-арт, состоящее главным образом в демонстрации реальных вещей...» («Литературная газета», 8 октября 1966).

В нашей печати появляются сочетания *pop-singer* и *pop-art*, в которых остаются непередаваемыми *singer* (*singer*) и *art* (*art*), слова, имеющие вполне эквивалентные русские параллели: *singer* «певец», *art* «искусство». Но в сочетаниях с *pop-* (*pop-*) они приобретают особый оттенок: их оказалось целесообразнее оставлять непередаваемыми в тех случаях, когда требуется особо подчеркнуть необычность употребления старых слов *певец, искусство*: «Катящиеся камни» или «Грохочущие булыжники» («Роллинг стоунс» — англ. *rolling stones*) — «так называют в Англии ультрамодные ансамбли длинноволосых, бородастых эстрадных певцов — поп-сингеров... Бесноватых любителей поп-музыки обычно утихомиривает полиция... По слухам, владелец „Одеона“ решил на следующее выступление поп-сингеров пригласить для охраны боксеров» («Огонек», 1966, № 26); «Два года назад жюри впервые отмечало произведения поп-арта — „популярного искусства“ (нового течения, которое ничего не изображает и ничего не создает...)»

(«Правда», 8 августа 1966). Дифференцирующие признаки в значении слов закрепляются пояснительным комментарием: *pop-singer* 'ультрамодный эстрадный певец', *pop-art* 'массовое искусство, которое ничего не изображает и ничего не создает'.

Сравнительно недавно у *pop-singers* появилась оппозиция — народная песня и народные певцы. Почему же растет популярность этого нового направления? «Людьми надоели бессмысленные выкрики рок-н-ролла, — говорит один из рыцарей народной песни Питер Сигер. — В твистах и медсонах слова не имеют никакого значения, а в народной балладе — главное текст: иногда глубоко философский, иногда лиричный, но всегда мудрый, даже если он шуточный. Люди устали от бессмыслицы...» («Советская культура», 16 апреля 1964). Вот почему движение «за народную песню было подхвачено молодежью Америки, народные певцы — *фолькники* — приобрели огромную популярность...» («Советская культура», 28 октября 1965).

Народная песня возрождается не только в Америке и в Англии: «В последнее время большой популярностью у итальянской публики пользуются *кантасторие* — народные певцы. Они выступают на улицах и площадях городов и местечек, исполняя старые и новые народные песни. Часто *кантасторие* сами пишут тексты и музыку...» («Советская культура», 21 июля 1964).

Обратим внимание на слова *фолькник* и *кантасторие*. По своему значению — 'народные певцы' — они противостоят *pop-певцам*, *крикунам* и т. п. *Кантасторие* означает буквально 'поет истории' (*canta + storie*), т. е. на первое место выдвигается содержание песни. Прежде так называли певцов-рассказчиков, перешедших из города в город, из селения в селение.

Фолькник (*folknik*) — новое образование в английском языке. С одной стороны, оно связано с интернациональным словом *фольклор* 'народное искусство', а с другой — с несколько устаревшим в литературном языке *folk* 'народ', но широко бытующим в английской разговорной речи: *folks* 'люди', *old folks*

'старики', *my folks* 'родня', *the old folks at home* 'старики, родители'. Интересна и сама словообразовательная модель слова *фолькник*: основа *folk-* + суффикс *-nik*. В современном английском языке наблюдается оживление образований с суффиксом *-nik* под влиянием заимствованного русского слова *спутник* (*sputnik*). Вспомним аналогичные *папник* (*papnik*) 'спутник со щенком', *битник* (*beatnik*) 'представитель разбитого поколения', *вьетник* (*vietnik*) 'борец за мир против войны во Вьетнаме'. *Фолькник*, возникшее в английском языке, теперь заимствуется русским языком.

Сходные по семантическому типу образования слова *pop-певец* (от *popular* 'народный') и *фолькник* (от *folk* 'народ') на определенном этапе развития не имели ничего общего, так как характеризовали прямо противоположные течения современного искусства.

В дальнейшем слова *pop-певец* и *фолькник* до некоторой степени сближаются. У американской и английской молодежи стал популярен особый вид коллективного пения — *синг-ин* (от английского *sing* 'петь'): «Карнеги-холл. Уже ставший традиционным синг-ин в защиту мира. 6000 слушателей и 60 певцов. Не парад звезд, хотя имена многих известны всей Америке... Часто зал поет вместе с певцом» («Советская культура», 22 декабря 1966).

Синг-ин в этом контекстном значении не заменяется русским эквивалентом *пение*. По-видимому, его целесообразно сохранить для передачи сложных и противоречивых процессов, происходящих в среде зарубежной молодежи.

Распространение *синг-инов* вызывает к жизни однокоренное образование *фольксингер*, синонимичное *фолькник*: «За последние годы в США получило огромное распространение движение так называемых фолькников или фольксингеров — народных певцов, выступающих перед аудиториями самых различных масштабов — от случайной группы слушателей на уличном перекрестке до огромных концертных залов» («Новый мир», 1966, № 12).

Влияние клубов народной песни все возрастает: «Сейчас страсти с поп-музыкой поостыли. И когда облетела мишура рекламной шумихи, то оказалось, что лучшие молодые эстрадные певцы — это хорошие ребята, часто с передовыми взглядами» («Правда», 2 сентября 1966). Радиостанция «Юность» посвятила одну из своих передач (23 октября 1966) *поп-сингеру* Дину Риду — стороннику мира и, действительно, популярному певцу в самом хорошем смысле этого слова.

Так сближаются слова *фольклник* и *поп-сингер*. Это сближение закрепляется и языковыми смещениями: синг-ин — фольксингер (фольклник) и поп-сингер. *Поп* в сочетаниях *поп-певец*, *поп-сингер*, первоначально имевшее в русском языке только одно значение 'массовый' с отрицательным оттенком, теперь оживляет прерывавшуюся этимологическую связь с *популярный* в значении 'народный'.

Отметим еще одно интересное явление в области выбора имени, названия, псевдонима. Поп-певцы, различные крикуны выбирали себе имена всевозможных «зверей» «дикарей», «могильщиков», «катящихся или гремящих камней» и т. п. А вот псевдоним одного из фольклников

Питера Сигера (Джонни Эпплсид-младший) уже вполне осмыслен. *Эпплсид* по-английски 'яблочное семечко'. Так люди называли Джонатана Чемцена, энтузиаста-садовника из Огайо. Он сажал яблони по всей стране. Питер Сигер тоже по всей стране сеет семена любви к народной песне (см.: «Советская культура», 28 октября 1965).

Итак, *поп* развивает частичную многозначность (только в определенных сочетаниях — поп-певец, поп-сингер). Сочетания *поп-арт*, *поп-искусство*, *поп-культура* по-прежнему имеют только одно значение 'массовое искусство, массовая культура'. Но в современной песне *фольклник* побеждает *идола*, захватывая в сферу своего влияния *поп-сингеров*. Так на наших глазах меняется значение слов. Социальные факторы влияют на движение языка: создаются новые слова (фольклник, поп-сингер), переосмыляются уже существующие (идол, поп-сингер), развивается многозначность, оживляются этимологические связи (ср.: *поп* в *поп-арт* и в *поп-сингер*).

А. А. БРАГИНА,
преподаватель МГПИИЯ
им. Мориса Тореза

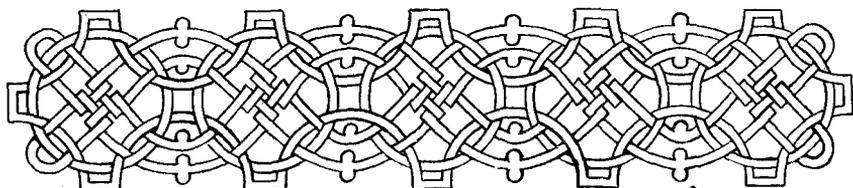

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

Исправьте предложения:

1. Обвинения в мой адрес не были ни на чем обоснованы.
2. Во избежание несчастных случаев необходимо строго придерживаться установленному порядку и правилам техники безопасности.
3. Это незначительное на первый взгляд происшествие повлекло ряд тяжелых последствий.
4. Боль в плече была очень сильной, временами нетерпимой.
5. В отношении к виновникам беспорядка не было принято никаких мер.
6. Общественный распространитель печати просит представить ему слово для информации.

(Ответы см. на стр. 85)

МЫСЛЬ И СЛОВО в ДРЕВНЕЙ РУСИ

«Доброу бесѣдоу другъ къ другу повѣстѣдимъ»

Огласительные поучения Феодора Студита XIV века

На Руси одной из самых древних книг для чтения на досуге был сборник «Пчела» (имелся в виду образ трудолюбивой пчелы, собирающей нектар с разных цветов и делающей из него мед). «Пчела» должна была нести уладу душе читателя.

Сборник был создан в XII веке. Существовало, видимо, несколько его рукописных копий-списков, из которых до наших дней сохранился список, сделанный в конце XIV века.

Читатели второй половины XX века, особенно любители слова, найдут в подборке из «Пчелы» много интересного и «насладут свой ум доброю беседою», как сказали бы в те времена. Те, кто специально заинтересуется «Пчелой», могут обратиться к изданию этого сборника, вышедшего в XIX веке с параллельным греческим текстом: «Древняя русская Пчела по пергаменному списку». Труд В. Семенова. СПб., 1893.— «Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук», т. 54, № 4.

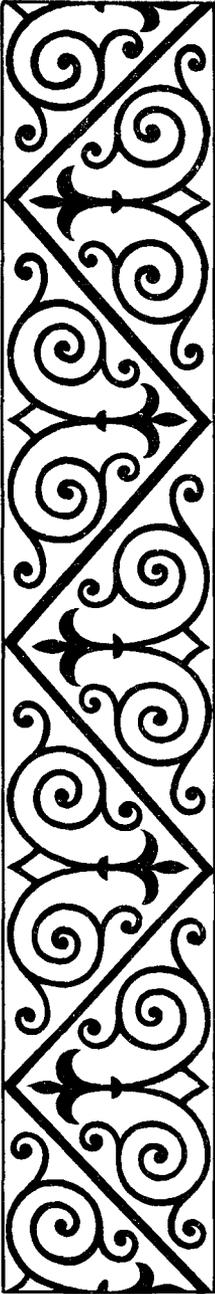
Мудрость, заключенная в слове, в высказываниях мыслителей разных стран и времен, была собрана в «Пчеле» по темам. Жаждающий просвещения мог узнать, что думали разные философы о дружбе, о воспитании, о мудрости, о гневе, о пьянстве, о красоте, о силе воли и т. п. Тем было много, каждая из них имела в сборнике свой заголовок, за которым следовали цитаты с указанием автора. «Пчела» была собрана уже во времена христианства на Руси, поэтому мудрость ее тенденциозна, весьма добродетельна, однако не лишена здравомыслия, наблюдательности, а порой и иронии. Цитаты из произведений греческих, римских, еврейских и других философов были переведены на древнерусский язык.

Мы полностью сохраняем в афоризмах из «Пчелы» строй фразы, лексику и орфографию этого сборника. Но для доказательства всего сказанного об этих древних фразах и для самоконтроля в понимании их читателем мы приводим параллельно перевод, в котором стремимся найти однокоренные слова в современном языке и по возможности сохранить строй фразы.

Читать древние тексты мы советуем не торопясь, вдумчиво, тогда тонкость мысли, простота русского слова, близость языка к современному станут очевидными.

Примерные соответствия для некоторых древнерусских букв в современном алфавите: А, Іа = я; Ѡ = о; ѣ = е; ꙗ = е; Ѹ, оу = у; ~ — знак над сокращенным словом.

З. М. ПЛИСКЕВИЧ, Н. В. ПОДОЛЬСКАЯ.

О МУДРОСТИ

Моудра доума паче многихъ роукъ и моудрыи паче крѣпкаго.

Умная мысль лучше многих рук, а мудрый (человек) лучше сильного.

Моудрость надо всѣми добродѣтелями црѣтвовать.

Мудрость надо всеми добродетелями царствует.

Кажеть побѣда храбраго, а напасть оумнаго.

Выявляет (воинская) победа храброго, а напасть умного.

Всдака напасть легька ьсть моужю не легькооумномуу.

Всякую напасть может преодолеть человек нелегкомысленный.

Всдакое чресь мѣроу пакостно.

Все сверх меры — скверно.

Смѣренъ боуди при славѣ, а при печали моудръ.

Скромнен будь при славе, а при печали — мудр.

О ЖИТЕЙСКОЙ МУДРОСТИ

Се бо ьсть лють и храборъ, аще кто собѣ шдолѣть.

Тот мужествен и храбр, кто может самого себя одолеть (справиться с самим собой).

Пицца не та полезна, таже сладька и многа, но таже къ здравью.

Пицца не та полезна, которая вкусна и обильна, но которая приносит здоровье.

— Кто ьсть добрыи доумца

— Врема.

— Кто добрый советчик?

— Время.

- Что въ семь житии бѣ³ страха исть.
- Свѣсть права.
- Что в этой жизни (земной) не вызываетъ страха?
- Чистая совесть.

Бди оумомъ, сонъ бо оумомъ приближитиса къ истиннѣ смрти.

Всегда думай, так как леность ума равносильна настоящей смерти.

О ДРУЖБЕ

Оуне во тмѣ пребывати, нежели безъ дрѹга. Лучше во тьме пребывать, чем без друга.

Не скоро дроугъ боуди, бывъ же, боуди до коньца.

Не сразу становись другом, но, став им, будь верным до конца.

Не остави дроуга древнаго. новыи бо не будетъ емоу подобень.

Не оставляй друга старого, ибо новый не будетъ ему подобен.

Злато шгнемъ искоушається. а дроугъ житиискыми напастьми.

Золото проверяется огнем, а друг — жизненными невзгодами.

Тѣщивомоу дрѹгоу достоино на веселье званоу прити. а при печали и ноужѣ самозванымъ.

Настоящему другу следует на праздникъ приходить званым, а при печали или нужде — самому (без зова).

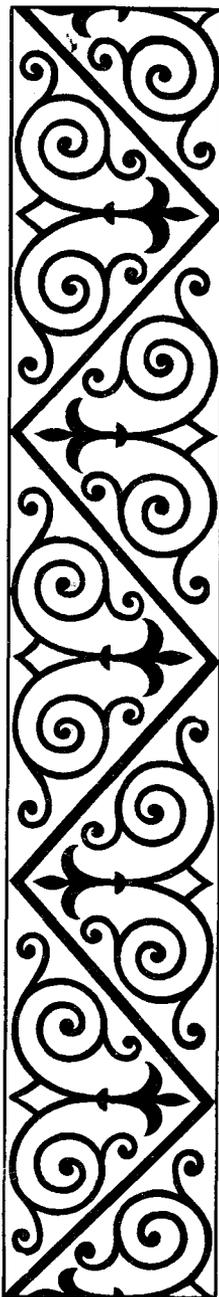
ОБ УЧЕНИИ И ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

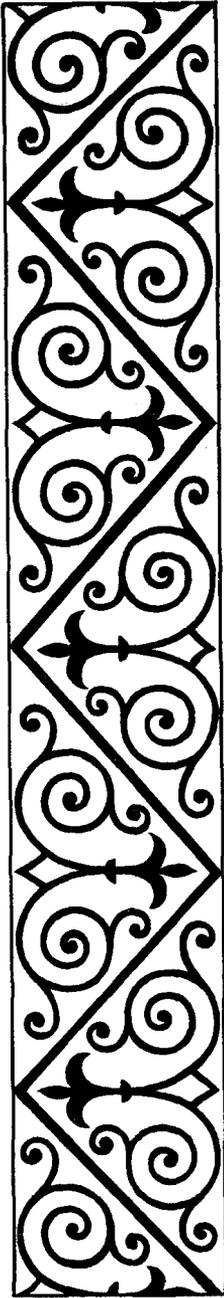
Идѣже дѣтии не наказаютъ цѣломудрію и законнымъ веще⁶, то не шци соуть но дѣтоубици.

Если отцы не учатъ детей скромности (целомудрию) и закономернымъ вещам, то они — не отцы, а губители детей (ихъ разума, духа).

Оуча оучи правомъ, а не словомъ.

Уча, учи (своимъ) поведениемъ, а не словами.

Отче запрѣщенные лоуче ѣсть, нежели ласканье ѿ инѣхъ.
Строгость отца лучше, чемъ любезности от чужихъ.

Какы чѣти принесешы ты къ своимъ родителямъ, такыхъ и ты чаи ѿ своихъ дѣтии на старость.

Какую честь ты окажешь (как ты относишься) своимъ родителямъ, такой жди и от своихъ детей в старости.

О КРАСОТЕ

Не похвали мужа красоты его ради • красота члвчская познается въ возрастомъ сѣдинь.

Не хвали человека за красоту (лица) его, так как красота (духовная) познается с возрастомъ.

О ПРАВДЕ, ИСТИНЕ И ЛЖИ

Иже молчить ѿ истинѣ • подобенъ ѣсть погребящему злато.

Кто скрывает истину, подобенъ закапывающему золото.

Истина ѿдина ѣсть, а лъжа многомыслены.
Истина — одна, а ложь — многолика.

Мужь правдивъ ѣсть не иже не обидитъ, но иже обидѣти мога. то не въсхо- щеть.

Не тот человекъ справедливъ, кто не обидитъ, а тотъ, кто мог бы обидеть, да не захочетъ.

Лъжа исперва вѣрна ѣсть, а вторымъ словомъ ѿбличається.

Ложь может быть принята за правду только сначала, в дальнейшем она всегда очевидна.

ОБ УЧЕНЫХЪ И МУДРЫХЪ

Икоже злато вездѣ чѣтно ѣсть • такоже и мужь наученъ.

Какъ золото везде ценится, так и ученый человекъ.

Дѣлате^а землю магчить • а филосо^ф дшю.
Земледелец землю «мягчит» (возделывает), а философ — душу.

Градомъ стѣны подавають оутверженіе. а дшамъ оумъ оученьемъ оукрасимъ.

Городамъ стѣны придають крепость, а людямъ — умъ, украшенный ученіемъ.

Иже ноудать оучитиса иныхъ • сами же не хотать оучитиса. то подобни соуть кадил-номуу свѣтилнику • оусакивающи^а • а масла не приливающимъ.

Те, что принуждаютъ учиться другихъ, сами же не хотятъ учиться, подобны угасающему свѣтильнику, масломъ не пополняемому.

О ЛЕСТИ

Оуне есть въ враны въпасти, нежели въ ласкавци • они бо мртво тѣло ѣдать, а си живыи дши погоубляють.

Лучше превратиться в ворона, чемъ стать лъстедомъ, такъ какъ вороны мертвое тело едятъ, а эти (лъстецы) — губятъ души (духъ).

Моужъ велеоумныи дерзновение ѿ друога приемлеть, нежели ласкание ѿ врагъ.

Умный человекъ лучше приметъ дерзость отъ друга, нежели леть — отъ враговъ.

О ЗАВИСТИ

Достоинно блюстиса ѿ друогъ завистиа, а ѿ врагъ тайны доумы.

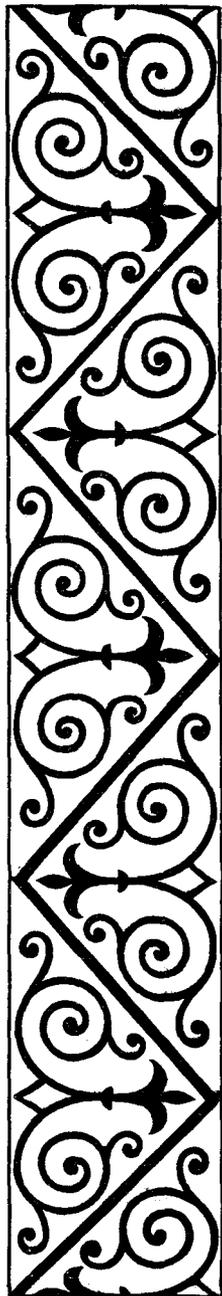
Следуетъ остерегаться зависти друзей и тайной мысли враговъ.

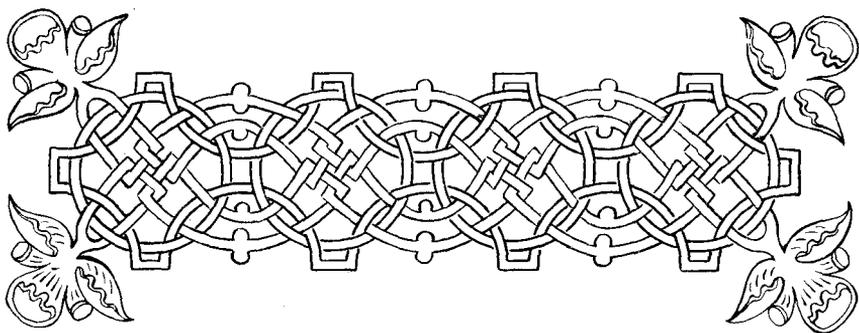
Лоукавии моужи не тако радоуются ѿ своимъ добрѣ, также ѿ чюжеи бѣдѣ.

Завистливые люди не столько радуются своему благополучию, сколько — чужой бѣде.

Зависть оубо есть печаль о ближнаго добрѣ.

Зависть есть печаль (тоска) объ имуществѣ ближнего (всякого другого человека).

АЗБУКОВНИКИ

В XVII веке среди русских грамотных людей были популярны рукописные словари. Назывались они Азбуковники или Алфавиты иностранных речей. Эти объемистые рукописные книги сохранились до нашего времени в большом количестве и хранятся в основном в московских и ленинградских рукописных фондах. Пожалуй, нам не найти книг среди современных словарей, подобных азбуковникам. Они были энциклопедией сведений, которые могли почерпнуть грамотные люди XVII века из современной им переводной литературы.

Основой азбуковников можно считать списки иностранных слов, выписанных из самых различных книг и словарей, известных тогда на Руси. Составители азбуковников, как правило, записав чужое слово, давали его перевод. Иногда это был подробный рассказ обо всем, что было известно книжнику о предмете или явлении. Рассказы подчас были невероятно далеки от истины и переполнены суевериями. Но их разнообразие и многочисленность, несомненно, свидетельствуют о любознательности русского читателя и широте его интересов.

Кроме того, азбуковники, вероятно, были собранием отрывков и из той новой переводной литературы, которая получала распространение на Руси. Около 1564, затем в 1584 году появилась в русском переводе известная латино-польская «Летопись всего мира» Мартина Бельского. Содержание ее настолько заинтересовало читателей, что многочисленные отрывки вошли в азбуковники уже в начале XVII века.

Но особенно привлекательными для русских читателей оказались так называемые «физиологические» рассказы, т. е. рассказы о необыкновенных животных и птицах. Поэтому азбуковники охотно помещали рассказы о птице «неясыти», «ефеланте» — слоне (латинское *ēlēphās, -antis*), индрике-звере, «ноздророге» — носороге, дельфине и др. Эти рассказы в большей своей части — вы-

мысл. Человеческая фантазия наделяла животных необыкновенным внешним видом или большой силой. Об одном из любимых «персонажей» физиологических рассказов составитель азбуковника записал: «Индрия или индрикъ — маленький звѣрокъ, похожий на пса, живетъ в рекъ Нилъ и убиваетъ крокодила» (Азбуковник Соловецкой библиотеки, № 18, лист 231 — хранится в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Авторы азбуковников собрали много интересного из разных книг об исторических деятелях и фактах гражданской истории: рассказы о легендарном Александре Македонском («Александрия»), об Улии Кесаре, «О взятии Царьграда от латинь...». Значительную часть азбуковников занимают беседы на богословские темы: в них дана история православия, истолкованы и объяснены церковные ритуалы и правила, что вполне соответствовало религиозно-схоластическому состоянию наук в средние века.

И тем более интересна в одном из азбуковников статья о математике, о ее значении и истории, начиная с Пифагора. Автор очень поэтично пишет об этой науке; для него она — арифметика, которая «научениемъ люботрудна, но постижениемъ златострунна», она «умъ человеческий высоко паривъ творить, и память укрѣпляеть и острыхъ острѣ творить въ разумъ» (Азбуковник..., № 19, лист 217).

Другие статьи азбуковников касаются самых различных вопросов средневековой философии, мифологии, библиографии, символики, географии, этнографии, минералогии, ихтиологии и проч. Не нужно, конечно, переоценивать историческое и познавательное значение этих статей, так как они лишены прежде всего какой-либо научной основы.

Если все-таки попытаться определить значимость отдельных частей азбуковника, то, безусловно, самой существенной нужно признать языковедение, в частности лексикографический, словарный раздел. В нем собраны сотни, а иногда и больше тысячи слов из самых различных живых и мертвых языков. Записаны они в строго алфавитном порядке буквами русской азбуки. Авторы первых списков азбуковников (начало их относится к XVI веку) старались объяснять непонятные слова из «святых» книг. Однако, насколько можно судить по азбуковникам XVII века, эти словари переросли свою первоначальную роль. И если основную массу слов, выписанных из старых книг, в азбуковниках XVI века составляли греческие и еврейские слова, то азбуковники XVII века, особенно конца этого столетия, зафиксировали большое количество латинских и польских слов, несколько меньше — немецких и французских.

Запись иностранных слов, помещенных в азбуковники, конечно, далеко не безупречна. Составители зачастую неправильно указывают язык, из которого взято слово (такая помета обычно писалась киноварью над словом), ошибаются в передаче звуков чу-

жого языка; но в то же время нередко проявляют и поистине лингвистическую чуткость.

Известно, что в греческом алфавите в отличие от латинского не было специального знака для передачи звука [б]. Это заметил составитель Азбуковника из Архангельского собрания Библиотеки Академии наук (№ 446): «Библия (лат.), гречески вивлія, руски кнїга, в греческомъ азбуцѣ нѣсть бѹкъ, сего ради вмѣсто би пїшуть грѣци ви...» (лист 35 об.).

Любопытны и те языковые сопоставления, которые приводятся в словарях: слово *цѣномомѣ* (*σίνναμῶσιμ*) помечено как латинское и переведено 'корица'; далее — «нижнимъ же языкомъ немецкимъ *канела*, горнымъ же языкомъ немецкимъ *симмелринденъ*» (Азбуковник., № 18, лист 483). При проверке слов этой записи оказалось, что составитель азбуковника XVII века различал диалектные варианты современного немецкого *der Kaneel* (*Kaneele* — множественное число). «Горным» языком назван средневерхне-немецкий, которому было известно название корицы — *Zinemin*, *Zimin*, *Zimmt* и слово *Rinde* — 'кора' (коричного дерева). *Kaneel* принадлежало, вероятно, средненижне-немецкому диалекту и позднее вошло в лексику немецкого национального литературного языка.

Записи иностранных слов в азбуковниках буквами русской азбуки дают интересные и важные сведения по истории русского языка. Эти слова, несмотря на их «чужеземное» происхождение, записаны в азбуковниках по правилам русской орфографии XVII века. Отдельные особенности в их записях вызваны чаще всего спецификой русского произношения. Так, греческие сочетания *тсѣ*, *тсѣ* и латинское *сі* последовательно передаются сочетанием русских букв *цы*. Это не случайно: в произношении писца XVII века звук [ц] был уже твердым, как и в современном языке, и эту твердость он обозначал написанием после *ц* буквы *ы*. См. несколько таких записей: *анцылля* 'служанка' (латинское *ancilla*); *ацыди* 'куница' (греческое *ἀτσιδι*); *суперцылиумъ* 'бровь' (латинское *supercilium*); *цывисъ* 'мещанин' (латинское *civis* 'гражданин'); *цыцыга* 'севрюга' (греческое *τσιτσιγα*).

Детальное изучение азбуковников может дать еще много интересных фактов для истории русской культуры и русского языка.

Л. М. ШОВГЕНОВА,
аспирантка МГПИ им. В. И. Ленина

ВСЕѢ , ТОЛКОВАНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ РЕЧЕН . ИЖЕ ОБРѢТАЮТСЯ ВОСТЫХЪ КНИГАХЪ , НЕ ПЕРЕШЕНЫ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ : НА
 ТАМЪ ИМѢЮЩЕ СЕЩЕ ;

АЛФАВІТЪ , ТО АЗБУКОВНИКЪ ,
 ИЛИ АЗЪ ВЪДН : НОВО ГРЕЧЕСКІИ
 АЗБУКЪ - ПИСМА ИМЕНА МАГВАБІКІИ
 СЪЮТЪ : И ПОГОВА РАДИ ПО ГРЕЧЕСКИИ
 ГЛАГОЛЕТСЯ АЛФАВІТЪ РЕКШЕ АЗЪ ВЪДН ;
 А ПОСЛАВЕНСКИИ АЗБУКА . АЛФА , ТО : ГРЕ
 ЦЫ ПЕРВОЕ АЗБУЧНОЕ ПИСМА НАРИЧУТЪ
 АЛФА ЕЖЕ ЕСТЬ АЗЪ : ТОЛКОВЕТСЯ СЛОВОЦЕ
 ГРЕЧЕСКИИ АЛФА ИЩИ . АЛЕФЪ - НАРИЧУТЪ ЕВРЕИ
 ПЕРВОЕ ПИСМА АЗБУЧНОЕ ЕЖЕ ЕСТЬ АЗЪ :
 А ТОЛКОВЕТСЯ ПО ЕВРЕЙСКИИ АЛЕФЪ

Въ 1860

187

«Книга, глаголемая алфавит, содержащий в себе толкование иностранных речей...» хранится в Государственном историческом музее

ЗАЧЕМ ЯЗЫКОВЕДЫ ИЗУЧАЮТ ИСТОРИЮ ЯЗЫКА?

Кандидат филологических наук
В. В. ЛОПАТИН

Этот вопрос не искушенные в языкознании люди задают довольно часто. Изучать изменения, происходившие когда-то в далеком прошлом в фонетике, в грамматике, в словарном составе языка — не бесполезная ли трата времени и сил? Ведь эта область науки так далека от современности, от актуальных проблем сегодняшнего дня. Другое дело — проблемы культуры речи, упорядочения орфографии, изучение живых явлений, характерных для современного языка — для нашей разговорной речи, научной терминологии, языка художественной литературы! Это актуально, это нужно. Но зачем изучать языковые явления прошлого, отдаленные от нас рядом веков и теперь уже мертвые?

Такие сомнения заслуживают того, чтобы поговорить на эту тему.

Прежде всего надо напомнить известное высказывание Фридриха Энгельса. Разоблачая реакционные рассуждения о социализме немецкого мелкобуржуазного философа и социолога Дюринга, который отрицал необходимость изучения истории языка, мертвых языков и вообще иностранных языков и призывал ограничить филологическое образование изучением «материи и формы родного языка», Энгельс писал: «Но ведь „материя и форма родного языка“ становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки» (Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1950, стр. 303).

Уже эти слова Энгельса сами по себе — прекрасный аргумент против всяческих сомнений в отношении ценности изучения истории языка.

Язык никогда не стоит на месте: если это живой язык, используемый каким-либо народом в качестве средства общения, он постоянно развивается. Изменяется его словарный состав, фонетика,

грамматика. Одни явления — слова, грамматические формы, звуки — устаревают в нем, отходят в прошлое, другие — только нарождаются, возникают, чтобы получить широкое распространение. Поэтому прошлое крепко связано в языке с настоящим.

Примером могут служить так называемые «грамматические аномалии». В языке всегда имеются довольно многочисленные грамматические формы, непонятные с точки зрения современного языка, являющиеся отклонением от нормы. Это почти всегда остатки грамматических законов, действовавших в языке в прошлые эпохи его развития. Их нельзя объяснить без знания истории языка, т. е. самих этих грамматических законов прошлых эпох.

Почему, например, в современном русском языке при всех числительных употребляется форма существительных родительного падежа множественного числа, и только при числительных *два, три и четыре* употребляется форма единственного числа (два стола, три человека, четыре окна)? Это объясняется тем, что в древнерусском языке, кроме единственного и множественного, было еще третье — «двойственное» число. Грамматическая категория двойственного числа выражается в наличии в языке особых форм, используемых в отличие от форм единственного и множественного числа там, где речь идет о двух предметах. Двойственное число присуще ряду языков — как древних (например, древнегреческий, древнерусский), так и современных (литовский, словенский, лужицкие языки и др.). Но в русском языке особые формы двойственного числа в ходе его развития утратились.

Понятно, что в древнерусском языке с числительным *два* существительные употреблялись в форме двойственного числа. Слова мужского рода типа *стол* имели в именительном падеже двойственного числа окончание *-а*: два стол^а, два человек^а. Когда двойственное число в языке исчезло, эта форма стала восприниматься как форма родительного падежа единственного числа, с которой она внешне совпадала. Позже под влиянием этой формы и существительные других типов склонения стали употребляться с числительным *два* в форме родительного падежа единственного числа: две книги, две стены, два окна. Эта особенность согласования существительного с числительным распространилась по аналогии с числительным *два* и на числительные *три* и *четыре*; так появились формы: три стола, четыре стены и т. д.

В современном языке сохранились и другие следы двойственного числа. Так, старая форма именительного падежа двойственного числа на *-а* сохранилась у слов мужского рода, обозначающих парные предметы: рога, бока, берега, рукава. Однако со временем она стала восприниматься как форма множественного числа. По аналогии с такими словами впоследствии получили окончание *-а* в именительном падеже множественного числа и некоторые существительные мужского рода, не обозначающие парных предметов: города, дома, леса, луга, века и др. Форма на *-а*

захватила значительное число существительных мужского рода, в том числе и слова со значением лица: учителя, профессора, доктора и т. д. Экспансия этой формы продолжается и в современном языке: в просторечии и в профессиональных жаргонах окончание *-а* имеют такие существительные со значением лица, которые в литературном языке еще сохраняют форму на *-ы*: инженера, офицера, шофера и т. п.

На этом примере мы видим, что старая форма получила в языке новое содержание, обрела продуктивность и превращается из аномалии в живое и широко распространяющееся явление.

Но вернемся к настоящим аномалиям. Все слова мужского рода с твердым согласным в конце основы (типа *стол*) имеют в именительном падеже множественного числа окончание *-ы* или *-а* и только два слова — *черти* и *соседи* имеют в этом падеже окончание *-и*. Эти слова сохранили старую, древнерусскую форму именительного падежа множественного числа, которая была когда-то у всех слов этого типа склонения, а окончание *-ы* было присуще им первоначально в винительном падеже множественного числа. Окончание *-ы* проникло в именительный падеж множественного числа этого типа склонения под влиянием, с одной стороны, формы винительного падежа этого же типа, а с другой стороны — формы именительного падежа множественного числа слов женского рода типа *жена* (в этом типе склонения окончание *-ы* было исконным).

В древнерусском языке прилагательные во множественном числе, как и в единственном, различались по родам. В частности, прилагательные и местоимения, склоняющиеся, как прилагательные, имели форму среднего рода множественного числа в именительном и винительном падежах с окончанием *-ая/-яя* (краткая форма *-а/-я*). В современном языке это старое окончание сохранилось лишь в нескольких устойчивых сочетаниях: «все и вся», «на всех и на вся», «святая святых», устаревшее «и прочая, и прочая» (при перечислении титулов), «многая лета» (в церковном песнопении). Все эти сочетания, хотя и имеют в той или иной степени архаическую окраску, все же употребляются в современной литературе довольно часто; объяснить же в них формы *вся, святая, прочая, многая* мы можем только опираясь на историю языка. Внешне эти формы совпадают с формой именительного падежа женского рода единственного числа, но объяснение их как форм женского рода бессмысленно.

Наречие *поделом* сохранило в своем составе древнюю форму дательного падежа множественного числа слов типа *стол* и *дело*. Это наречие можно буквально перевести на современный язык как *по делам*, т. е. «по поступкам, по заслугам». А наречие *замуж* отражает устаревшую форму винительного падежа единственного числа одушевленных существительных мужского рода, которая в древнерусском языке совпадала с формой именительного падежа, а в современном языке совпадает с формой родительного падежа: сейчас бы мы сказали «выйти за мужа».

Количество подобных примеров, показывающих грамматические аномалии или «исключения», можно было бы увеличить. Интересующиеся могут обратиться к брошюре Д. Н. Шмелева «Архаические формы в современном русском языке» (М., 1960), посвященной этим явлениям.

Язык изменяется неравномерно. Быстрее всего изменяется лексика, словарный состав языка. Отдельные слова выходят из употребления, заменяясь другими. Например, слова *аэроплан* и *геликоптер*, появившиеся в русском языке сравнительно недавно, в начале нашего века, на заре воздухоплавания — сейчас уже принадлежат к устаревшей лексике. Вместо них теперь употребляются слова *самолет* и *вертолет*. Язык постоянно обогащается новыми словами, особенно в связи с научными и техническими открытиями. Общеизвестны, например, слова, вошедшие в широкое употребление в самые последние годы, вместе с началом космической эры: космонавт, космодром, ракетодром, звездолет, космовидение, лунник, прилуниться и многие другие.

Гораздо медленнее, чем лексика, изменяются грамматика и фонетика языка. Однако и здесь заметны некоторые изменения, происходящие за довольно небольшой промежуток времени. Если мы обратимся к языку классиков прошлого века, то найдем в нем не только многочисленные лексические архаизмы, т. е. слова, которые в наше время уже не употребляются или употребляются в другом значении, но и отдельные грамматические архаизмы — совсем не употребительные сейчас в литературном русском языке грамматические формы. Они непонятны с точки зрения современного языка, хотя, конечно, в целом язык произведений писателей XIX века нам вполне понятен.

Например, в «Горе от ума» А. С. Грибоедова в реплике Чацкого «Вы *ради*? В добрый час...» отражена древняя форма множественного числа краткого прилагательного *рад*, которая исторически объясняется так же, как формы *черги*, *соседи*, и употребляется еще в литературном языке XIX века.

В языке писателей прошлого века можно встретить и формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода на *-ы* в тех словах, которые в современном языке имеют уже только окончание *-а*, например: «Что там за *дбмы*» (И. А. Крылов. Лжец), «Там упражняются в расколах и в безверьи *Профессоры!*» («Горе от ума»).

В произведениях А. С. Пушкина и других поэтов XIX века мы часто встречаем древнюю книжную (церковнославянскую) форму родительного падежа единственного числа женского рода прилагательных на *-ья*, *-ья*. Например, у Пушкина: «жало *мудрыя* змеи» («Пророк»); «среди *зеленыя* дубравы» («Сказка о мертвой царевне»); «И вы забыты мной, изменницы младые, Подруги тайные моей весны *златыя*» («Погасло дневное светило...»). В последнем примере только орфография подсказывает нам, что *златыя* — это определение к слову *весны*, а не к слову *подруги*.

Ту же форму мы находим в первой строке известной песни «Среди долины ровныя...»: сочетание *долины ровныя* стоит здесь в родительном падеже. Эту песню, впоследствии ставшую народной, написал поэт начала XIX века А. Ф. Мерзляков, и немудрено, что в ней употреблена такая архаическая форма. Тем не менее сейчас в песенниках, в книгах о русской живописи (в названии известной картины Шишкина «Среди долины ровныя») при передаче этой строчки из песни нередко встречается ошибочное написание *ровные*.

У Пушкина можно отметить и неправильное с современной точки зрения согласование глагола с существительным: «Вкруг нее стоит грозная *стража*, на плечах топорики *держат*» («Сказка о рыбаке и рыбке»). Оказывается, эта фраза отражает типичное для древнерусского языка согласование, когда при существительном с собирательным значением глагол употреблялся в форме множественного числа; такое согласование сохранилось до нашего времени в фольклоре, в отдельных диалектах.

Знание истории языка дает, таким образом, возможность осмыслить, понять аномалии в современном языке, в языке писателей прошлого, в языке фольклора.

Вообще, исследуя язык, мы не можем ограничиться лишь данным его состоянием. Можно и необходимо изучать современный язык, но более полным, осмысленным и перспективным будет такое изучение, которое опирается на знание исторических фактов. При таком подходе лучше обнаруживается динамика развития языка; современный язык уже не выступает как нечто застывшее, неподвижное: старое, мертвое, отживающее противопоставляется в нем новому, живому, перспективному и еще только нарождающемуся. С другой стороны, зная, что в языке является новым и перспективным, мы можем более сознательно и объективно подходить к нормализации языка, к регулированию языковых процессов, оценивать тенденции его будущего развития.

А проблема происхождения слов, которая так интересует сейчас многих знатоков и любителей русского языка — не только языковедов! Ведь этимология — отрасль языкознания, занимающаяся изучением происхождения слов, — целиком опирается на историю языка. Без знания исторической фонетики, грамматики, основных типичных изменений в значениях слов невозможно определить первоначальный корень слова, установить его древнейшие родственные связи. Этому помогает и знание родственных языков — для русского языка это другие славянские языки, находящиеся с ним в ближайшем родстве, и более отдаленные языки индоевропейской семьи (живые и мертвые).

До сих пор речь шла о значении изучения истории языка для исследования языка вообще. Но история языка имеет огромное значение и для других исторических наук. Историки, пользующиеся в качестве основных источников памятниками письменности, не могут обойтись без знания древнерусского языка, без умения чи-

тать и понимать древние памятники. Это относится и к историкам права, изучающим древние юридические памятники («грамоты», договоры, кодексы), и к историкам культуры, общественной мысли, этнографам. Изучение исторических источников всегда связано с необходимостью знания истории языка. Языковедение тесно смыкается здесь с палеографией — смежной историко-филологической дисциплиной, изучающей памятники письменностей с целью определить время и место их возникновения по внешним приметам письма (по почерку, бумаге и т. д.). Рукописи, на которых отсутствует дата их написания, а таких рукописей очень много, обычно датируются, исходя из совокупности языковых и палеографических признаков: «показания» языковых черт (фонетических, грамматических, орфографических черт определенной эпохи), отраженных в памятнике, дополняются «показаниями» почерка и других палеографических примет. Ни один вновь найденный памятник древней письменности не может быть использован без лингвистического анализа. Ярким примером этого стали недавно обнаруженные археологами берестяные грамоты XI—XV веков, которые быстро вошли в научный обиход благодаря совместным исследованиям археологов, палеографов, языковедов. В свою очередь эти грамоты дали интересный новый материал для историков русского языка и палеографов (см. подробнее в книге Л. П. Жуковской «Новгородские берестяные грамоты», М., 1959).

Факты истории языка имеют большое значение для исторической науки и сами по себе, в особенности факты этимологии. Заимствованные слова, например, всегда говорят о тех или иных исторических контактах народов, об экономических, культурных и других связях прошлого. По иноязычной лексике русского языка можно судить о том, какой народ в какой области играл ведущую роль при этих контактах.

Особенно много новых заимствованных слов вошло в русский язык из западноевропейских языков с XVIII века, начиная с эпохи Петра I. При этом можно отметить, что, например, термины морского обихода заимствовались почти исключительно из голландского языка; это такие слова, как: матрос, мачта, плюшка, компас, каюта, рейд, койка и др. (слово *койка* сначала имело значение 'место постели на корабле'). Небольшая же часть «морских слов» имеет английское происхождение. Например, слово *есть*, принятое как ответ на приказание (первоначально только во флоте), — это, по всей вероятности, не что иное, как измененное «на русский лад» английское *yes* — 'да', а команда *рынду бей* на судах русского парусного флота — это английское *ring the bell* — буквально 'звони в колокол', тоже подвергнувшееся народной этимологии. Голландские и английские моряки — вот от кого перенимали русские не только судостроительную и мореходную науку, но и «морскую» лексику.

Другая вполне определенная и замкнутая сфера контактов обнаруживается в заимствованиях из итальянского языка: почти все

они — термины искусств, преимущественно музыкальные (опера, тенор, бас, кантата, флейта, ария, ложа, купол, арка, барокко и т. д.).

Гораздо шире круг заимствований из немецкого и французского языков. Все же можно отметить, что среди немецких по происхождению слов много технических и военных терминов: крап, балка, слесарь, цех, кронштейн, штурм, штаб, гауптвахта, ранг и др. Среди заимствованных названий предметов быта преобладают немецкие и французские слова: немецкие — кухня, матрац, циферблат, бутерброд; французские — люстра, абажур, помада, кашне, пальто, мебель, портфель и т. д.; но среди названий пищи — преимущественно французские: бульон, котлета, компот, майонез, батон, провансаль, сосиска, салат и др.

Основная масса заимствований из английского языка представляет собой технические и спортивные термины, ср.: рельс, туннель, трактор, бульдозер, спорт, финиш, старт, рекорд, чемпион, футбол, бокс, а также некоторые названия, связанные с недавно возникшими видами искусства: фильм, джаз и др. Большинство этих названий проникло в русский язык уже в XX веке.

Примечательную группу слов составляет отвлеченная лексика — преимущественно философские и общественно-научные термины, состоящие из русских корней и аффиксов, но образованные путем точного перевода иностранных слов по частям. Слова, возникающие таким путем, называются кальками. Особенно много отвлеченных терминов, являющихся кальками с немецких слов. Ср., например: *мировоззрение* (нем. Weltanschauung), *правопорядок* (Rechtsordnung), *представлять* и *представление* в философском смысле (vorstellen и Vorstellung), *противопоставлять* (entgegenstellen), *предполагать* (voraussetzen), *закономерный* (gesetzmässig), *предвзятый* (vorgefasst) и др. Большая часть таких слов появилась в русском литературном языке в первой половине XIX века и свидетельствует о влиянии немецкой научной терминологии на соответствующую русскую терминологию, создававшуюся именно в этот период. Реже подобные термины возникали по образцу французских слов: например, *влияние* (франц. influence).

История слова — это во многих случаях и история вещи, которую оно обозначает. Вот характерный пример. Слова *айва*, *балык*, *изюм* и некоторые другие, заимствованные русским языком из языка крымских татар, проникли к нам, очевидно, вместе с предметами, которые они обозначают. Это названия продуктов, которые ввозились Московским государством из Крымского ханства в XV—XVI веках. Интересно, что татарское слово *изюм*, означающее виноград вообще, получило в русском языке узкое значение 'сушеный виноград', а слово *балык*, имеющее в тюркских языках значение 'рыба', тоже сузило свое значение: в русском языке оно значит 'спинка рыбы, консервированная особым образом (соленая и провяленная)'. Такое сужение значения тюркских слов свидетельствует о способах доставки (перевозки) этих продуктов для

торговли: виноград продавался только в сушеном виде, а рыба специально провяливалась.

Связь истории слова с историей вещи обнаруживается и во многих исконно русских словах. Так, на первых копейках, которые чеканились на Руси с XVI века, было изображение всадника на коне (Георгия Победоносца) с копьём; отсюда и название этих монет — «деньги с копьём», или «копейные деньги», или короче — «*копейки*». Обои примерно два столетия назад изготовлялись из кожи, а позже — из ткани, при этом стены обивали специальными «обойными» гвоздями. Понятно, что и само слово *обои* произошло от глагола *обить* — *обивать*. Однако в наше время обои бумажные и их не прибывают, а приклеивают, точно так же, как на копейках давно уже не изображают никакого копья. Именно эти жизненные обстоятельства были причиной того, что первоначальный корень и в слове *обои* и в слове *копейка* перестал выделяться. Изменение обозначаемых предметов способствовало изменению слов — их «деятимологизации» и «упрощению». Наоборот, вскрытие этимологии слова и его истории нередко помогает выяснению истории вещи.

Некоторые слова абстрактного значения имели первоначально очень конкретное содержание, связанное непосредственно с прошлым народа. Например, глаголы *ошеломить* и *опешить* были древнерусскими военными терминами: первый из них означал «сбить шлем со всадника» (корень *шелом* — «шлем»), второй — «сделать пешим», а позднее и «стать пешим». Понятно, в каком трудном, беспомощном положении оказывался в конном бою пеший воин или воин без шлема. Отсюда и абстрактные, первоначально переносные значения этих глаголов, закрепившиеся в современном языке.

А вот другая пара глаголов — *подкузьмить* и *объегорить*. По значению они близки друг другу, оба означают примерно то же, что «подвести, надуть, облапошить». Образованы они от имен *Кузьма* и *Егорий* (русская народная форма имени Георгий) и связаны с эпохой русского Средневековья, с обычаем заключать договоры о сельскохозяйственных работах до определенного срока. Таким сроком были осенние религиозные праздники — день святого Георгия (Юрия) или день Козьмы и Дамиана. *Подкузьмить* или *объегорить* и значило первоначально — «не выполнить условий такого договора к сроку, обмануть работника». Особенно крупно «объегорили» русских крестьян в 1581 году, когда было отменено право перехода крестьянина к другому хозяину раз в году — в Юрьев день (26 ноября старого стиля). Это событие положило начало оформлению в России системы крепостного права; ему обязана своим рождением и поговорка «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день».

В лексике языка живет история его народа. В словах, фразеологических сочетаниях, пословицах, афоризмах живут старинные предания, обычаи. Это определяет и тесную связь истории языка

с этнографией. В этом можно убедиться, читая «Толковый словарь» В. И. Даля или книгу С. Максимова «Крылатые слова», переизданную в 1955 году.

Имея в виду подобные факты, крупнейший советский востоковед, историк культуры академик И. А. Орбели отмечал, что в исторических исследованиях «очень часто, к сожалению, игнорируются данные языка. А они способны натолкнуть на целый ряд весьма интересных и важных проблем. Я имею в виду не простое использование языка для того, чтобы прочесть тот или иной литературный памятник. Я имею в виду язык как культурное явление, как одно из высших достижений человеческой культуры, как зеркало истории народа, создавшего этот язык, как зеркало истории искусства этого народа» (И. А. Орбели. Восток и Запад в XII—XIII веках.— «Вопросы истории», 1965, № 6, стр. 106). И. А. Орбели иллюстрировал это положение рядом интересных примеров.

История языка тесно связана с историей развития разных наук. Ведь язык — важнейшее средство общения, орудие мысли, в нем отражаются все достижения человеческого знания. Это подчеркнул В. И. Ленин. Конспектируя книгу Ф. Лассалья об античном философе Гераклите, Ленин перечислил «те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика», в том числе историю отдельных наук, и при этом особо отметил и подчеркнул историю языка (см.: В. И. Ленин. Философские тетради. М., 1936, стр. 321).

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

(Ответы)

1. Обвинения по моему адресу не были ничем обоснованы (или: ни на чем не основаны).
2. Во избежание несчастных случаев необходимо строго придерживаться установленного порядка и правил техники безопасности.
3. Это незначительное на первый взгляд происшествие повлекло за собой ряд тяжелых последствий.
4. Боль в плече была очень сильной, временами нестерпимой.
5. По отношению к виновникам беспорядка не было принято никаких мер.
6. Общественный распространитель печати просит предоставить ему слово для информации.

О РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ

Кандидат филологических наук

Л. Л. КАСАТКИН

От Ленинграда до Владивостока, от Белого моря до Каспийского русские люди говорят на одном и том же русском языке. Но каждый, кто уезжал из своего родного города или из родной деревни даже в соседние деревни, а тем более в дальние, знает, что язык там тот же, но все-таки, хоть и немного, да не такой, как в его деревне или городе. Бывают в языке выходцев из разных мест отличия тонкие, мало заметные с первого взгляда. Увидишь или, вернее, услышишь их, только прожив вместе несколько дней, а то и дольше. А иные так сразу и «бросаются в уши» с первых же произнесенных слов.

Чем, например, берут сковородки? В одной деревне скажут — *сковородником*. Так и в литературном языке. А в другой скажут — *чепельником*. В третьей тот же предмет назовут *чепелбй*, или *чәп-лей*, или *печникбм*. *Корова мычит* — так могут сказать везде среди русских. Но возле Онежского озера чаще скажут *Корова мўкает*, а возле Белого озера — *Корова мырчит*. Южнее Москвы часто говорят *Корова ревет*, а севернее Москвы — *Корова рычит*. В Вологодской области могут даже сказать *Корова рўкает*, а в Повелужье — *вбпит*.

В этих случаях один и тот же предмет, одно и то же действие в разных местах называют неодинаково. Бывает и так, что употребляют, казалось бы, одно и то же слово, но понимают под этим разное. Так, например, словом *виски* южнее Москвы называют все волосы на голове, а севернее Москвы — только волосы над ушами. В Костромской области слово *виски* значит еще и 'лохмотья, рваная одежда'.

Рассказывают, что воронежская уроженка вышла замуж за горьковчанина и поехали молодые в гости к родителям мужа. Очень хотелось молодой понравиться свекрови, так и бросалась она выполнять ее просьбы. Говорит как-то свекровь: «Сходи на *мост*, принеси *бурак*». Выбежала молодая на улицу, видит мостик через ручей, подбежала и ищет свеклу, которую у нее на родине *бураком* зовут, — нет нигде. Воротилась с пустыми руками: не знала молодая, что горьковчане *мостом* сени зовут, а *бураком* — посудину из бересты, в которой носят в поле квас или молоко. Говорит в другой раз свекровь невестке: «Поди хлеба *папашу*», а невестка удивляется — кто же зимой пашет? Оказывается, *пахать* значит не только 'обрабатывать землю', в ряде мест это слово имеет значение 'резать хлеб или мясо', а в других местах — 'подметать пол'.

Иногда одно и то же слово может иметь даже прямо противоположные значения. Так, к северу от Москвы можно часто услышать

слово *погода* в значении 'плохая погода, пенастье', а южнее Москвы это же слово часто употребляется в значении 'хорошая погода'. Вот и получается, что, сказав «Ох, и погода нынче!», одни имеют в виду плохую погоду, а другие — хорошую.

Существуют различия и в том, как произносятся одни и те же слова. Многие знают, что на севере говорят на *о*, «окают», т. е. произносят в безударном положении *о* (*вода, отец, молоко*), а на юге «акают» — произносят *а* вместо *о* (*вада, атец, малако*). А вот и другие фонетические (звуковые) особенности: на севере «цокают» (произносят *ц* на месте *ч*: *цай* вместо *чай*, *цисто* вместо *чисто*, *доцка* вместо *дочка*, *пецка* вместо *печка*). На юге «якают» (говорят: *бяда, нясц, мяшки*).

Встречаются и грамматические различия. Они относятся к области словообразования, морфологии, синтаксиса. К северу от Москвы, например, часто образуют творительный падеж множественного числа существительных и прилагательных с окончанием на *-м*: *Пошли за грибам да за ягодам; Носила кофту с длинным рукавам*, а к югу от Москвы — родительный падеж единственного числа женского рода существительных типа *сестра* с окончанием *-е*: *Была у сестре; Добежал до меже; Жил без родне; Вытащил из реке*.

Издавна в народе обращали внимание на особенности в языке соседей. Возникали всякого рода прозвища, основанные на подчеркивании этих особенностей. Так, например, «цуканами» называли цокальщиков; «щекуны» — это те, кто произносит *цо* вместо *что*; «ягуны», «ягутки» — те, кто говорит *ягб, маягб, твоягб* вместо *йебб, моевб, твоевб*: «йонки» — говорят *йон, йона* вместо *он, она*.

Желая подчеркнуть, что жители многих северных областей произносят *ни* на месте *дн*, соседи их придумали поговорку: «Менной ковш упал на нно, и обинно, и досанно, ну, да ланно: все онно». А соседи рязанцев, произносящих мягкое *ть* в 3-м лице глаголов и «якающих», говорят: «У нас в Рязани грибы с глазами: их ядят, а они глядят».

Итак, на различных территориях существуют разновидности современного русского национального языка. Эти разновидности характеризуются некоторыми чертами, которые распространены только на определенной территории и называются диалектами, наречиями или говорами. Есть и наука, изучающая эти разновидности, — диалектология (от греческого *διάλεκτος* 'разговор, говор'). Говором обычно называют самую мелкую разновидность языка: может быть говор деревни или говор нескольких деревень, если в этих деревнях говорят одинаково. Наречие — более широкое понятие, чем говор. Так, есть только два наречия русского языка: южное и северное. Термин «диалект» может употребляться и в значении говора и в значении наречия.

Диалекты существуют в любом национальном языке. Русские диалекты, несмотря на различия, очень близки, поэтому все говорящие по-русски понимают друг друга. В некоторых же языках диалектные различия могут быть такими сильными, что говорящие

на разных диалектах люди совсем не понимают друг друга или понимают с трудом. Еще М. В. Ломоносов, указавший на существование диалектов в русском языке, писал: «Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например, в Германии, баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского, или бранденбургский швабского, хотя все того же немецкого народа» (М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.—Л., 1952).

В настоящее время на диалектах говорит почти все наше сельское население, а также и многие городские жители. Неверно считать диалекты результатом «искажения» литературного языка. Они возникли в процессе закономерного развития русского национального языка и являются его разновидностями. Литературный язык — тоже разновидность национального языка, но высшая разновидность. На нем пишут книги, говорят по радио и в театре, литературному языку учат в школе. В отличие от диалектов литературный язык не связан с какой-либо определенной территорией: он одинаков, или почти одинаков, на любой территории.

В речи людей, говорящих на литературном языке, могут встречаться особенности, свойственные диалектам и не свойственные литературному языку. Такие диалектные особенности называются *диалектизмами*. Иногда их употребление объясняется тем, что говорящий недостаточно хорошо владеет нормами литературного языка. В этом случае диалектизмы — следствие недостаточной культуры речи и с ними нужно бороться. Но иногда они сознательно вводятся в речь. Таким приемом часто пользуются писатели для характеристики своих героев посредством языка. Точно так же актер, играющий, например, роль деда Щукаря в «Поднятой целине» М. А. Шолохова, может и речь свою сделать в какой-то мере похожей на речь донского жителя, т. е. не только употреблять диалектизмы словесные, но и произносить слова с некоторыми местными фонетическими особенностями.

Диалектизмы встречаются в пословицах и поговорках, употребляющихся и в литературном языке. Так, в известной пословице «У голодной куме все хлеб на уме» форма *у куме* вместо литературного *у кумы* — обычная форма родительного падежа существительных женского рода в южнорусских диалектах. Там и возникла эта пословица. В этих же говорах широко распространены глагольные формы *несть, месть, плесть, гресть* вместо *нести, мести, плести, грести*. В этих местах появились такие пословицы: «Станешь лапти плесть, как нечего есть»; «Лапти плесть — одна в день есть»; «Двоим сесть, так нельзя и гресть»; «Не ворохом деньги принимают: сесть, да после гресть». В пословице «Парень тороват, да дела не знат» отражена особенность севернорусских говоров, где говорят *знат* вместо *знает*, *бегат* вместо *бегают*, *умет* вместо *умеет* и т. п.

В литературном языке после глаголов, обозначающих движение (*идти, ходить, бежать*), названия предметов, которые являются целью этого движения, стоят обычно с предлогом *за*: *Пойти в магазин за покупками; Сбежать за председателем* и т. п. В редких случаях возможна и конструкция с предлогом *по*: *Сходили по грибы и по ягоды; Пошла по воду*. В диалектах же такая конструкция может употребляться очень широко. Этим и объясняется наличие конструкции с предлогом *по* вместо конструкции с предлогом *за* в пословице: «Пошел по шерсть, а воротился стриженный».

Многие знают пословицу: «Не спеши языком — торопись делом». Но есть и другая аналогичная пословица: «Не спеши языком — торопись кочедыком», где употреблено диалектное слово *кочедык* — название особого шила, с помощью которого плели лапти.

Очень часто пословицы бывают рифмованные. Особенности рифмы могут многое сказать о происхождении пословицы, о местности, откуда она пошла. Вот, например, пословицы: «Без зубов лезть, а с костями съест»; «Много говорить — голова заболит»; «Не учи хромать, у кого ноги болят». Если прочесть их так, как следует по нормам литературного языка, то рифма будет неточной. Сравните: лезть — съест, говорить — заболит, хромать — болят. Для того чтобы рифма была точной, нужно вместо *съест, заболит, болят* сказать *съесть, заболить, болять*. Именно такое произношение с мягким *ть* глаголов в 3-м лице характерно для южного наречия. Там, очевидно, и возникли эти пословицы.

Во время Отечественной войны 1812 года возникла пословица: «Как ни вилай, не миновать Филей». Но появилась она в тех местах, где говорили не *вилай*, а *вилей*. Произношение *e* вместо *я* после мягкой согласной известно и сейчас во многих районах. Там говорят *опеть* вместо *опять*, *преник* вместо *пряник*, *дедя* вместо *дядя*. Такая же особенность закреплена в пословице: «Не до обедни, коли много обредни». Слово *обредни* здесь употребляется вместо *обрядни*, т. е. 'нарядов, а также и хлопот по хозяйству, стряпни и т. п.' В пословице «Желанный кус не мимо уст» отразилось отпадение конечного *т* в сочетании *ст*. Там, где возникла эта пословица, и сейчас говорят *мос* вместо *мост*, *хвос* вместо *хвост*, *ус* вместо *уст*.

Тот, кто хочет узнать о прошлом человечества, заглянуть в глубины веков, может это сделать по-разному. Археологи, например, ведут раскопки древних поселений, чтобы найти там орудия труда, оружие, украшения, домашнюю утварь наших далеких предков. Палеонтологи изучают древние организмы по сохранившимся в земле скелетам животных, по окаменелым растениям и их отпечаткам. Тот, кто хочет узнать о прошлом русского языка, должен, конечно, обратиться к древним рукописям, грамотам, надписям на различных предметах. Но это путь не единственный. Известно, что в диалектах сохраняются такие особенности, которые были свойственны всему древнерусскому языку, а затем литературным языком и большинством диалектов были утрачены. Раньше говорили не

моя свекровь, а моя свекрѣ́, и сейчас так говорят в ряде южных областей. «Жили-были...» — все знают этот зачин многих русских сказок. Но только специалистам известно, почему здесь употребляется не один глагол *жили*, а еще и *были*. В древнерусском языке такое сочетание двух глаголов означало действие не просто прошедшее, а давно прошедшее: *жили были* значило 'жили очень давно'. Позднее в большинстве русских говоров и в литературном языке специальная конструкция для обозначения «давнопрошедшего» времени была утрачена. Но в некоторых северных областях и сейчас говорят: *У нас раньше ягоды росли были; В прошлом году в сентябре снег был выпал, а октябрь был теплый; Она была с дочерью жила*. Раньше в словах *пѣс*, *берѣза*, *весѣлый* произносили не *ѣ*, а *е*, т. е. говорили *пес*, *береза*, *веселый*. Потом стали в таких словах вместо *е* произносить *ѣ*, но в некоторых говорах, как древняя окаменелость, осталось прежнее *е*.

Поэтому исследователь истории русского языка должен хорошо знать русскую диалектологию. В некоторых случаях без данных диалектологии просто невозможно восстановить те или иные особенности древнерусского языка. Так, например, ученые долго не могли понять, почему в некоторых древних рукописях над буквой *о* писцы иногда ставили особый знак, похожий на дужку — *ȯ*. И только когда обратились к диалектам, заметили, что на месте этого *ȯ* в некоторых говорах произносят гласный звук — переходный от *у* к *о*: говорят *год*, но *куод* (кот), *большой дуб*, но *у большшой сосны* и т. п. Таким образом, писцы буквой *ȯ* обозначали особый звук, но понять это и выяснить качество звука ученые смогли только на основе диалектных данных.

Знание диалектологии необходимо не только лингвистам, но и историкам, этнографам, фольклористам. Важное практическое значение имеет диалектология для школьного учителя. Чтобы привить ученикам навыки правильного письма и произношения, научить их правильно выражать свои мысли литературным языком, учитель должен знать, какие диалектные особенности характерны для их речи. Поэтому в одних районах страны учителю приходится больше внимания уделять изучению одних орфографических и грамматических правил, в других районах — других.

Взаимоотношения между литературным языком и диалектами — довольно сложные и неодинаковые в разные эпохи. В прошлом диалекты были живыми, развивающимися разновидностями русского языка. В наши дни диалекты представляют собой явление уже не развивающееся, а постепенно отмирающее. Повсеместное распространение в Советскую эпоху печати, радио, кино, а в последнее время и телевидения, введение всеобщего школьного обучения привели к тому, что широкие слои населения знакомятся с литературными нормами и усваивают их. В результате этого происходит постепенное сглаживание диалектных особенностей, приближение их к нормам литературного языка. Но процесс этот долгий и сложный. Его нельзя ускорить декретами или по-

становлениями, как нельзя и вообще «отменить» русские диалекты.

Нормы литературного языка довольно устойчивы, но и они постепенно меняются. Современный русский литературный язык отличается даже от литературного языка пушкинского времени, не говоря уже о более древнем. В этом изменении немалую роль играют диалекты. Они принимают участие в постоянном обогащении словарного состава литературного языка. Многие слова, в прошлом принадлежавшие только диалектной речи, сейчас являются вполне литературными. В XIX веке, например, проникли в литературный язык из северного наречия такие слова, как *задира*, *зазнайка*, *неудачник*, *сутолока*, из южного — *зеленя*, *нудный*, *шуришать*, *щуплый*, из сибирских говоров — *тайга*. Слова *земляника*, *листва*, *молодожьен*, *подсолнух*, *рыбалка* и многие другие — тоже диалектного происхождения.

Переходя из диалекта в литературный язык, слово иногда теряет некоторые значения, сфера его употребления сужается. Слово *щуплый*, например, в литературном языке закрепилось как характеристика людей по их физическому сложению. Можно сказать *щуплый мальчик*, но нельзя сказать *щуплое дерево*. А в диалектах, откуда проникло это слово, говорят и *щуплое дерево*, т. е. 'гнилое, непрочное', и *щуплое зерно*, т. е. 'плохое, неполного налива, дряблкое'.

Слово *самодур* в диалектах значит 'упрямый человек' и 'палун'. При переходе в литературный язык второе значение было утрачено и слово приобрело окраску неодобрительности, презрительности. Оно стало обозначать не просто упрянца, а человека, который действует по прихоти, по своему личному произволу. Утвердиться в этом значении слову *самодур* помог А. Н. Островский, широко употреблявший его в своих комедиях. Слово *неудачник* впервые в литературе употребил И. А. Гончаров в романе «Обрыв», слова *бирюк*, *шуришать* ввел в свои рассказы И. С. Тургенев.

Таким образом, диалектные слова могут входить в литературный язык благодаря употреблению их в художественной литературе. Это не значит, конечно, что любой диалектизм, использованный писателем, станет принадлежностью литературного языка. Пристрастие некоторых писателей к диалектизмам, чрезмерное их употребление может не только не обогатить язык художественного произведения, но даже засорить его.

Под влиянием диалектов изменяется не только словарный состав литературного языка, меняться могут и произносительные нормы и нормы грамматические. Так, «оканье» сейчас считается произношением диалектным. Но еще при Иване Грозном оно было свойственно литературному языку, а диалектное тогда «аканье» постепенно вытеснило «оканье» и стало литературной нормой.

Итак, литературный язык противопоставляется диалектам, но тесно связан с ними; он постепенно вытесняет современные диалекты, но сам при этом обогащается за их счет.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Кандидат филологических наук
Н. А. ЕСТЬКОВА

В 1829 году в «Московском телеграфе» появились две эпиграммы на М. Т. Каченовского — известного в то время историка и критика, редактора журнала «Вестник Европы». Авторами эпиграмм были Пушкин и Баратынский; обе они имеют отношение... к орфографии. Вот текст Пушкинской эпиграммы:

Там, где древний Кочерговский
Над Роллею опочил,
Дней новейших Тредьяковский
Колдовал и ворожил:

Дурень, к солнцу став спиною,
Под холодный Вестник свой
Прыскал мертвою водою,
Прыскал ижицу живой.

В образе сказочного дурня, делающего все невпопад, Пушкин высмеивает и общее направление деятельности Каченовского-журналиста (он становится спиной к солнцу, т. е. к подлинному знанию, и тщетно пытается оживить журнал с помощью мертвой воды) и его орфографическое «новаторство»: в «Вестнике Европы» слова греческого происхождения передавались в точном соответствии с первоисточником; для этого, в частности, везде восстанавливалась *V* — «ижица» — буква, которую, по мнению многих, давно пора было выкинуть из русского алфавита. На воскрешение этой мертвой буквы и пошла у «дурня» живая вода...

Эпиграмму Баратынского вы видите на рисунке 1. Нам интересна сейчас ее орфография: эта эпиграмма одновременно представляет собой и орфографическую пародию (кстати сказать, весьма редкий жанр!). Замена всех *и* на *V* или *i* изображает (как и полагается в пародии, в преувеличенном виде) те самые «новшества» Каченовского, которые высмеяны в пушкинской эпиграмме.

К «орфографическому новаторству» Каченовского можно отнести только как к курьезу. Мы и вспоминаем о нем сейчас лишь

УСТОРІЧЕСКАЯ ЭПІГРАММА.

Хвала, мастытый нашъ Зоіаь !
Когда-шо Дмітрієвь бѣсіаь
Тебя счастливыми спрунамі;
Бѣсіаь Жуковскій въ слѣдъ за нѣмъ;
Вотъ бѣсіаь Пушкінъ: какъ любімъ
Ты дальновідными Судьбамі!
Трі поколѣнія пѣвцовъ,
Тебя, красой своіхъ вѣнцовъ
Въ негодованье пріводіаі;
Пекісь о здравіи своемъ,
Чтобы подобно первымъ премъ
Другіе шрі тебѣ бѣсіаі.

Рис. 1. Эпиграмма Е. А. Баратынского

благодаря эпиграммам Пушкина и Баратынского. Но в разное время было множество других попыток печатать тексты по особой, не совпадающей с общепринятой, орфографіи; и многие из этих попыток заслуживают вполне серьезного отношения.

Самый ранний такой опыт — труд известного поэта и филолога В. К. Тредиаковского («Разговоръ между Чужестраннымъ человекѡмъ і Россійскимъ объ ортографіи старінной і новой і о всемъ что прінадлежитъ къ сей матеріи» (1748). Впрочем, оригинальная орфографія этого пространного (более 400 страниц) сочинения — не главная его ценность.

В свое время этот труд не был понят. Тредиаковский — фигура трагикомическая. Кажется, ни одна из сторон его многообразной деятельности не избежала насмешек современников. Потомки оказались внимательнее и благодарнее. Радищев, а вслед за ним Пушкин, начали, если можно так выразиться, «реабилитацию» Тредиаковского, отметив его заслуги в русском стихосложении. В наше время получил должную оценку и труд Тредиаковского об орфографіи: замечательный советский ученый Г. О. Винокур посвятил разбору его орфографической теории специальную статью.

Заслугой Тредиаковского было то, что он поставил вопросы, которыми до него не занимался никто; он оказался зачинателем важного спора о том, что должна отражать орфографія: «чистый выговор» (произношение) или то, что Ломоносов определял как

IV. НАУКИ.

О СОГЛАСИИ ПРАВОПИСАНИЯ СЪ ПРОИЗНОШЕНИЕМЪ
Каждый годъ приносить какия нибудь пере-

Рис. 2. Начало статьи, напечатанной в журнале «Иллюстрация» в 1848 году (обратите внимание на слова с прогавкой раз. — раз.)

ИЛЛЮСТРАЦИЯ.

агда въ правописани русскоуъ нашего времени, страняхъ, безсчетныхъ противорчій. — Все реформы вытекають изъ желанія согласить правописание съ произношенемъ,

— между тѣмъ никто еще не раздѣляясь поролкомъ отношенія русскоуъ звуковъ къ русскимъ буквамъ, а ясное означеніе этого отношенія должно бы предшествовать всякому реформамъ, если реформы нужны. Нужно—ли она и коренныя проаводимыя и произведенныя реформы—это лучше всего выкажется изъ разсмотрѣнія звуковъ русскаго языка и отношенія ихъ къ нашей азбукѣ.

Возможно-ли имѣть такую азбуку, въ которой-бы каждый знакъ служилъ предшественникомъ звука одного и того-же звука? Приждутъ существующихъ азбукъ говорить, что это невозможно, и невозможно потому, что въ каждой азбукѣ существуютъ звуки сочетанія звуковъ, въ силу которыхъ одна и та-же буква произносится различно предъ сочетан-

«следы произвождения и сложения речений» (т. е. родственные связи между словами). Тредиаковский был сторонником первого, Ломоносов — второго. Ломоносов был прав в этом споре, как показало дальнейшее развитие науки. Но у самого Ломоносова не было достаточно убедительных аргументов; наука того времени не могла решить этот спор, и лишь современная лингвистическая теория дает убедительные ответы на вопросы, впервые остро поставленные Тредиаковским. (Советуем читателю познакомиться с увлекательно написанной книгой М. В. Панова «И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках». М., 1964. Она в доступной форме и в то же время научно отвечает на эти вопросы.)

А они волновали русских орфографистов и в XIX веке. На рисунке 2 вы видите отрывок из статьи на эту тему; она тоже напечатана с некоторыми отклонениями от принятой в то время орфографии.

На протяжении последних двух столетий происходила непрерывная борьба за усовершенствование и упрощение русского правописания. И почти все это время выходили книги и статьи, наглядно, самым своим внешним видом, агитировавшие за новую, «изобретенную» их авторами орфографию.

Вплоть до 1917 года, когда Советское правительство провело реформу орфографии, шла борьба за изъятие из русского алфавита «лишних букв». Это: ъ — «ять» (которая передавала тот же звук, что и буква е), ѓ — «фита» (передавала тот же звук, что и ф), і — «и десятиричное» или и — «и восьмеричное» (обе передавали один и тот же звук и), ъ — «ер» на конце слов (который не передавал никакого звука) и уже знакомая нам «ижица», которая писалась всего в нескольких словах.

Букву ъ на конце слов уже Ломоносов назвал чем-то вроде пятого колеса в телеге. А его ученик Антон Барсов вполне решительно заявлял, что можно писать без ъ: *Антон* (вместо *Антонъ*). В 1781 году была сделана первая попытка осуществить это практически: по инициативе тогдашнего директора Академии наук С. Г. Домашнева один отдел «Академических известий» был напечатан без ъ на конце слов. В середине XIX века не одна книга вышла без конечных «еров». Особенно много таких книг появилось в начале XX века, когда шла острая борьба за реформу правописания.

В полезности буквы ъ первым усомнился в середине XVIII века Н. Г. Курганов, автор «Новейшего письмовника» (упомянутого Пушкиным в «Истории села Горюхина»). А в начале XIX века писатель и переводчик Д. И. Языков написал так: «Буква ъ, потеряв настоящий свой выговор, походит на древний камень, не у места лежащий, о который все спотыкаются и не относят его в сторону затем только, что он древний и некогда нужен был для здания». С этой буквой боролись в течение всего XIX века. Ее проклинали передовые педагоги, видевшие в ней препятствие к

ФІЛОКТИТ.

Разве і ты можеш сделать упрек всегубящім
Атридам, разве і ты імееш прічины сердіться на нїх
за оскорбленія?

НЕОПТОЛЕМ.

О! да будет когда нїбудь возможно моеі руке
удовлетворить гневу! да узнают Мікіны і Спарта (19),
что і остров Скір был отцом могучіх мужей!

Рис. 3. Текст из книги Н. М. Тимаева (1856 г.)

распространению грамотности. «Язвой народной школы» назвал Ъ один учитель уже в начале XX века.

И вот в середине XIX века некто Н. М. Тимаев, скрываясь под двумя разными псевдонимами, выпустил две любопытные книжки (см. рисунки 3 и 4). Орфография их резко отличалась от принятой в то время. Сам автор назвал свое правописание «безъяцким». Впрочем, изгнал он не только «ять», но и другие лишние буквы (прочтите текст на рисунке 4). Текст на рисунке 3 кажется внешне необычным потому, что для обозначения звука *и* выбрана непривычная для нас буква *і*. А вот орфография второй книги почти как наша современная.

Интересно и еще одно смелое новшество Тимаева: он первым отважился не писать *ь* после *ж, ш, ч, щ*: *поч, доч, помощ, реч, за-*

Предисловіе.

Господин читатель! Эту книжку о богах греческих я написал правописанием безъяцким, то есть я выпустил букву Ъ и другія излишнія буквы, как например: *ѡ, і, ѣ* на конце слов. Эти буквы бесполезны: оне затрудняют только грамоту, затрудняют учение, а у нас и без них есть чему поучиться. У меня есть земля,

Рис. 4. Текст из книги Н. М. Тимаева (1860 г.)

Ветер качает рож

Чумаков

Что это? Как это? Неужель мы разбиты?
Сумрак голодной волчицей выбежал кровь зари
лакать.

О, эта ночь! Как могильные плиты,
По небу тянутся каменные облака.
Выйдешь в поле, зовешь, зовешь.
Кличешь старую рать, что легла под Сарептой,
И глядишь и не видишь: то-ли зыбится рож,
То-ли желтые полчища пляшущих скелетов.

Рис. 5. Так была напечатана в 1922 году поэма С. Есенина «Пугачов» (в тексте есть «опечатки», которыми в данном случае оказываются обычные, правильные написания!)

жеч, лиш, не оскорбиш (два таких написания вы найдете на рисунке 3). Позже — уже в XX веке — так предлагали писать многие, в том числе Есенин (рис. 5).

На рисунке 6 вы видите страницу из журнала «Учитель» за 1862 год. Это начало отчета о двух орфографических совещаниях из числа тех, которые были организованы в петербургских педагогических кругах В. Я. Стоюниным, известным педагогом и автором грамматических трудов. Можно считать, что это была первая в России Орфографическая комиссия. Отчеты о работе решено было печатать с применением тех орфографических новшеств, которые были приняты на заседаниях (обратите внимание на сноску на рисунке 6). Других воздействий на орфографическую практику стоюнинские совещания не оказали, но они имели значение для будущего: во время этих обсуждений были выявлены многие несовершенства русской орфографии.

В течение всего XIX века в русском правописании так и не было осуществлено коренных преобразований, но в конце столетия крупнейший ученый-филолог Я. К. Грот навел в орфографическом хозяйстве относительный порядок: сформулировал многие правила, устранившие в ряде случаев орфографический разнобой.

В начале XX века борьба за усовершенствование и упрощение русского правописания стала очень напряженной. В 1901 году с проектом орфографической реформы выступило Московское педагогическое общество. К нему присоединились общества других городов. А с 1904 года началась деятельность Орфографической

ТРЕТЬЕ И ЧЕТВЕРТОЕ СОВЕЩАНИЯ ПО ВОПРОСУ ОБ УПРОЩЕНИИ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ (*).

На третьем и четвертом совещаниях (31 марта под председательством Г. И. Наульсона и 13 апреля под председательством Н. Х. Весселя) продолжали разсматривать русский алфавит, составляющий второй отдел предполагаемой программы орфографических совещаний. В реферате г. Киневича, прочитанном на втором совещании, было высказано желание исключить из нашего алфавита *ѣ* и *ѣ̆*, а над тою согласною, которую должно произносить мягко, ставить надстрочный знак; вместо же *ѣ* в середине слова ставить черточку (*тире*). В защиту этих букв было высказано несколько мнений. Во первых говорилось об этимологическом значении *ѣ* и *ѣ̆*, посредством которых объясняется происхождение некоторых грамматических форм. Во вторых указывалось на непрактическую сторону исключения: все так привыкли к этим буквам, что трудно предполагать, чтобы предлагаемая новизна вошла в употребление. В третьих

• • • • •
• • • • •

(*) Отныне мы, при печатании отчета, будем придерживаться орфографии, принятой на совещаниях, и вносить в нее все изменения, которые впредь будут делаться. Таким образом можно будет наглядно удостовериться, на сколько цель упрощения достигается. Заметьте однако, что буквы *ѣ* и *ѣ̆*, исключенные съ общаго согласія, оставлены нами по необходимости: въ типографахъ нѣтъ приета для соответствующихъ имъ новыхъ знаковъ.

Рис. 6. Текст из журнала «Учитель» (1862 г.)

Таково учение, развившееся на почве точного изучения природы. Оно носит общее название „Детерминизм“.

По мере того, как развивалось это учение, из природы постепенно выселялось все разнородное, все мыслящее и свободное. Сначала, как мы видели, люди пришли к заключению, что не существует никаких нимф, фей, леших, никаких богов, живущих на земле; а существует лишь Единый Бог-Дух. Но затем и существование Единого Бога подверглось сомнению и, наконец, это существование совсем стали отрицать. Бога не существует. В природе царят лишь неизменные, непреложные Законы Природы. И живет природа не по Воле Божией, а по этим Законам. И отсюда следует, что эту жизнь, которая не есть проявление свободной воли Высшего Существа, а лишь результат действия однообразных Законов, человек может изучить и понять всю, вполне и в совершенстве.

Рис. 7. Текст из книги, изданной в 1913 году

комиссии Академии наук, в которой руководящую роль играли академики Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов. Проекты реформы, выработанные этой комиссией, публиковались дважды — в 1904 и в 1912 годах. В них предлагалось освободить русское письмо от всех лишних букв и от некоторых трудных для усвоения правил.

Борьба за реформу орфографии оказалась длительной и острой; это была в конечном счете борьба за демократизацию культуры. Неудивительно, что русское общество раскололось на два лагеря.

В борьбе с консерваторами сторонники реформы использовали самые различные средства, например печатали книги в соответствии с орфографией, предложенной Академией наук. Посмотрите на рисунок 7: это страница из книги, выпущенной в 1913 году. На первый взгляд кажется, что она напечатана в наши дни, лишь при внимательном просмотре можно обнаружить написания, отличные от современных.

Реформа в том виде, как ее подготовила Академическая комиссия, была, как известно, осуществлена в 1917—1918 годах. Русский алфавит наконец-то освободился от лишних букв. Обучающимся письму не нужно было больше запоминать длинные списки слов с ъ, искусственные правила (например, об окончаниях *ие* — *ия* прилагательных). Орфографические правила стали более обоснованными с точки зрения современного языка и потому более легкими.

К новой орфографии привыкли быстрее, чем можно было предположить. И довольно скоро выяснилось, что реформа 1917—1918 годов была недостаточно решительной, что устранены далеко

без прописных

в порядке обсуждения

В. Е. ЛЬВОВ

около двух лет назад нами был поднят впервые в «красной газете» вопрос об особом орфографическом нововведении, все своеобразие которого заключается в значительности технико-экономических последствий, покупаемых тут ценою совершенно внешне ничтожной и по сути дела мало заметной для глаза операции, речь идет о полном упразднении прописных букв, наглядной иллюстрацией чему является данная статья, печатаемая «без прописных».

в связи с общей «орфографической революцией», со всею энергиею дискутируемой в текущие дни, аналогичное предложение было выдвинуто недавно в «красной газете» я. и. перельманом, чья аргументация и выводы вполне совпали с высказанными нами в декабре 1927 г., но иначе и быть не может: предлагаемая реформа слишком ясна и самоочевидна, она давно уже «носится в воздухе», и не только у нас в ссср, но и на западе.

Рис. 8. Эта статья появилась в 1930 году в журнале «Журналист»

не все несовершенства русской орфографии. Стали появляться новые проекты. На страницах газет и журналов развернулись дискуссии, в частности, дискуссия о том, нужны ли прописные буквы. И опять автор одной из статей решил прибегнуть к «наглядной агитации» (см. рисунок 8).

В 1929—1930 годах реформой орфографии занялась Комиссия при Главнауке. Ее проект (весьма далекий от совершенства) был решительно отвергнут. Вопрос о реформе орфографии был надолго снят, ученые занялись другим: упорядочением правописания, устранением разнобоя. Результатом этой работы явились «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 года — первый полный свод правил правописания.

И, наконец, в 1962 году (ровно через сто лет после заседаний первой Орфографической комиссии и почти через полвека после реформы 1917—1918 годов) снова встал вопрос о реформе. Инициатива опять принадлежала учителям. В Орфографическую комиссию при Институте русского языка, в газеты и журналы стали поступать многочисленные проекты: и очень смелые, и весьма умеренные, и всесторонне продуманные, и довольно легкомысленные... И опять многие авторы «наглядно агитировали» за свою орфографию. Отрывок из одного такого проекта — «Анашэм письме» В. П. Семенихина — был напечатан в журнале «Русский язык в школе» (1964, № 3). Эта новая попытка отстаивать фонетическую орфографию получила, однако, решительную отповедь у читателей.

История усовершенствования русского правописания изложена нами кратко и отрывочно. Если вы хотите подробнее познакомиться с этой частью истории русской культуры, обратитесь к следующим книгам:

1. Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.). М., изд-во «Наука», 1965.

В этой книге вы найдете оценку любого сколько-нибудь существенного орфографического предложения и сведения о том, когда и кем оно выдвигалось за последние 250 лет. К книге приложена обширная библиография, в том числе — список текстов, напечатанных по «индивидуальной» орфографии (более 100 номеров).

2. Орфография и русский язык. М., изд-во «Наука», 1966. В этой книге, рассчитанной на широкого читателя, рассказано об основных свойствах русской орфографии и об истории ее усовершенствования. Здесь вы найдете также главу «Язык, орфография и писатель».

НОВЫЙ ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Институт русского языка Академии наук СССР готовит новое издание орфографического словаря. Необходимость этой работы диктуется прежде всего возросшим у советской общественности интересом к вопросам языка вообще и к вопросам правописания в частности.

Составление нового орфографического словаря русского языка — актуальная задача, решение которой отвечает запросам самых широких

кругов читателей, испытывающих острую потребность в этой книге. Орфографический словарь — нужное буквально для каждого справочное издание. Ведь все хотят писать грамотно, а это дается нелегко, если учесть постоянное пополнение словарного состава, а также известные трудности нашей орфографии. В Институт русского языка поступает много писем, авторы которых жалуются на непоследовательность, раз-

нобой и противоречия в написании некоторых слов. Особенно нелегко разобраться в слитном и раздельном написании сложных слов, наречий, в написании одного и двух *n* (например, *раненный* и *раненьий*, *жаренный* и *жареньий*), неясен вопрос о слитном и раздельном написании частицы *не* (*неженатый* и *не женатый*, *непонятно* и *не понятно*, *неизвестен* и *не известен*) и т. п.

Конечно, не все трудные случаи могут быть отмечены в орфографическом словаре, но все-таки во многом он поможет разобраться, даст наиболее типичные, важнейшие категории слов и их правильные написания.

Новый орфографический словарь вовсе не ставит своей целью внести какие-либо нововведения в существующий свод правил правописания, а, как и предыдущие его издания, ориентируется на действующее «Правила русской орфографии и пунктуации» (М., Учпедгиз, 1956). На основе этих правил ранее уже вышло два издания словаря. Первое совпало с годом выхода свода правил 1956 года. Следующие затем выпуски (1957, 1958 и 1959 годов) печатались без изменений с первого издания и, таким образом, хотя и получали новую нумерацию, фактически воспроизводили первоначальный текст. Второе издание, исправленное и дополненное, относится к 1963 году (следующее — 1965 года — было стереотипным). Сейчас возникла необходимость подготовить новое (третье) издание словаря, которое должно быть более полным: в него будут включены слова, появившиеся в последние годы.

Пополнение словарного состава — естественный, неизбежный процесс. Много новых слов возникает в ходе развития производства, различных отраслей промышленности и сельского хозяйства, науки и техники. Их надо внести в новое издание

словаря. Кроме того, необходимо унифицировать написание многих специальных терминов, выраженных сложными словами.

Анализ поступающих в Институт русского языка писем показывает, что в списках слов, рекомендуемых для дополнения словаря, очень много узкоспециальной терминологии. Ввиду того, что ни один словарь общего типа не в состоянии охватить всю лексику (а орфографических словарей по всем разделам специальных знаний нет), задача, видимо, будет состоять в том, чтобы отобрать разнообразные типы терминов, их характерные модели. В то же время потребуется тщательный просмотр старого издания словаря с точки зрения необходимости тех или иных терминов (ведь некоторые из них устарели и заменены другими). Эта важная и трудная задача должна осуществляться в сотрудничестве языковедов со специалистами различных отраслей званий, в тесном контакте с Комитетом технической терминологии Академии наук СССР.

В новом издании орфографического словаря предполагается дать более полный список трудных для написания личных собственных имен (например, *Климент* и *Климентий*; *Фотина*, *Фотиния* и *Фетинья* и т. п.).

Сейчас в секторе культуры речи Института русского языка ведется составление словника, который будет охватывать примерно 110 тысяч слов. Срок сдачи словаря в издательство — 1968 год.

Можно надеяться, что читатели журнала «Русская речь», все, кто любит русский язык, окажут помощь составителям, внесут свои предложения о составе словаря и правописании отдельных слов.

Кандидат филологических наук
И. Ф. ПРОТЧЕНКО

Развитие современного русского языка

Развитие современного русского языка. М., изд-во АН СССР, 1963. 171 стр. (далее — I).

Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., изд-во «Наука», 1964. 363 стр. (II).

Развитие лексики современного русского языка. М., изд-во «Наука» 1965. 134 стр. (III).

Развитие словообразования современного русского языка. М., изд-во «Наука», 1966. 210 стр. (IV).

Развитие синтаксиса современного русского языка. М., изд-во «Наука», 1966. 223 стр. (V).

К изданию перечисленных сборников, посвященных проблемам развития современного русского языка, Институт русского языка АН СССР приступил в связи с разработкой проблемы «Русский язык и советское общество». В них опубликовано свыше 50 статей, в которых с различной полнотой рассматриваются и анализируются активные процессы, наблюдающиеся в лексике, словообразовании и синтаксисе на протяжении последних 50 лет. В статьях решаются как общие теоретические вопросы, касающиеся развития целой области грамматики, например, словообразования, так и частные, не выходящие за пределы словообразовательного типа, грамматической категории или синтаксической конструкции. В сборниках представлены статьи проблемные и описательные. Несмотря на различие тем, объектов и проблем исследования, терминологических определений и манеры изложения, сборники отличаются общностью, обусловленной хронологическими рамками привлеченного материала и единством оценки языковых процессов.

Наиболее существенным является обнаружение общих для всех областей языка (лексики, словообразования, морфологии и синтаксиса) тенденций и закономерностей, характеризующих как развитие структурных элементов, так и изменения экспрес-

сивно-стилистические. Это — процессы конденсации в лексике (в том числе и в словоупотреблении), в словообразовании и в синтаксисе (Д. И. Алексеев. Аббревиатуры как новый тип слов, IV; Т. Г. Винокур. Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи, III; Н. А. Янко-Трилицкая. Процессы включения в лексику и словообразовании, II; О. А. Лаптева. Некоторые эквиваленты общелитературных подчинительных конструкций в разговорной речи, V); процессы агглютинации, выражающиеся в словообразовании в активизации таких элементов сложения, как *сверх-, анти-, ультра-, супер-, макро-, микро-* и т. п. (Л. А. Капанадзе. Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики, III; В. Л. Воронцова. Процессы развития морфологических элементов, стоящих на грани морфемы и слова, IV), а в синтаксисе — в развитии номинативных групп, выступающих в функции несогласованного определения (Н. А. Янко-Трилицкая. Кратный именительный в функции определения, V), в «слипности», невозможности выделения частей сложного предложения (О. А. Лаптева. Указ. статья).

Материалы ряда статей подтверждают высказанное Д. Н. Шмелевым в статье: «О некоторых тенденциях развития современной русской лексики» (III) положение, что многие

языковые процессы обусловлены двумя наиболее общими внутренними факторами: тенденцией к регулярности, с одной стороны, и тенденцией к экспрессивности, с другой.

В статьях, посвященных лексике русского языка, рассмотрены вопросы, связанные с определением понятий лексикологии (понятия «термин», «заимствованное слово», «арготическое слово»); процессы пополнения лексики за счет появления новых слов как заимствованных, так и новообразований, стилистические перемещения в пределах лексики. Самостоятельный интерес представляет собранный материал. В этой связи необходимо отметить статью Л. П. Крылина «Иноязычная лексика в русской литературной речи 20-х годов» (III), в которой введен в обращение забытый и малоизвестный материал, почерпнутый из газет и журналов 20-х гг., а также из исследований Е. Д. Поливанова, С. О. Карцевского и А. М. Селищева, посвященных языку революционной эпохи и ставших библиографической редкостью. В статье Е. Ф. Петрищевой «Изменения в составе интеллектуально-оценочной лексики» (III) впервые отмечается факт стилистического расслоения собственно-нейтральной лексики, выведения на ее периферию тех слов, которые не только называют предметы и явления, но и дают им оценку. В статье Д. С. Лихачева «Арготические слова в профессиональной речи» (II) проблемы арго как факта языка и социальной функции арготического слова рассматриваются и разрешаются в тесной связи с анализом общественно-экономических явлений.

Для статей по словообразованию характерен интерес к общим вопросам словообразования: проблемам производного слова и его словообразовательной и морфологической структуры, к проблеме определения словообразовательного типа в целом и к исследованию взаимоотношений разных типов. Особое место занимает анализ отдельных грамматических разрядов как производящих основ современного словообразования — имен существительных нарицательных и собственных (две статьи В. П. Да-

шленко, II), имен прилагательных (статья М. А. Бакиной, IV).

Предложенное Е. А. Земской определение словообразовательного типа как объединения производных слов на основе лексико-грамматических свойств производящей основы, семантического соотношения между производным и производящим и словообразовательной структуры, по нашему мнению, больше отвечает специфике словообразования, чем определение словообразовательной модели и образца, предложенное Н. А. Янко-Трипицкой в статье «Закономерности связей словообразовательного и лексического значений в производных словах» (I). Н. А. Янко-Трипицка исходит из представления об общем значении суффикса, не учитывая при этом категориально-классифицирующего значения и суффиксальной омонимии. Суффикс *-ин-* в словах *южанин, горошина, баранина* и *соколиный* рассматривается как один и тот же. При определении значения производного слова признается существованием только значения производящей основы.

Проблеме словообразовательной и морфологической структуры производного слова посвящены две интересные в теоретическом и в методологическом отношении статьи Е. А. Земской «Понятие производности, оформленности и членности основ» (IV) и «Интерфиксация в современном русском словообразовании» (II). В первой статье привлекает внимание, во-первых, строго синхронный подход к определению словообразовательной структуры слова и, во-вторых, установление тесной взаимосвязи между производностью и структурой слова: производной основой из двух соотносимых основ признается та, которая обладает большей структурной сложностью. Деление основ на производные, оформленные и членимые в синхронном отношении, как нам кажется, не безупречно. Неясно, какова роль членимых, но непроизводных основ, так как вычленимые в них, помимо корня, «остаточные элементы» ни лексически, ни функционально не значимы (например, *-тух* в *пастух* и *-арус* в *стеклярус*).

Плодотворной следует признать попытку отграничить в производном слове морфологически значимые части (морфемы) от морфологически не значимых звуковых комплексов (так называемых интерфиксов), служащих для соединения основы и суффикса, основы и флексии или двух основ. Выделение и определение интерфикса довольно сложно, так как интерфиксы разнообразны по звуковому составу и неоднозначны по функциям. Некоторые из них, например *-e-* в непроизводных глаголах на *-еть* в составе продуктивного класса и непродуктивных групп, вопреки общему определению интерфикса, обладают классифицирующим значением (*-e-* участвует в оформлении слова именно как глагола). Понятие интерфиксации и самого интерфикса, очевидно, требует еще дальнейшего изучения и уточнения.

Об условиях образования отыменных глаголов на *-ить* Р. В. Бахтурина в статье, посвященной специально этому вопросу (IV), пишет, что «вероятность появления глагола от имени с основой на сонорную большая, чем вероятность появления глагола от имени с любой другой основой». Это положение справедливо, но требует дальнейшей конкретизации. Для того чтобы вскрыть подлинные причины преимущественного образования глаголов на *-ить* от имен с основой на сонорные, наверное, следовало бы учитывать комплекс условий, в том числе и семантические условия образования. Целесообразно было бы обратить внимание не только на падежные глаголы (в том числе и на окказиональные), но и на потенциальные (см.: И. С. Улуканов. Глаголы на *-еть* в современном русском языке, IV), а также тщательнее проанализировать причины, формальные и семантические, препятствующие как потенциальному образованию, так и фактической употребительности новообразований данного типа.

О. П. Ермакова в статье «О некоторых общих вопросах словообразования наречий» (II) делает попытку установить отличительные особенности образования наречий по сравнению с другими частями

речи. К бесспорным из отмеченных особенностей можно отнести только стабильность наречных словообразовательных аффиксов. Все остальное далеко не так бесспорно. Как для адвербиализации, так и для адъективации и субстантивации характерно не только приобретение новых признаков, но и утрата уже имевшихся. Как «возможность образования», как потенциальный (а не реальный) состав слов существуют не только качественные наречия, но и ряд других слов разных частей речи, регулярно образующихся по продуктивным моделям. Не только среди качественных наречий распространено явление, названное автором «вторым рождением» слова. Это явление, как правило, бывает связано не с категорией принадлежности слова, а с его индивидуальной судьбой — развитием новых значений у него самого или у того слова, от которого оно образовано (именно таково, как это отмечает и О. П. Ермакова, судьба слов *небесно* и *по-либеральному*).

Вызывает сомнение и положение другой статьи О. П. Ермаковой («О некоторых изменениях в системе аффиксов и производящих основ качественных наречий» II) о возможности образования наречий непосредственно от существительных. Неопровержимым доказательством подобной возможности была бы не семантическая соотнесенность наречий с существительными, а невозможность образования прилагательного при потенциальном или наличном наречии. Но отмечается как раз обратное. «Однако наречия, — пишет О. П. Ермакова, — как правило, не образуются от существительных, от которых по какому-то фонологическим условиям (тип морфы) не может быть (разрядка автора. — В. Р.) образовано прилагательное (хотя бы другим путем)».

Среди словообразовательных проблем не последнее место занимает проблема терминологического обозначения новообразованного слова. Ее решению посвящена статья Эр. Ханниры «Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании» (IV). В центре внимания находится соотношение «потенциального» и «окказионального» слов,

первое из которых представляет собой реализацию продуктивной языковой модели, а второе — непродуктивной языковой или неязыковой, а речевой модели. Нам представляется не совсем правомерным связывать образование окказиональных слов только с непродуктивными языковыми моделями. Оно может определяться и действием продуктивной модели. Только эта последняя действует не непосредственно, а через посредство образованной при ее поддержке речевой модели (см. замечания об образовании по аналогии в статье Д. Н. Шмелева «Об одном случае активной аналогии в современном русском языке», II).

В статьях по морфологии обращено внимание на такие активизировавшиеся в последнее время процессы, как несклоняемость имен собственных (фамилий и географических названий), употребление существительных мужского рода для обозначения лиц женского пола, образование и употребление нулевых форм родительного падежа множественного числа существительных мужского рода, регулярность образования форм множественного числа существительных и форм сравнительной степени прилагательных как реализация потенциальной возможности, заложенной в изменении слов (существительных — по числам, качественных прилагательных — по степеням сравнения).

И. П. Мучник, признавая в своей статье «Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке» (I) изменяемость существительных типа *дежурный — дежурная, больной — больная* по родам, исходит из следующего предположения: слова *больной — больная* называют один и тот же «предмет» (лицо, характеризующееся по какому-либо признаку), а родовое оформление этих слов [-*ой* (-*ый*) — *-ая*] указывает лишь на различные отношения (этот факт отношения и характеризуется в данном случае как грамматический) к мужскому или женскому полу. И. П. Мучник последователен в своих допущениях, но основной тезис, из которого он исходит, представляется недостаточно грамматичным. Категорию

рода в целом, по мнению И. П. Мучника, составляют две группы синтаксико-морфологических форм рода: первая группа форм связана с различием по биологическому полу (семантические противопоставления), а вторая группа — нет (асемантические противопоставления). Иначе говоря, родовые противопоставления, отражающие реальные различия по полу, выступают как морфологические. Более грамматически выдержанной представляется точка зрения, в соответствии с которой семантические противопоставления (в том числе и противопоставления по полу) выражаются лексически и могут поддерживаться грамматическим противопоставлением (морфологическим или словообразовательным). В статье констатируется, что в советскую эпоху, и особенно в последние годы, появилось широкое распространение синтаксическое обозначение рода в конструкциях типа: *наш врач приехал — наш(а) врач приехала*. При этом существительные мужского рода, называющие лицо по характеру его деятельности, фактически признаются существительными общего рода. При грамматической квалификации этого явления вновь вызывает сомнение правомерность отождествления пола лица и грамматического рода. В конструкциях типа: *врач пришла, педагог вышла*, — как нам кажется, имеет место не грамматический процесс изменения в структуре категории рода, а активное вторжение семантики (вернее, внеязыковой ситуации). Существительные *врач, педагог, диспетчер, контролер, водитель* и т. п., в том случае, если они называют женщину, не «меняют» мужской род на женский (мнение о «непричастности» существительных — названий лиц к существительным общего рода высказано в статье Н. А. Янко-Триницкой «Наименование лиц женского пола существительными женского и мужского рода» (IV), в которой убедительно показаны отличия анализируемых существительных от «двуродовых»), но сказуемое при подлежащем, обозначающем существительным мужского рода деятеля-женщину, может получать форму женского рода, определяющуюся по

лом названного лица. Форма рода глагола в этих случаях грамматически самостоятельна, но ситуационно обусловлена.

В статье И. П. Мучника «Неизменяемые существительные, их место в системе склонения и тенденции развития в современном русском литературном языке» (II) отмечается тенденция не изменять по падежам не только иноязычные заимствования, но и незаимствованные имена существительные: буквенные и звуковые аббревиатуры, сложносокращенные существительные, фамилии и географические названия на *-о* (*-ево*), *-ино*.

В двух статьях Л. К. Граудиной (II) указывается на активизацию в последние годы непродуктивной формы родительного падежа множественного числа существительных мужского рода с нулевым окончанием, которая уже в XIX в. определялась как устаревшая. Рост употребительности формы ставится в зависимость от социальных факторов: утверждение ее в профессиональной речи (ср. образования типа «двести грамм») вопреки действующей в языке тенденции закрепления в качестве нормы формы на *-ов*. Следует добавить, что действие социального фактора не противоречит и собственно языковой традиции употребления форм с нулевым окончанием после числительных при выражении «чистой множественности» (см.: С. П. Обиорский. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 2. Л., 1931, стр. 161). Единицы измерения почти не употребляются без числительного и в именительном падеже единственного числа, в связи с чем не создается нежелательная омонимия с формой родительного множественного.

В статьях по синтаксису затрагиваются в основном частные вопросы развития синтаксиса, что обусловлено как спецификой привлекаемого для анализа материала, так и тенденцией языковых изменений в этой области (Е. А. Иванчикова. О развитии синтаксиса русского языка в советскую эпоху, V). Большое внимание уделено структуре и организации высказывания, а также функционированию отдель-

ных типов предложений и их частей. В статьях затрагиваются и общие вопросы структуры словосочетания и предложения: отмечается развитие именных словосочетаний в результате переразложения глагольных (Н. Н. Прокопович. О процессах структурного преобразования словосочетаний в современном русском языке, V), развитие сочетаний аналитического типа с примыкающим определением (Н. А. Янко-Триппкая. Проблема номер один, II; Кратный именной в функции определения, V), становление некоторых типов «неполных» предложений как особых структур (Г. А. Золотова. К развитию предложно-падежных конструкций, V).

Большую роль в развитии именных словосочетаний, как это можно заключить из материалов ряда статей, играет употребление «отрезков» предложений в заглавиях, растущая употребительность номинативных предложений и «популярность» присоединения как экспрессивного приема организации высказывания.

Наибольший интерес представляют статьи, посвященные активным процессам, протекающим в речи (приемы актуализации) и в языке (создание новых структур как следствие актуализации). При исследовании современного синтаксиса естествен интерес к синтаксису устной речи (О. А. Лаптева. Указ. статья; Г. П. Уханов. Типы предельный разговорной речи, соотносительные со сложными синтаксическими единствами, V), во-первых, в силу активного воздействия устной речи на письменную, а во-вторых, в связи с тем, что ряд общих процессов отличается в устной речи большей наглядностью, а возможные тенденции развития проявляются с большей определенностью. В конструкциях разговорной речи возникают и оформляются новые функциональные разновидности придаточных предложений (Г. П. Уханов), отчетливо выражена «экспансия» бессоюзных структур (О. А. Лаптева). Синтаксический «механизм» процесса «упрощения» сложного предложения, сопровождающийся изменением его структуры, хорошо показан Г. П. Ухановым.

Три статьи А. С. Попова объединяются не только тематически, но и синтаксико-стилистическим аспектом анализа материала. В статье «Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке» (V) обращают на себя внимание предложения, в которых в результате интонационного выделения именительный темы представлен как самостоятельная номинативная группа и отделен от остальной части высказывания точкой или восклицательным знаком (см. аналогичные предложения в книге Н. Ю. Шведовой. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966, стр. 144—146). Не следует ли, особенно в последнем случае, говорить уже о номинативном предложении? Спорным является и отношение к именительному темы следующих номинативных предложений: «Родная природа! Подмосковные вечера и ленинградские ночи, шум морского прибоя и пьянящий запах хвои... Любовь к родной природе мы вшиваем с молоком матери».

В статье «Изменения в употреблении номинативных предложений» (V) не вызывает сомнения квалификация номинативных предложений как «тонкого, порою изысканного стилистического явления художественной речи». Сами по себе номинативные предложения никакой изысканностью не обладают, а их употребление не свидетельствует о стилистической манерности. Но в художественной речи, как и в стихах, так и в прозе, они могут быть использованы как стилистически значимые. Импрессионистичность и изысканность упомянутого в статье стихотворения А. Фета «Шепот, робкое дыханье...» определяются не столько употреблением номинативных предложений, сколько искусной звукописью, чередованием аллитераций. Название третьей статьи «Синтаксическая структура современных газетных заголовков и ее развитие» (V) не совсем точно определяет представленный и описанный материал. В ней речь идет скорее о направлении процессов развития газетных заголовков.

В статье «О некоторых синтаксических тенденциях в стиле современной прозы» (V) О. А. Лаптева развивает один из тезисов своей названной выше статьи о том, что в настоящее время наблюдается «закрепление» языковых средств за различными стилями, если это касается литературного языка, или ситуациями речи. Приведенный материал, умело сопоставленный, не вызывает сомнений в правильности основных положений автора: в научном стиле подвергается сокращению инвентарь языковых средств литературного языка, и для отобранных средств характерна обязательность употребления как следствие внутрителиевой нормативности. Вызывает возражение только одно замечание: «Самая форма выражения в научном тексте становится все менее значимым его компонентом за счет увеличения весомости другого его компонента „содержательного“. Мысль, если можно так сказать, „расковывается“». С одной стороны, действительно, все средства выражения подчиняются содержанию, но, с другой, ограничение инвентаря языковых средств, строгая стилиевая ограниченность, растущая стандартизация и «безликость» научного стиля неминуемо «сковывают» мысль, заставляя ее «излагаться» в ограниченных рамках.

Две статьи в рецензируемых сборниках стоят вне перечисленных тем. Это — интересная статья М. В. Павлова. «О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) и полезный обзор В. В. Веселитского «О роли русского языка в развитии и обогащении языков народов СССР (Обзор литературы)» (I).

Пять сборников, выпущенных Институтом русского языка АН СССР и посвященных проблемам развития современного русского языка, несомненно, внесли много нового и интересного в разработку общих вопросов русской грамматики, словообразования и лексики и существенно дополнили описание и характеристику разделов, составляющих эти области русского языкознания.

**Кандидат филологических наук
В. А. ПЛОТНИКОВА-РОБИНСОН**

Краткий словарь произношения и ударения

(Продолжение. Начало см. в № 2, 3 и 4 с. г.)

Сокращения: *доп.*— допустимое в стилях речи; *проф.*— профессиональное; *разг.*— разговорное, употребляемое в обиходной, бытовой речи образованных людей; *устар.*— устарелое, употребляемое в речи представителей старшего поколения.

пошиб [*не пошиб*]
прачечная (произносится: прачешная)
превозойдённый [*не превзойденный*]
превознесённый [*не превознесенный*]
предвосхищенный [*не предвосхищенный*]
предложить [*не предлoжить*], *прош.* предложил, предложила [*не предлoжил, не предлoжила*]
предпринять [*не предпринять*], *прош.* предпринял, предприняла [*не предпринял, не предприняла*]
предрёкший [*не предрёкший*]
предродовой [*не предрoдовой*]
предупрежденный [*не предупрежденный*]
преёмник [*не преёмник*]
преёмница [*не преёмница*]
премину́ть [*не преминуть*]
премирование [*не премирoвание*]
премированный [*не премирoванный*]
премировать [*не премирoвать*]
преподнесённый [*не преподнесенный*]
прервать, *прош.* прервал, прервала [*не прервал, не прервала*]
пресс, *мнoж.* прессы, -ов (*проф.* пресса, -ов)
пресса [*не прэсса*]
престиж [*не прэстиж*]
преуменьшенный, *доп.* преуменьшённый
прецедент [*не прецендент*]

прибрать, *прош.* прибрала, прибрали [*не прибрала, не прибрали*]
прибыть, *прош.* прибыла [*не прибыла, не прибыла*]
приведённый [*не привeденный*]
привезённый [*не привeзенный*]
привнесённый [*не привнесенный*]
пригнутый [*не пригнyтый*]
приговор (*не приговор*)
приз, *мнoж.* призы, -ов [*не призы, -ов*]
призыв [*не призыв*]
принесённый [*не принесенный*]
принцип [*не принцип*]
принять, *прош.* принял, приняла [*не принял, не приняла*]
приободрить [*не приободрить*]
приобретение [*не приобретение*]
приобретённый [*не приобретенный*]
припёрченный [*не приперчённый*]
припёрчить [*не приперчить*]
прирост [*не прирост*]
приручённый [*не прирученный*]
пристань, *мнoж.* пристани, -ей [*не пристаней*]
приуменьшенный, *доп.* приуменьшённый
проведённый [*не провeденный*]
произведённый [*не произвeденный*]
произнесённый [*не произнесенный*]
проклясть, *прош.* проклял, прокляла [*не проклял, не прокляла*]
пропёрченный [*не проперчённый*]
пропёрчить [*не проперчить*]

пропечённый [не пропеченный]
прорезанный [не прорезанный]
проржаветь [не проржаветь]
просверлённый [не просверленный]
простыня, *множ.* прбстыни, про-
стынь, простыням [не прбстыням,
не прбстыням]
профессор, *множ.* профессорá, -бв
(устар. профессоры, -ов)
профиль, *множ.* прбфили, -ей [не
профиля, -ей]
процент [не прбцент]
протчий [не прбтчий]
пруд, -á [не пруда]
пряжильный (*проф.* прядильный)
псевдоним [не псевдоним]
пуловер [не полувер, не пуловер]
пустынный (произносится: пустыш-
ный)
путепровод [не путепровод]
путь, путí, муж.
пуховый [не пуховой]
разбалованный [не разбалованный]
разбаловать, -ся [не разбаловать,
-ся]
разблокировать [не разблокиро-
вать]
разведённый [не разведённый]
разновременный [не разновремен-
ный, не разновременный]
разноименный [не разноименный]
разрежённый [не разрежённый]
ракурс (*разг.* ракурс)
ракушка (не ракушка)
рапорт (*проф.* рапорт)
раскупорить [не раскупорить]
рассечённый [не рассеченный]
рассредоточение [не рассредоточение]
раструб [не раструб]
рвать, *прош.* рвал, рвала [не рвала]
револьвер [не револьвер]
редактор, *множ.* редакторы, -ов
(*разг.* редакторá, -ов)
рейд [не рейд]
рейс [не рейс]
рельс, -а, муж. [не рельса, -ы, жен.]
ремень [не ремень]
ржаветь [не ржаветь]
родить, *прош. сов.* родила, родили
[не родила, не родили]
роман [не роман]
рудник, -á, [не рудник, -а]
руководить, руководишь, руководит
[не руководишь, не руководит]
рупор, *множ.* рупоры, -ов [не ру-
пора, -бв]

русло, -а [не русло, -á]
сажень, *доп.* сажень
сантиметр [не сантиметр]
сват, *множ.* сваты, -ов [не сваты, -ов]
свежённый [не свежённый]
свёкла [не свекла]
сверлить [не сверлить]
сдать, *прош.* сдалá, сдало [не сдала,
не сдало]
сегмент [не сегмент]
сёрвис (произносится с твердым с:
сэрвис)
силос [не силос]
силосный [не силосный]
симметрия [не симметрия]
сиротá, *множ.* сироты, сирот [не
сироты, не сирот]
ситро, *нескл.*
скворечник (произносится: скво-
решник)
складчина [не складчина]
ско́лько, ско́льких, ско́льким [не
скольких, не скольким]
скрепить, скреплю, скрепишь [не
скрепишь]
скрепленный [не скрепленный]
скучно (произносится: скушно)
ску́чный (произносится: скушный)
слабее [не слабже]
слать, *прош.* слала [не слала]
слаще [не слаже]
случай [не случай]
сметённый [не сметенный]
сметливость [не сметливость]
сметливый [не сметливый]
снадобье [не снадобье]
снайпер, *множ.* снайперы, -ов [не
снайперá, -бв]
снять, *прош.* сняла, сняло [не сня-
ла, не сняло]
соболезнование [не соболезнование]
собрать, *прош.* собрала, собрало
[не собрала, не собрало]
современник [не современник]
современность [не современность]
современный [не современный]
созвониться, созвонитесь, созво-
нится [не созвонитесь, не созво-
нится]
созыв [не созыв]
соименный [не соименный]
сомкнутый [не сомкнутый]
соплеменник [не соплеменник]
сосредоточение [не сосредоточение]
сбус, *множ.* сбусы, -ов [не сбуса, -бв]
спать, *прош.* спала [не спала]

АЭРОБУС Изобретена новая машина? Есть самолет, вертолет. «А что же такое *аэробус*?» — спросит читатель, увидев заметку «Аэробусом — до Москвы» («Ленинградская правда», 11 апреля 1967). Оказывается это обычный самолет, а назвали его так, чтобы сообщить о новой форме обслуживания пассажиров: продаже билетов «не в кассе, а прямо у трапа самолета незадолго перед его стартом».

ГИДРО-БУС Наш читатель А. Д. Поспеев (Ленинград) пишет: «Новое слово *аэробус* кажется мне не слишком благозвучным и недостаточно обоснованным. Если его применение закономерно, прошу зарегистрировать мой приоритет на изобретение слова *гидробус* (вместо *речной трамвай*)».

А. Д. Поспеев в шутку изобрел новое слово, однако и его *гидробус*, пожалуй, следует зарегистрировать. Вдруг он кому-нибудь понадобится? Ведь понадобилось журналистам из «Ленинградской правды» редкое (или новое для них) слово *аэробус*. Цель, которую преследовал автор газетной заметки, достигнута: в сознании читателя сблизилась понятия «самолет» (благодаря первой части слова — *аэр*-, ср. аэрофлот, аэропорт и т. п.) и «автобус», «троллейбус», (благодаря второй части — *-бус*).

Слово прозрачно по составу, но само по себе необычно. И заметка в двадцать строк, безусловно, обратила на себя внимание читателей, а это очень важно для газеты. Кстати, слово *аэробус* изобретали и раньше: когда-то оно попало Л. В. Успенскому, автору известной книги «Слово о словах» (М., 1957, стр. 244).

Слова, подобные *аэробусу* и *гидробусу*, лингвисты называют окказионализмами — новообразованиями или употреблениями «по случаю» (латинское *occasionalis* «случайный»). Виктор Червиченко из Архангельска справедливо замечает, что не только писателям «разрешается образовывать слова». Люди с богатой речью, самые обыкновенные люди, а тем более художники слова и работники слова (это журналисты) изобретают слова постоянно. Редкие изобретения входят в обычай, в язык, т. е. становятся достоянием всех. Иные рождаются в речевом акте и тут же умирают (даже если они и записаны — это неважно), но могут когда-нибудь воскреснуть опять, «по случаю», — всерьез или в шутку. Сознательная речевая деятельность — это не только воспроизведение, но и созидание.

ИЗЫСКАННАЯ ПРИХОТЛИВОСТЬ Наш читатель москвич Юрий Сергеевич Бобылев спрашивает: «Входит ли в понятие культуры речи ее эстетический элемент — вкус как „чувство соразмерности и образности“ (Пушкин), как понятие „изысканной прихотливости“ (Даль), как „чувство склада и лада“ (Чуковский)?». На этот вопрос можно ответить только положительно. Воспитание языковой

культуры предполагает как овладение канонами (нормой), известным запасом речевых средств, так и развитие чувства языка, языкового вкуса. Нельзя согласиться с теми, кто призывает в употреблении слов руководствоваться только логикой. Так, А. М. Михайлов из г. Гурьева предлагает «слово *самолет* заменить первоначальным *аэроплан*». Он

НАЗАД — К АЭРОПЛАНУ? пишет: «По-видимому, в 30-х годах слово *аэроплан* было „трудным“, что и вызвало к жизни *самолет*. Но в настоящее время и в печати и в разговорной речи часто встречаются *аэродром*, *аэропорт* и даже *аэровокзал* — последнее слово, пожалуй, „потруднее“ *аэроплана*. Кроме того, слово *аэроплан* довольно точно определяет летательный аппарат, использующий подъемную силу воздуха, в то время как под понятие ‘самолет’, вообще говоря, подходит и вертолет, и воздушный шар, и даже космический корабль».

Слово *самолет* известно русским давно: при Петре I на *самолете* переправлялись через Неву, на пароходах общества «Самолет» (их часто и называли *самолетами*) плавали по Волге в XIX — начале XX веков, на *ковре-самолете* летали и до сих пор летают герои народных сказок. На заре авиации распространилось название *аэроплан*, но потом оно было вытеснено старым русским словом *самолет*, получившим новое значение. Приговор «логичному» слову *аэроплан* уже подписан — у языка своя логика.

**„ЧТОБЫ
ДО СМЫСЛА
ДОКО-
ПАТЬСЯ...“**

В журнале «Крокодил» (1966, № 28) напечатано сатирическое стихотворение Александра Николаева «Ассамблея футболистов». Автор сознательно идет на некоторые преувеличения, стремясь высмеять тех, кто без надобности, а главное, неправильно употребляет иностранные слова:

Словарь иных газет каков?
В них замелькали слишком часто
То вдруг «симпозиум стрелков»,
То вдруг «коллоквиум гимнастов»...

Далее — о друге поэта, старшем дворнике Федоте, который, «для эрудиции» купив «иностраный разговорник»,

Собрал всех дворников на форум.
Он так изрек:
— В подвале грязь.
Что ждать нам резюме инстанций?!

Затем круг людей, совершающих явные злоупотребления, еще более расширяется:

Недавно я читал в газете
Статью профессора,
И тот
Так подбирал словечки эти,
Что, откровенно говоря,

Чтобы до смысла докопаться,
Его читать без словаря,
Пожалуй, лучше не пытаться...

Здесь же дано примечание:

«ОТ КРОКОДИЛА. И вправду сказать, многие наши ораторы, лекторы, авторы страсть как охочи до „красивых“ иностранных слов. Соберется, к примеру, на совещание по какому-либо серьезному вопросу группа ученых. И сразу в газетах: „форум“, „ассамблея“, „симпозиум“. А заглянул я в словарь и прочел:

„Симпосий — у древних греков званый пир... Симпосий проходил в разговорах, музыкальных и орхестических развлечениях (причем плясали и пели наемные лица), играх и разного рода забавах... Главным удовольствием С.

была попойка, которая нередко заканчивалась оргией... Участники С. возлежали на ложах, увенчанные цветами... Семейные женщины в С. участия не принимали: это право было признано только за гетерами“.

А ведь участники разрекламированного в иной газете „симпозиума“ обсуждают проблему борьбы с гриппом или выращивания огурцов в Заполярье. И не возлежат на ложах. И не учиняют оргий. За что же про них такие слова?!».

Про древних греков здесь все верно, но Крокодил мог бы взять и более новый словарь (их вышло немало после «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, т. XXIX А, СПб., 1900) — об этом пишет наш читатель А. Шендерович. Ставшее интернациональным, слово *симпозиум* давно порвало со своим аморальным прошлым и в своем изначальном смысле теперь не употребляется. В современных европейских языках, в том числе в русском, оно означает ‘международное совещание по какому-либо научному вопросу’ (в русские словари попало с середины 50-х годов). За что же про него такие слова?!

Право же, всякое злоупотребление вредно, в том числе и «иностранными разговорниками».

Надо ли так решительно изгонять слова, заимствованные из других языков? Призывать даже профессора обходиться без консилиумов, коллоквиумов и симпозиумов? Ведь применение их к месту, в соответствующем стиле речи, как говорят лингвисты, и уж, конечно, употребление их в настоящем смысле иногда совершенно необходимо. Следует помнить еще о возможностях сочетаемости слов, они для всяких слов не безграничны. А у новых заимствований, как правило, ограничены чрезвычайно.

В. Д.

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

Читатель М. В. Малфыгин из Ленинграда пишет: «Я — ровесник века, т. е. родился в первый год (1900) нашего века. Я считаю, что прожил шесть десятков лет и живу седьмой десяток. Как будто, это очевидно. Почему же все газеты и журналы, все

выступающие по радио и телевидению говорят, что у нас сейчас *шестидесятые годы*? Если встать на их точку зрения, то окажется, что сейчас у нас XIX век (19... годы!), что ребенок, которому исполнилось три года, живет третий год, и что я живу только шестой десяток (вот было бы хорошо!). В чем же дело? Нежелание вдуматься в сущность вопроса, инерция безграмотности или еще что-то?».

«Сейчас двадцатый век», «Мне идет седьмой десяток», «Мы живем в шестидесятые годы» — все эти примеры, приведенные М. В. Малфыгиным, неоднородны, в них использованы два различных способа обозначения. Столетия в русском языке принято называть порядковым номером от начала нашего летосчисления. Тот же самый принцип используется при обозначении возраста человека, где счет ведется от его рождения: «Ему пошел четвертый год», «Ему идет седьмой десяток». В этих случаях мы считаем, сколько лет, десятилетий или столетий прошло от определенного момента, какой год, десятилетие или столетие наступил (наступило).

По тому же принципу можно назвать и десятилетие, если важно подчеркнуть его очередность в столетии: тогда мы скажем, что сейчас седьмое десятилетие двадцатого века. Однако чаще в русском языке употребляются названия типа *шестидесятые годы*, образованные другим способом. *Шестидесятые годы* — это суммарное, обобщенное название десяти лет, в числовые обозначения которых входит составной частью слово *шестьдесят*: шестьдесятый, шестьдесят первый, шестьдесят второй и т. д.

Указанный способ обозначения десятилетий утвердился в русском языке давно. Уже в прошлом веке в России широко использовалось понятие «шестидесятые годы» — первые годы после реформы 1861 года, а общественных деятелей этого периода называли «шестидесятниками»; вспомним и название автобиографического романа А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» — о поколении, молодость которого протекала в пятое десятилетие XIX века... Нет никакой необходимости ломать эту давно установившуюся традицию обозначения десятилетий, в которой нет ничего лингвистически ошибочного.

ТОВАРИЩ

«Откуда произошло слово *товарищ*? — спрашивает А. Г. Кепен из г. Белово Кемеровской области. — Не бытовал ли этот термин среди купцов XVI—XVII веков, когда они собирались в караваны, защищая свой товар от нападения разбойников, или объединялись для совместной торговли одним товаром, откуда и пошли: „Товарищество купцов Сидорова и Поликарпова“, „товарищество на паях“, „товарищество на доверии“ и т. д.? Интересно, каким образом это слово пришло в среду рабочих-пролетариев?».

Слово *товарищ* появилось в русском языке в XIV веке. Происхождение этого слова объясняют так: оно представляет со-

бой сочетание двух слов *tavar iŝ* (или *eŝ*) и заимствовано из какого-то древнего тюркского языка. Слово *tavar* означало в тюркских языках 'скот', а также 'имущество, собственность' и вообще 'предметы торговли' (оно явилось источником и для русского слова *товар*, заимствованного еще раньше — в XII веке), а слово *iŝ* — 'друг, спутник' (ср., например, современное турецкое *eŝ* 'близкий, двойник; друг, товарищ'). Словосочетание *tavar eŝ* означало, следовательно, 'соучастник, компаньон в торговле', что и было, видимо, первоначальным значением русского слова *товарищ*. Заимствование этого слова древнерусским языком свидетельствует о древних торговых связях Руси с тюркскими народами.

Долгое время слово *товарищ* бытовало среди купцов, а затем капиталистов-предпринимателей, о чем говорят и примеры, приведенные самим А. Г. Кеппеном. Однако сфера его употребления уже в древности была значительно шире.

В памятниках письменности мы находим примеры, в которых это слово не относится к торговле и имеет значение 'близкий, приближенный': «Свѣдомо вамъ, что прїѣздилъ здѣсь къ намъ поплъ Харитонъ отъ васъ съ товарищи на поставленіе» («Грамота митрополита Киприана Псковскому духовенству 1395 года»).

Слова *товарищ* и *товарищество* часто использовались там, где речь шла о свободном объединении людей, основанном на равноправии. Недаром Гоголь в «Тарасе Бульбе», характеризуя отношения между вольными казаками в Запорожской Сечи, писал: «Нет уз святее товарищества!». Нетрудно понять, что и русский пролетариат стал употреблять слово *товарищ* как символ единства мыслей и устремлений соратников по классовой борьбе, как символ свободы и равноправия в том обществе, построение которого было целью этой борьбы. Появление нового значения слова *товарищ* относится к концу XIX века.

Об истории слова *товарищ* писал Л. Боровой в книге «Путь слова» (М., 1960).

КОНСЕРВАТОР

А. С. Заритовская из Тулы спрашивает нас: «Какова этимология и корни слов *консерватор*, *воспитатель* и *преподаватель*?».

Консерватор — слово латинское: *conservator* — буквально 'охранитель' (от глагола *conservare* — 'сохранять'). В политическом лексиконе это интернациональное слово обозначает человека, стремящегося к сохранению старых порядков, человека *консервативных* убеждений. От того же латинского корня происходят и другие слова: *консервация* (буквально 'сохранение'), *консервировать* и *консервы*.

ВОСПИТАТЕЛЬ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Слова *воспитатель* и *преподаватель* образованы с помощью суффикса действующего лица *-тель* от глаголов *воспитать* и *пре-*

подавать. Эти глаголы, книжно-славянские по своей окраске и происхождению, известны были древнерусскому языку. Слово *воспитать* имело первоначально буквальное значение 'вскармливать' (ребенка), но уже в древности употреблялось и в том значении, которое оно имеет в наше время: 'вырастить, дав образование, привив какие-либо навыки, правила поведения'.

Слово *преподать*, *преподавать*, образованное от глагола *дать*, имеет корень *-да-* и двойную приставку *пре-по-*. Подобные двойные приставки с первым элементом *пре-* характерны для целого ряда глаголов, имевших оттенок торжественности, высокопарности, нередко сохранившийся и в современном языке: *препоручить*, *препознать*, *препроводить*, *преподнести* и т. д. Первоначальное значение глагола *преподать* 'передать что-либо, сообщить, внушить, наставить в чем-либо'.

На письма читателей ответил
В. В. ЛОПАТИН

ЕЩЕ РАЗ О КАЗНАЧЕЕ, А ТАКЖЕ О ТРУБАЧЕЕ

В редакцию поступило несколько читательских откликов по поводу моей статьи «Слова-путешественники», опубликованной в первом номере журнала.

Авторы писем указывают, что происхождение существительного *казначей* может быть объяснено проще, чем это сделано в статье. Такого мнения придерживается, например, В. В. Котельников (г. Желтые Воды Днепрпетровской области): «Если сравнить *казначей* со словом *книгочей*, то можно сделать некоторые выводы. Так, если *книгочей* означает 'тот, кто читает книги', то почему бы не быть *казначеем* тем, 'кто считает казну'». Д. А. Головин (г. Канск Красноярского края) задает вопрос: «Является ли *-чей* суффиксом?» — и отвечает на него следующим образом: «Дело в том, что *-чей* в данном случае прилагается к слову *казна* вместо слова *учетчик* 'человек, считающий казну (деньги)', то есть *-чей* производится от слов *счесть*, *учесть*, *честь*, *считать*». В заключение своего письма Д. А. Головин выражает уверенность в том, что «*казначей* — это слово из двух существительных: *казна* — *учетчик*».

Как автор статьи, я выражаю благодарность всем лицам, которые прислали в редакцию интересные замечания, и одновременно хочу сделать ряд дополнительных разъяснений относительно слова *казначей* и ему подобных слов на *-чей* с целью доказать, что последний элемент этих слов *-чей* не имеет ничего общего с глаголами *счесть* — *считать*.

В русском языке известно одно сложное слово со значением лица, в состав которого входит второй частью корень глаголов *счесть* — *учесть* и т. п. Это слово *звездочёт*, в котором корень *-чёт-* представлен в полном своем виде. В формах настоящего времени этот корень представлен без гласного: *учту* — *учтёшь*, *сочту* — *сочтёшь*. В неопределенной форме глагола конечный согласный корня *-т-* чередуется с согласным *-с-*: *учесть*, *счесть* (ср. *плету* — *плести*, *мету* — *мести* и т. п.), а в прошедшем времени

исчезает не только согласный *-т-* перед *-л-* (*учёл*, ср. также *плёл*, *мёл*), но и гласный: *учла*, *учли*, так что от корня остается только один согласный звук *-ч-*. Этот же корень известен и в форме *-чит-*: *учитывать*, *считать*. Итак, корень этот выступает в разных видах: *-чёт-*, *-чес-*, *-чѐ-*, *-ч-*, *-чит-*, но он нигде не встречается в виде *-чей-*, ибо чередование согласных *-т-/-с-* полугласным *-й-* в русском языке никогда не используется.

Кроме слов *казначей*, *книгочей*, суффикс *-чей* содержится в целом ряде других старых слов: *домрачѐй* 'музыкант, игравший на домре', *сурначѐй* 'играющий на сурне', *накрачѐй* 'бьющий в накру (то есть в бубен)'. Наименование музыкальных инструментов *домра*, *сурна*, *накра* пришли с Востока вместе с названиями людей, которые играли на этих музыкальных инструментах. В тюркских языках названия этих лиц звучали *домрачы*, *сурначы*, *накрачы*. Конечный тюркский суффикс *-чы* (или же *-чи*) в этих словах уже на почве русского языка был переделан в *-чей*, так как конечное *-и* было потеряно в русских словах в именительном падеже единственного числа. Такая же замена произошла и во время заимствования новогреческого *μαγαζί*, в котором конечное *-ι* превратилось в *-ей*: *магазин*. Уже в русском языке по образцу приведенных здесь слов было образовано старинное название *трубачей* 'музыкант, играющий на трубе'.

О суффиксе *-чей* в существительных *казначей*, *домрачей*, *сурначей*, *накрачей*, *трубачей* можно говорить лишь в историческом плане: суффикс *-чей* образовался в результате освоения тюркского суффикса *-чы(-чи)*. С современной точки зрения в этих словах следует выделять суффикс *-ачей*: не можем же мы элемент *-а-*, который был окончанием в словах *казна*, *домра*, *сурна*, *накра*, *труба*, по-прежнему считать окончанием. Ведь окончаний не бывает внутри слова между корнем и суффиксом. Следовательно, в этих словах гласный *а* слился с суффиксом *-чей*, образовав новый суффикс *-ачей*. Постоянное написание этих слов с *-а-* в суффиксе *-ачей* также говорит, что здесь не сложные слова. Только суффикс *-ачей* можно выделить в областном русском слове *баграчѐй* (*багрячѐй*), образованном от слова *багор*. Ведь в сложных словах выступает соединительный гласный *-о-*, а не *-а-*. В слове же *книгочѐй* гласный *-о-* происходит из древнего звука *-ъ-*, который никогда не был соединительным гласным в сложных словах. Старое написание этого слова *кънигъччи*.

В попытках установить связь слов *казначей* и *считать* проявилась так называемая народная этимология, которая состоит в том, что обычно заимствованные слова осмыслиются на основе исконных слов. Так, слово *поликлиника* в русском просторечии переделано в *полуклиника*, а слово *пиджак* — в *спинжак*. Народно-этимологическое переосмысление может повлиять на слова литературного языка: существительное *свидетель* сейчас связывается с глаголом *видеть*, а не *вѣдѣти* (т. е. *ведати*), как это было раньше. Раньше оно писалось *свѣдѣтель*. Народная этимология помогает заимствованным словам укорениться в новом для них языке так, чтобы они не казались чуждыми ему пришельцами, а приобретали новые «родственные» связи с исконными словами.

Кандидат филологических наук
И. Г. ДОБРОДОМОВ